

Содзи Симада

Токийский Зодиак

Великий Содзи Симада буквально изобрел целый поджанр «логической загадки».

The Guardian

«Хитроумнейше и захватывающе экзотично».

Japan Times

«Одно из самых оригинальных решений загадки, которые я когда-либо встречал».

Энтони Горовиц

Список действующих лиц

1936

Хэйкити Умэдзава, человек искусства

Таэ Умэдзава, первая жена Хэйкити

Токико Умэдзава, дочь Хэйкити и Таэ

Масако Умэдзава, вторая жена Хэйкити

Юкико Умэдзава, дочь Хэйкити и Масако

Кадзуэ Канэмото, дочь Масако

Томоко Мураками, дочь Масако

Акико Мураками, дочь Масако
Ёсио Умэдзава, писатель (брат Хэйкити)
Аяко Умэдзава, жена Ёсио
Нобуё Умэдзава, дочь Ёсио и Аяко
Рэйко Умэдзава, дочь Ёсио и Аяко
Бундзиро Такэгоси, полицейский
Гэндзо Огата, владелец мастерской манекенов
Годзо Абэ, художник
Ясуэ Томита, владелец галереи
Хэйтаро Томита, сын Ясуэ
Куниэ Ямада, поэтесса
Мотонари Токуда, скульптор
Тамио Ясукава, мастер-манекенщик
Тосинобу Исибаси, художник
Ясуси Ямада, художник
Безумцы, манекены и пр.

1979

Киёси Митарай астролог, предсказатель судьбы и сам себе детектив
Кадзуми Исиока, иллюстратор и детектив-любитель
Эмодо, друг Киёси
Фумихико Такэгоси, полицейский (сын Бундзиро)
Хатири Умэда, служитель тематического парка
Мисако Иида, дочь Бундзиро
Инспектор Иида, полицейский (муж Мисако)

Госпожа Като, дочь Тамио Ясукавы

Сюсай Ёсида, предсказатель судьбы и мастер-кукольник

Собака, майко, манекены, владелец магазина, туристы, официантки и пр.

Предисловие

Насколько мне известно, это самое странное из когда-либо совершавшихся преступлений. Абсолютно невозможное; ничего подобного, наверное, никогда не случалось не только в Японии, но и во всем мире.

В 1936 году в Токио произошла серия зверских убийств. Никто из причастных к делу лиц этих преступлений совершить не мог, и преступник так и не был найден.

Это запутанное дело, естественно, вызвало большой шум по всей Японии. Следователи ломали голову в поисках преступника сорок с лишним лет, но я не имел никакого касательства к этой загадке до весны 1979 года.

Преступление было задокументировано со всей тщательностью – остались все записи и протоколы, под рукой, казалось бы, все ключи, но загадка все равно самым необъяснимым образом не поддавалась.

Перед тем как дать на нее ответ, данная книга предоставляет читателям возможность поломать голову над ее решением, имея все необходимые для этого сведения.

Кадзуми Исиока

Пролог

Азот

Я начал писать эти строки для себя, не думая, что написанное попадет на глаза кому-то еще.

Однако постепенно оно приобретало форму, и это заставляло меня задумываться над тем, что когда-то мои записи могут увидеть другие люди. Исходя из такого предположения, я хочу четко обозначить для самого себя,

что этот текст представляет собой что-то вроде завещания и одновременно «романтическую повесть».

Если, паче чаяния, после моей смерти данное сочинение возьмет какую-то ценность, как случилось с Ван Гогом, в воле читателей будет правильно воспринять мою последнюю волю и по своему усмотрению распорядиться тем, что останется после меня.

21 декабря 1936 года, пятница

Хэйкити Умэдзава

Последняя воля и завещание

Мной овладел дьявол. Я чувствовал, что где-то в глубине моей сущности поселилась чья-то чужая воля. А мое тело – лишь кукла, которой это нечто играет как ему хочется.

Это нечто – воплощение зла. Играет им, как ребенок игрушкой. Что только не делает, чтобы заставить меня содрогаться от ужаса.

Однажды вечером я увидел в своей комнате огромного, размером с теленка, моллюска. Он полз по полу, вытягивая вперед щупальца и оставляя за собой липкий след. Моллюск неуклюже вылез из-под стола и не спеша втянулся в щель между досками.

В другой день, под вечер, в быстро сгущавшихся из-за металлических решеток на окнах сумерках я заметил, что в каждом углу комнаты притаились по две-три ящерицы. Вот какие живые картины демонстрировало мне засевшее внутри меня нечто.

Как-то весной, на рассвете, я проснулся от смертельного, ледящего холода. Сидящий во мне демон хотел заморозить меня. Я слабел, демон нагло забирал мои молодые силы.

Как указывал Цельс[1], чтобы исцелить одержимого дьяволом человека, нужно держать его на хлебе и воде и бить палками.

И как сказано в Евангелии от Марка: «Учитель! Я привел к Тебе сына моего, одержимого духом немым: где ни схватывает его, повергает его на землю, и он испускает пену, и скрежещет зубами своими, и цепенеет. Говорил я ученикам Твоим, чтобы изгнали его, и они не могли»[2].

Я понял, что еще в детстве в меня вселился демон. Каких только мук я не испытал, пытаюсь изгнать его!

В одной книге я прочитал: «В Средние века перед человеком, одержимым бесами, возжигали благовония, обладающие резким запахом. Если с человеком случался припадок, у него выдергивали клочок волос, помещали их в бутылку и закупоривали. Считалось, что мучившие несчастного бесы оказывались в ловушке и человек освобождался от них».

Я просил знакомых проделать это со мной, если у меня будет припадок, однако желающих не нашлось. Тогда я попробовал сам, но ничего не получилось. Люди лишь подумали, что я ненормальный. Они списывали являвшиеся мне образы на заурядную эпилепсию.

Те, кто не испытал того, что пережил я, меня не поймут. Мои страдания, не укладываясь в рамки чисто физиологических ощущений, сметали такие психические ограничители, как стыд и честь. В такие минуты я будто падал ниц перед участниками какого-то торжественного обряда, и на меня снисходило восторженное понимание того, что мое существование и все мои чаяния в этом мире суть нечто преходящее, мимолетное.

Сомнений не было: внутри моего тела жил некий паразит, демон с собственной, никак не связанной со мной волей. Живущая во мне сущность принимала форму шара, вызывая ощущение, получившее в Средние века название «глобус истерикус»[3].

Обычно шар спускался в низ живота, к тазу, но периодически через желудок поднимался по пищеводу к самому горлу. Это случалось раз в неделю, строго по пятницам. Подобно тому, как описывает святой Кирилл, я валился с ног как подкошенный, язык сводила судорога, губы дрожали, изо рта шла пена. В такие минуты я слышал оглушительный бесовский хохот и чувствовал, как бесы молотками загоняют в мою плоть острые гвозди.

Черви, змеи и жабы выползали откуда-то сзади меня, комната наполнялась ходячими мертвецами и мертвыми животными, поганые рептилии подползали ко мне, хватили за нос, уши, губы и, пытаясь как паровоз, распространяли вокруг себя отвратительную вонь. Нет ничего удивительного в том, что эти гады – неизменные участники ведьминых шабашей и прочих нечестивых ритуалов.

В последнее время припадки у меня почти прекратились – во всяком случае, пену изо рта я больше не извергаю, – однако каждую неделю с наступлением пятницы чувствую, будто в груди открываются и начинают, словно стигматы, кровоточить раны. В каком-то смысле это еще более тяжелое испытание, чем припадки. Мне кажется, я впадаю в экстаз, как сестра Катарина Чиалина из семнадцатого века или Эмилия Бичиери из Верчелли.

Демон погонял меня, нашептывал разные гадости, заставлял действовать. В результате с его помощью и по его желанию в этом мире появилась идеальная женщина, в каком-то смысле – богиня. Всеведущая и всемогущая, проще говоря – ведьма.

С недавних пор мне часто снится сон. Все время один и тот же. Сон – источник магии. Для магических обрядов годятся и травы, о которых упоминает Плиний, однако я изжариваю на огне ящерицу, пока ее тельце не превратится в пепел, и смешиваю его с превосходным вином. Намазываю себя этим снадобьем. От него хочется спать. И превращаюсь в марионетку, которой

демон вертит как ему заблагорассудится. Нет! Не в марионетку, а в самого демона, и идеальная женщина является по ночам в моих видениях.

Я очарован ее красотой, силой и энергией, психической мощью и знаю, что передать на холсте образ этого создания мне не под силу. Я молюсь о том, чтобы увидеть ее воочию хотя бы раз, увидеть и умереть, и не могу побороть своего безумного желания.

Я называю эту женщину Азот. Философский камень алхимиков. Я решил дать ей это имя. О ней, идеальной женщине, которую хотел бы запечатлеть на холсте, я мечтаю тридцать с лишним лет.

По моему разумению, тело делится на шесть частей: голова, грудь, живот, поясница, бедра и ноги.

Западная астрология смотрит на человеческое тело как на своего рода мешок, представляющий собой проекцию Вселенной в миниатюре. За каждую часть тела отвечает определенная планета.

Головой руководит и дает ей силу > (Марс), являющийся правящей планетой созвездия ?(Овна) .

Грудь находится в зоне влияния созвездия ?(Близнецов) и созвездия ?(Льва) . Ее охраняют в одно и то же время ?(Меркурий) в Близнецах и ?(Солнце) во Льве. Если же имеется в виду женская грудь, она находится под контролем и защитой ?(Рака) и ? (Луны) .

Живот соответствует созвездию ?(Девы), которую охраняет ?(Меркурий) .

Поясница – это ?(Весы). Весами управляет + (Венера). Но если имеются в виду чресла женщины, то есть часть тела, отвечающая за половую функцию, ими управляет ?(Скорпион) или охраняющая это созвездие планета ?(Плутон) .

Бедра находятся в ведении ?(Стрельца) . Соответственно командует ими протектор этого созвездия – ?(Юпитер) .

Ноги – это ?(Водолей) . Над ними царствует управляющий Водолеем ?(Уран) .

Получается, что определенная планета придает силу той или иной части нашего тела. Например, рожденные под знаком Овна отличаются крепким умом. У тех, кто родился под Весами, здоровая поясница. Все эти особенности зависят от положения Солнца в момент рождения. Иначе говоря, сущность того или иного человека определяет какая-то часть тела. Человек на протяжении своей жизни оказывается не в состоянии превзойти себя, выйти за рамки банального существования, потому что благословением планеты-покровителя пользуется лишь одна часть тела.

По миру разбросаны люди с разными достоинствами: у одного хорошо работает голова, у другого – крепкая поясница. А что, если из всех людей выбрать шестерых, чтобы у каждого была сильная сторона – голова, грудь, поясница и т. д., и объединить эти части в одно тело? Что получится?

Родится идеальное создание, танцующее в лучах света. Стоит ли говорить, что оно будет далеко превосходить человека?

Тот, кто наделен силой, как правило, одарен и красотой. Предположим, это светлое создание вберет в себя черты шести непорочных дев. Тогда оно должно представлять собой идеал красоты. Я мечтаю запечатлеть на холсте женское совершенство, и у меня явление такой красоты не может не вызывать восхищения, настолько сильного, что оно граничит со страхом.

По счастью, недавно я совершенно случайно обратил внимание, что те самые шесть дев находятся рядом со мной. Они живут в моем доме, и по чистой случайности все родились под разными созвездиями и отмечены планетами-покровителями. Это помогло моему художественному вдохновению в создании образа Азот.

Как это ни покажется кому-то удивительным, я – отец пятерых дочерей. Самая старшая – Кадзуэ, за ней Томоко, Акико, Токико и Юкико. Кадзуэ, Томоко и Акико – приемные дочери от моей второй жены, Масако. Юкико – наша общая дочь с Масако, а Токико родила мне Таэ, первая жена. Юкико и Токико – одногодки.

Моя жена Масако занималась балетом, поэтому с удовольствием взялась обучать наших девочек танцам и игре на фортепиано. К этому присоединились дочки моего младшего брата Ёсио, Рэйко и Нобуё. В доме, который снимал мой брат, стало тесно, и девочки переехали ко мне. Здесь все время звучат девичьи голоса.

Правда, старшая из моих падчериц, Кадзуэ, вышла замуж. У нее свой дом. Так что со мной остались шестеро: Томоко, Акико, Токико, Юкико, Рэйко и Нобуё.

Кадзуэ родилась в 1904 году под созвездием Козерога, Томоко (Водолей) – в 1910-м, Акико (Скорпион) – в 1911-м, Токико (Овен) – в 1913-м, Юкико (Рак) – тоже в 1913-м. Что касается племянниц, то старшая, Рэйко (Дева), появилась на свет в 1913 году, а Нобуё (Стрелец) – в 1915-м.

Получилось, что в моем доме живут сразу три девушки, которым исполнилось двадцать два года, а всего их шесть. Как по заказу. И у каждой планета благословила какую-то часть тела, начиная с головы и кончая ногами. Нет ни единого повтора. Таких случайностей не бывает. Это предоставленный мне материал. Демон приказывал принести их в жертву. В этом нет никаких сомнений.

Кадзуэ не подходит. Ей уже тридцать один, она гораздо старше остальных, замужем и живет далековато. Токико – Овен – голова, Юкико – Рак – грудь, Рэйко – Дева – живот, Акико – Скорпион – поясница, Нобуё – Стрелец – бедра, Томоко – Водолей – ноги. Получится синтез этих элементов. Конечно, для поясницы я предпочел бы Весы, а для груди – Близнецов, но, как говорится, чего нет – того нет.

Азот – женщина, поэтому нужна не просто грудь, а женская грудь, и не поясница, а женское лоно. Надо благодарить небо за то, что мне так повезло. Небо или демонов?

Сотворение Азот требует строгого соблюдения всех правил и предписаний алхимии. В противном случае мое создание не сможет обрести вечную жизнь. Шесть дев – это металлы из таблицы химических элементов. Пока

неблагородные, и мне предстояло их очистить и превратить в золото. Низкие дождевые тучи развеются, и покажется ясное, синее небо. Божественная картина!

Я дрожал всем телом. Как же мне хотелось ее увидеть! Взглянуть хотя бы одним глазком и умереть! Я хотел выразить живущий во мне образ Азот и отдал отчаянной борьбе с холстом тридцать лет жизни. Какая получится красота, если я сумею запечатлеть ее не кистью, а во плоти! Чего еще может желать в этом мире художник?

Это мечта, которую за всю историю не удалось воплотить ни одному человеку. Произведение абсолютного смысла. Разве могут сравниться с Азот черная месса, философский камень мудрецов-алхимиков и все творения скульпторов, пытавшихся во все времена уловить красоту женского тела?

Что касается девушек – материала для моей работы, – то они должны будут прекратить земное существование. Их тела предстояло расчленить на три части (от Токико и Томоко требовались голова и ноги, поэтому с ними будет достаточно одного разреза), взять то, что нужно, а остальное выбросить. Сохранить их жизни невозможно, зато их тела пройдут очищение и станут частью бессмертного существа. Какие здесь могут быть претензии?

Согласно принципам алхимической науки, полагается начать работу в то время, когда Солнце будет в созвездии Овна.

Токико – ?(Овен) – должна пожертвовать головой. Ее лишит жизни >(Марс), в алхимии ассоциирующийся с железом.

Юкико – ?(Рак), от которой нужна грудь – лишит жизни ?(Луна), ассоциирующаяся с серебром.

Рэйко – ?(Дева) с нужным мне животом – умрет, проглотив ?(Меркурий), который у астрологов ассоциируется с ртутью.

Обладательница поясницы Акико – ?(Скорпион). Сейчас ее планета – ?(Плутон), но я стараюсь строго следовать традиции Средневековья, когда Плутон еще не открыли. Поэтому надо, чтобы она умерла от Марса.

Нобуэ с бедрами – ?(Стрелец). Она должна умереть от ?(Юпитера), ассоциирующегося с оловом.

Томоко с ногами по гороскопу ?(Водолей). Ее путеводная планета – ?(Уран). Но Урана в Средние века еще не знали, и его заменял ?(Сатурн). Так что Томоко может умереть от Сатурна, я возражать не буду. В алхимии эта планета соответствует свинцу.

Если у меня будут тела шестерых, я должен прежде всего очистить их и самого себя. Для этого требуется смешать вино с пеплом.

Затем предстоит с помощью пилы отделить от тел нужные части и разложить их на деревянном кресте. Потом можно прибить их гвоздями, подобно тому, как к кресту приколотили Христа, но мне не хочется, чтобы на теле были ненужные складки и повреждения. Согласно пророчествам Гекаты[4], я заранее вырежу из

дерева фигурку Азот, отполирую ее как следует и украшу маленькими ящерицами.

Вслед за этим надо приготовить «тайный огонь». Фонтанус[5] и многие другие алхимики считали, что речь идет о настоящем огне, и раз за разом повторяли глупые ошибки. «Вода, которой не намочить рук», «огонь без пламени» – эти понятия на самом деле подразумевают определенные соли и благовония.

В полученную смесь добавляются элементы, образующие двенадцать знаков Зодиака: Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Скорпион, Козерог, Рыбы и т. д. Добытые из них плоть и кровь смешиваются с кусочками мяса жабы и ящерицы и ставятся на огонь в золотом тигле – атаноре.

В «Философумене»[6], автором которой был то ли Ориген, то ли святой Ипполит, я нашел такое заклинание:

О! inferнальный, земной и божественный Бомбо, приди!

Божество, бродящее в ночи, где сходятся все пути.

Враг света, друг и помощник мрака,

Кому по душе песий вой и алая кровь,

Кто крадется среди мертвецов во прахе надгробий,

Жаждающее крови, несущее ужас смертным.

Горго, Мормо, тысячеликая Луна,

Явись, о! всемилостивейшая, к нашему жертвеннику.

Готовую смесь надо вынуть из тигля и плотно закупорить внутри «философского яйца». Причем температура яйца должна поддерживаться на уровне температуры снесенной курицы. Смесь выдерживается в таком состоянии, пока не превратится в универсальное средство, панацею.

Благодаря этой панацее отдельные шесть частей тела Азот сольются в единое целое, во все ведающее и всемогущее создание, которое наконец обретет вечную жизнь в столпе света. И я стану адептом Азот, постигшим все ее тайны.

Люди по ошибке часто принимают результаты этой magnum opus («великой работы») и алхимию за нечто, способное превратить неблагородный металл в золото. Но подобно тому, как астрология явилась прародительницей астрономии, алхимия тоже внесла большой вклад в зарождение химической науки, хотя современные ученые и принижают ее значение. Из-за этого об алхимии сложилось представление как о чем-то неполноценном, вульгарном. Завоевавшие себе репутацию ученые напоминают человека, отрекшегося от родного отца за то, что тот имеет пристрастие к выпивке.

Истинная цель алхимии лежит куда глубже. Она заключается в том, чтобы в идеальном смысле воплотить подлинную суть вещей, скрывающуюся за обыденностью. Выразить природу таких возвышенных понятий, как «высшая красота» или «высшая любовь». В ходе этого процесса сознание коренным образом меняется, проходит очищение. Сознание, не имеющее никакой ценности в заурядной повседневности, обретает изысканность и утонченность, подобно тому, как свинец превращается в золото. На Востоке такому состоянию души, наверное, соответствует «дзэн». Таким образом, подлинная цель алхимии состоит в самом процессе творения, что также можно назвать стремлением к «вечной завершенности вещей» или «универсальному спасению».

Возможно, кто-то из алхимиков действительно пытался получить золото, но, скорее всего, эти попытки предпринимались в шутку, или же это было просто жульничество.

Многие из тех, кто не познал главного секрета алхимии, пытались отыскать «первый элемент» в подземных выработках, хотя нужные элементы вовсе не обязательно должны представлять собой металлы или минералы. Разве не говорил Парацельс: «Они всюду, ими играют даже дети»? Настоящий первый элемент – это тело женщины. А где еще он может быть?!

Мне лучше кого бы то ни было известно, что люди принимают меня за помешанного. Возможно, я не такой, как все, но ведь так и должно быть с художником. То, что отличает художника от остальных, по большей части и называется талантом. Когда кто-то создает произведение, мало чем отличающееся от того, что было создано ранее, разве можно это назвать искусством? Творить способен лишь мятежный дух.

Я не считаю себя особо кровожадным. Однако на меня как на художника произвела неизгладимое впечатление картина расчленения человеческого тела. Я никак не могу побороть в себе желания поглядеть на нашу брентную оболочку в разобранном виде. Еще в молодости вид вывихнутой руки вызывал у меня волнение и сильное желание ее нарисовать. Мне нравится наблюдать, как слабеют мышцы умирающего. Впрочем, наверное, все художники не отличаются в этом друг от друга.

А теперь немного о себе. Я увлекся западной астрологией, был буквально пленен ею, не по собственной воле. Меня с ней познакомил человек, которому покровительствовала моя мать. Тогда в Японии астрологи были большой редкостью. Этот человек предсказал все, что произошло в моей жизни. Потом я стал у него учиться. Он приехал из Голландии и был проповедником. Из-за чрезмерного увлечения астрологией его выгнали из проповедников, и он жил за счет гадания. В те годы он, без сомнения, был единственным астрологом западной школы не только в Токио, но и во всей Японии.

Я родился в Токио 26 января 1886 года, вечером, в семь часов тридцать одну минуту. В тот день Солнце находилось в созвездии Водолея; созвездием, восходившим над горизонтом в час моего рождения, была Дева, а в точке восхождения эклиптики находился Сатурн. Поэтому вся моя жизнь протекает под очень сильным влиянием Сатурна.

Это моя путеводная планета, символ моей жизни. Впоследствии я понял, что интерес к астрологии возник у меня потому, что Сатурн ассоциируется у

астрологов с «первым элементом» – свинцом, который должен превратиться в золото. И мне хотелось узнать, как обратить в благородный металл мои способности художника.

Сатурн – планета, обрекающая человека на испытания и требующая от него терпения. Предсказатель предрек, что моя жизнь станет историей преодоления комплекса неполноценности, и, оглядываясь назад, я могу сказать, что так оно и вышло.

Еще астролог сказал, что у меня не всё в порядке со здоровьем, что я с детства страдаю от аллергии, и предупредил, что мне надо беречься от ожогов. Надо было прислушаться к его словам. В начальных классах со мной случился припадок (из тех, о которых я уже рассказывал), и я серьезно обжег в классе о печку правую ногу. Шрам от ожога виден до сих пор.

Он предсказал мои тайные романы, которые привели к тому, что в один год у меня появились две дочери от разных матерей – Токико и Юкико.

В момент моего рождения Венера располагалась в созвездии Рыб, поэтому меня тянет к женщинам, родившимся под этим знаком, но в конечном итоге судьба свела меня с «львицей». В двадцать восемь лет мне добавилось семейных хлопот. Моя первая жена, Таэ, по гороскопу «рыба». В то время я увлекался Дега и много рисовал балерин. Одной из моих моделей была Масако, нынешняя жена. Я влюбился с первого взгляда, насильно добился ее, и у нас родилась девочка, хотя Масако была замужем. Девочку называли Юкико. Примерно в то же время ребенка родила и Таэ. Потом я с ней развелся, отдав предпочтение «львице» Масако. Надо же было такому случиться в двадцать восемь лет!

Сейчас Таэ держит табачную лавку в Хоя[7], в доме, который я ей купил. Нашу дочь Токико я взял к себе, она изредка навещает мать. Вопреки моим опасениям, она замечательно поладила с жившими у меня другими девочками. Я все время думаю, что поступил с Таэ непорядочно. Хотя после нашего развода прошло уже двадцать лет, чувство вины перед ней не проходит. Если в будущем Азот принесет мне состояние, я готов отдать Таэ все деньги.

Гороскоп, составленный астрологом, предсказывал, что в частной жизни я буду скрытен и склонен к одиночеству, что меня ждет жизнь в изоляции от людей – в больнице или каком-нибудь специальном заведении. Мне предстоит жить в замкнутом мире иллюзий. Все это сбылось на сто процентов. Я редко вижу семью – она живет в главном доме, в основном провожу время в мастерской, под которую переоборудовали старый амбар, притулившийся в дальнем углу сада.

Есть еще одно, самое главное, что угадал астролог, заглянув в мое будущее. В моем гороскопе Нептун и Плутон объединены в девятом доме. Это указывает на трансцендентное существование в мире сверхъестественного, наличие внутреннего откровения и мистической силы. В гороскопе отмечалась склонность к восприятию ересей, интерес к магии и оккультизму. Такое редкое расположение планет знаменовало, что меня ожидают бессмысленные скитания на чужбине, которые в корне изменят мой характер и условия жизни. Судя по движению Луны, я должен был покинуть Японию лет в девятнадцать-двадцать.

Уже сам факт присутствия Нептуна и Плутона в моем гороскопе – вещь довольно оригинальная. Но еще больше усиливает влияние этих планет то, что я родился, когда они обе располагались в девятом доме. Вторая половина моей жизни проходила под знаком этих несчастливых планет. В девятнадцать лет я уехал в Европу и скитался по разным странам, главным образом по Франции. Такая жизнь и привела меня к мистицизму.

В молодости я абсолютно не верил в западную астрологию. Она вызывала у меня естественное отторжение. На подсознательном уровне я пытался действовать вопреки предсказаниям астролога, но все напрасно.

Игрушкой судьбы стал не только я, но вся моя семья, все люди, со мной как-то связанные. Пример тому – окружающие меня женщины. По неведомым причинам они оказались несчастливы в семейной жизни.

С первой женой я развелся. Сейчас женат на второй – Масако. До меня у нее тоже был муж. И она скоро овдовеет, потому что я решил свести счеты с жизнью.

Брак распался и у моих родителей. У бабушки вроде бы тоже. Недавно рассталась с мужем и Кадзуэ, старшая из дочерей Масако.

Томоко уже двадцать шесть, Акико – двадцать четыре. Дом у нас большой, с матерью они прекрасно ладят и выходить замуж, похоже, не собираются. Время сейчас беспокойное, того и гляди начнется война с Китаем, можно без мужа остаться... Уж лучше так, чем быть вдовами, а заняться есть чем – и фортепиано, и балет. Да и Масако военных не любит.

Не хотят замуж – не надо, но мне совершенно не нравится, что Масако вместе с дочками начала проявлять интерес к финансам. Стали насаждать на меня: что это столько земли просто так пропадает (у нас участок 600 цубо[8]), давай на ней построим дом и пустим жильцов.

Я сказал Масако, что они могут распоряжаться имуществом как хотят после моей смерти. Мой младший брат Ёсио снимает дом неподалеку от нас и, конечно, ничего против иметь не будет. По закону ему тоже достанется часть наследства.

Если подумать, то у Ёсио есть все основания чувствовать себя обделенным. Ведь я как старший сын получил все права на наш семейный участок. Конечно, я не стал бы возражать, если б Ёсио с женой переехали к нам – дом просторный, места хватит всем, – однако пока они жилье арендуют. То ли Аяко, жена брата, стесняется, то ли они с Масако не могут найти общий язык.

Короче говоря, все в семье хотят построить на свободном месте дом этажа в три, на несколько квартир. Только я один против. Представляю, как они меня кланут. Думая об этом, я с теплотой вспоминаю Таэ. У нее, конечно, нет особых достоинств, разве что кротость, интересов никаких, но она не стала бы так отравлять жизнь, как Масако.

Почему я категорически против дома? Тому есть причины. Я очень люблю свою мастерскую, которую построил в саду на северо-западной стороне. Сад достался мне в наследство от родителей и находится в Охара, в районе

Мэгуро. Окна мастерской выходят прямо в сад, где много зелени, что способствует хорошему настроению. А если здесь построят дом, в мастерскую вместо деревьев будет заглядывать много любопытных глаз. Кто не захочет попятиться на чудака, репутация которого закрепилась за мной? Для творчества такое докучливое внимание – самый большой враг. Поэтому я ни за что не соглашусь на это строительство.

В детстве я часто играл в амбаре, стоявшем на месте мастерской. Мне нравился царивший там полумрак. С малых лет я хорошо себя чувствую в закрытых пространствах, мне некомфортно за их пределами. Однако в мастерской не должно быть темно, поэтому я устроил в потолке два больших окна, чтобы дать доступ дневному свету. А чтобы никто ко мне не вломился, поставил прочные металлические решетки.

Решетки я приспособил и на остальные окна, устроил в мастерской туалет, умывальник. Амбар был двухэтажный; рабочие разобрали перекрытия, и получилось типа бунгало с высоким потолком.

Мастерские художников обычно так и устроены. Много воздуха в помещении, высокие потолки дают чувство свободы, вдохновляют творческие порывы. Когда работаешь над большой картиной, низкий потолок – делу не помощник. Конечно, работать можно и под низким потолком, но, бывает, нужно отойти подальше, чтобы взглянуть на свою работу со стороны. Так что лучше иметь помещение попросторнее.

Я очень люблю свою мастерскую. Поставил там железную кровать из военного госпиталя, решил там ночевать. Удобно, что кровать на колесиках – можно свободно передвигать ее куда захочу.

Мне нравятся высокие окна. Осенью, когда день переваливает за половину, солнце расцвечивает пол мастерской световыми пятнами, исчерченными полосками теней от оконных решеток. Падающие на оконное стекло сухие листья кажутся нотами, разбросанными по нотной тетради.

Я люблю смотреть на прорубленное высоко в стене окно; раньше оно было на втором этаже. При этом непроизвольно напеваю себе под нос любимые мелодии – «Остров Капри» или «Орхидею в лунном свете».

На первом этаже окна, выходящие на север и запад, упирались прямо в забор, поэтому я их закрасил, оставив то, что смотрит на южную сторону. Стена с покрашенными окнами стала казаться еще шире. Амбар построили, когда я был совсем маленьким; стены, сложенной из блоков вулканической пемзы, тогда еще не было. С восточной стороны мастерской находится входная дверь и пристройка с туалетом.

Вдоль стены с покрашенными окнами стоят одиннадцать картин, в которые я вложил всю душу. Все они относятся к циклу «Знаки Зодиака». Пока их одиннадцать, скоро должно быть готово двенадцатое полотно.

Сейчас я как раз работаю над Овном. Это труд всей моей жизни; как только я его закончу, тут же приступлю к созданию Азот. Увидев свое творение завершенным, запечатлев в глазах его образ, я могу покинуть этот мир.

А теперь немного о моих странствиях по Европе. Во Франции я познакомился с одной японкой. Ее звали Ясуэ Томигути.

Впервые я ступил на мощенные камнем мостовые Парижа в 1906 году. Я был молод и неутомим. Сейчас, наверное, все изменилось, но в то время у человека, приехавшего из Азии и едва говорившего по-французски, почти не было шансов встретить на парижских улицах соотечественника. От этого становилось тоскливо и одиноко. Бродя вечерами под ясным, подсвеченным луной небом Парижа, я ощущал себя единственным человеком на Земле.

Но постепенно я стал лучше говорить по-французски и привык к тому, что меня окружало. Было уже не так одиноко. А прогулки по Латинскому кварталу доставляли удовольствие.

Осень в Париже – замечательная пора. Мне нравилось, как шуршат под ногами опавшие листья, цвет которых прекрасно сочетался с серым гранитом мостовых.

В это время я открыл для себя Гюстава Моро. Помню металлическую табличку с номером «14» на доме на улице Ларошфуко[9]. С тех пор Моро и Ван Гог стали моей духовной пищей.

Однажды осенним вечером, прогуливаясь по своему обычному маршруту, возле фонтана Медичи я повстречал Ясуэ Томигути. Погруженная в свои мысли, девушка стояла у фонтана, опершись о металлические перила. Росшие поблизости деревья уже потеряли всю листву и тянули острые ветви, напоминавшие кровеносные сосуды старика, к свинцово-белесому небу. В тот день как-то сразу похолодало, и было видно, что она, иностранка, чувствует себя в чужой стране очень неудобно.

Увидев девушку, которая могла оказаться моей соотечественницей, я шагнул к ней. Судя по робкому виду, японка. А может, из Китая?

Я уловил симпатию во взгляде девушки и обратился к ней на французском: «Похоже, зима началась». В Японии не принято так заговаривать с незнакомыми людьми, но когда говоришь на чужом языке, это придает смелости. Однако мой прием не сработал. Девушка с подавленным видом покачала головой и отвернулась, явно намереваясь уйти. Тогда я окликнул ее по-японски: «Кими ва Нихондзин дэс ка?»[10] Она обернулась, на лице ее рисовалось облегчение. Мы поняли, что полюбили друг друга с первого взгляда.

С наступлением зимы у фонтана собирались торговцы каштанами. То там, то тут слышались их призывные голоса: “Chaud, chaud, marrons chauds!”[11] Мы стали встречаться каждый день, два одиночества, заброшенные на чужбину, объедались каштанами.

Мы с Ясуэ родились в один год. Мой день рождения – в январе, ее – в конце ноября, то есть я почти на год старше. Она была из состоятельной семьи и приехала учиться живописи. Семья могла позволить себе ее причуды.

Мы вернулись в Японию вместе, когда мне исполнилось двадцать два года, а Ясуэ – двадцать один. Спустя несколько лет в Европе разразилась большая война – Первая мировая.

Мы продолжали встречаться в Токио, и я уже собирался сделать ей предложение, но здесь все пошло совсем не так, как в Париже, где мы были предоставлены сами себе. Ясуэ закружилась в компании друзей и знакомых. Угнаться за ней я не мог, и мы расстались, на какое-то время потеряли друг друга из вида. Потом до меня дошли слухи, что она вышла замуж.

В двадцать шесть я женился на Таэ. Она работала в магазине кимоно рядом с муниципальным колледжем (сейчас там Токийский муниципальный университет). Меня с ней в полушутку-полусерьез познакомил Ёсио. О серьезных отношениях я не думал, но как раз в тот год у меня умерла мать, мне было очень тяжело, и я решил жениться. Все равно на ком. К тому времени я уже получил наследство – родительский дом и землю – и был выгодной партией для Таэ.

По иронии судьбы не прошло и пары месяцев после нашей женитьбы, как я вдруг столкнулся на Гиндзе с Ясуэ. Она вела за руку ребенка. Ясуэ рассказала, что разошлась с мужем и держит на Гиндзе кафе-галерею. «Догадайся, как я ее назвала? Помнишь наше место?» – «Медичи?» – догадался я. – «Точно».

Я передал в галерею Ясуэ все свои картины, однако их почти не покупали. По ее совету мы устроили несколько моих выставок. То ли я оказался второсортным художником, то ли сказалось отсутствие регалий, к которым я не особенно стремился, но усилия наши результата не приносили. И еще я никак не мог толком написать свое резюме. Ясуэ навещала меня в мастерской, я писал там ее портреты и неизменно выставлял их в «Медичи».

Ясуэ родилась 27 ноября 1886 года под знаком Стрельца, ее сын – в 1909 году под знаком Тельца. При случае Ясуэ не упускала возможности намекнуть, что Хэйтаро – мой сын. Говорила вроде в шутку, хотя такое вполне могло быть – цифры сходились. Во всяком случае, первый иероглиф в имени мальчика – «хэй» – взят из моего имени. Если он в самом деле мой сын – это судьба.

В живописи я консерватор. Ставшие модными в последнее время Пикассо, Миро и прочие авангардисты мне не интересны. Мою душу питают только Ван Гог и Гюстав Моро.

Я вообще человек старомодный, но мне нравится искусство, в котором можно сразу почувствовать силу. Если в картине нет энергии, это не картина, а кусок холста, измазанный красками. В такой трактовке я могу понять и абстрактное искусство. Мне нравятся некоторые работы Пикассо или Фуаку Сумиэ[12], отпечатавшего на холсте человеческие тела.

Тем не менее я считаю, что без техники в искусстве делать нечего. Можно, конечно, бросать комья грязи в кирпичную стену, но гарантий, что получится лучше, чем у ребенка, нет никаких. У меня куда больше эмоций вызывают следы автомобильных шин, оставшиеся после аварии на дороге, чем творения какого-нибудь заурядного авангардиста. След от выброса мощной энергии, застывший на мостовой, пятна алой крови, будто просочившейся сквозь камень. Начертанные мелом белые тонкие линии, выглядящие совершенно неуместными на этом фоне. Здесь присутствуют все условия, необходимые для художественного произведения. Вот что после Ван Гона и Моро способно меня взволновать.

Все это так. Но, называя себя консерватором, я имел в виду другое. Вместе с живописью я люблю и скульптуру, но мне больше нравятся куклы, чем творения современных ваятелей. Какая-нибудь штуковина из проволоки, изображающая человека, годится только в металлолом. В общем, любой перекося в сторону авангарда вызывает у меня отторжение.

В молодости я встретил совершенно очаровательную женщину. Она стояла в витрине магазина одежды, находившегося недалеко от муниципального колледжа. Это была не настоящая женщина, а манекен. Я влюбился в нее по уши, каждый день приходил туда и долго глазел на нее. Когда по каким-то делам мне надо было в район привокзальной площади, я непременно норовил пройти мимо этого магазина – бывало, по пять-шесть раз за день, даже если приходилось делать большой крюк. Так продолжалось больше года. За это время я успел познакомиться со всем ее гардеробом – летними нарядами, зимними пальто, весенними платьями.

Мне очень хотелось заполучить манекен, но тогда я был еще почти ребенок, страшно всего стеснялся и так и не решился заглянуть в магазин. Да и денег у меня не было.

Я редко заходил в питейные заведения – мне не нравился стоявший там столбом табачный дым и громкие пьяные голоса, – но, несмотря на это, стал заглядывать в пивную под вывеской «Хурма». Объяснить это просто – в «Хурму» захаживал владелец мастерской, клиентом которой числился тот самый магазин с очаровавшей меня девушкой-манекеном.

Выпивка развязала мне язык, и я заговорил с этим человеком. Наше знакомство привело к тому, что он показал мне свою мастерскую. Токиэ (так я окрестил девушку в витрине) там, конечно, не оказалось, и среди готовых манекенов не нашлось ни одного, в ком содержалась хотя бы сотая часть ее очарования. Трудно объяснить словами, но была какая-то неуловимая разница между куклами из мастерской и Токиэ – то ли в чертах лица, то ли в фигуре. Тем не менее разница была очевидна. Разница качественная, все равно что между перстнем с жемчужиной и колечком из проволоки.

Итак, я стал называть ее про себя Токиэ – так звали популярную тогда актрису, а моя кукла была на нее немного похожа. Я влюбился без памяти. Лицо Токиэ все время стояло у меня перед глазами, и во сне, и наяву. Я посвящал ей стихи, начал писать по памяти ее портрет. Если подумать, не с этого ли я начался как художник?

По соседству с магазином стояла лавка, торговавшая шелком. К ней подъезжала повозка, и начиналась разгрузка. Делая вид, что наблюдаю за ней, я все время косился на Токиэ. Точка была очень удобная. Тонкие черты лица, жесткие на вид каштановые волосы, изящные хрупкие пальцы, стройная линия открытых от колен ног. С тех пор уже минуло тридцать лет, но я и сегодня живо помню лицо и фигуру Токиэ.

Как-то я увидел ее обнаженной. Стоявший в витрине за стеклом человек менял на ней одежду. Пережитый при виде этого зрелища шок я никогда больше не испытывал. Колени мои дрожали, я едва держался на ногах. Тогда вид женских половых органов, волос на лобке надолго потерял для меня интерес и привлекательность.

Жизнь бесчисленное количество раз предоставляла мне возможность убедиться в том, какой глубокий след оставила в ней Токиэ, как много она во мне исковеркала. Я стал отдавать предпочтение женщинам с жесткими волосами. Меня также притягивали женщины глухонемые. И еще такие... как бы это сказать... когда можешь представить, как они замирают, как бы превращаются в растение.

Я лучше всех понимал, что подобное мировосприятие никак не стыкуется с моими художественными взглядами, о которых я уже говорил. Меня часто посещают странные мысли. Ярким проявлением моей эксцентричности является отношение к живописи: как одновременно с Ван Гогом и Моро могут нравиться художники совершенно другого направления? Не попадись Токиэ тогда мне на глаза, возможно, я смог бы выработать настоящий художественный вкус.

Таэ, моя первая жена, как раз и оказалась женщиной-растением, женщиной-куклой. Однако вторая моя натура, художника внутренней страсти, подсознательно требовала другой тип женщины – Масако.

Токиэ – моя первая любовь. 21 марта – я никогда не забуду этот день – она исчезла из витрины. Пришла весна. Кое-где уже распускалась сакура.

Потрясение, которое я пережил, не описать словами. Я чувствовал себя совершенно опустошенным, раздавленным и решил уехать в Европу. Почему в Европу? В Токиэ чувствовалась атмосфера французского фильма, который я тогда посмотрел, и мне пришла в голову фантазия: а вдруг я повстречаю во Франции женщину, похожую на Токиэ?

Спустя несколько лет, когда у меня родилась дочь, я дал ей имя Токико. Так вышло само собой, ведь она родилась 21 марта, в тот день, когда Токиэ убрали из витрины магазина. Я видел в этом загадочный знак судьбы.

У меня почти не было сомнений, что Токиэ тоже появилась на свет под знаком Овна. И я поверил: хоть мне и не удалось в свое время завоевать Токиэ, которую отгородили от меня стеклянной витриной, она все равно стала моей, приняв облик Токико. И я знал, что чем взрослее будет становиться дочь, тем больше она будет похожа на предмет моего обожания.

Вот только здоровье у нее подкачало...

Дойдя до этого места, я впервые почувствовал испуг. Токико – моя любимица, и мне хотелось, чтобы совершенным было не только ее лицо, но и тело. Эта мысль подсознательно одолевала меня.

Я действительно очень люблю Токико. Рожденные под знаком Овна отличаются живым нравом, но день рождения Токико пришелся между Марсом и Нептуном, которые соответственно являются планетами Овна и Рыб. А такие люди склонны к маниакально-депрессивным психозам. Когда на Токико накатывает депрессия, я думаю о ее слабом сердце, и душа сжимается от любви. И надо признаться, что в моем отношении к дочери есть нечто большее, чем просто отцовское чувство.

Дочери иногда позировали мне полуобнаженными. Я рисовал всех, кроме старшей, Кадзуэ, и дочек брата, Рэйко и Нобуё. Токико довольно худенькая,

на правом боку у нее маленькая родинка. Глядя на нее, я думал: «Как было бы замечательно, если б она имела такое же идеальное тело, как лицо».

Нет, я не считал Токико щедущей. Мне кажется, на Томоко, Рэйко и Нобуё, хотя дочерей брата раздетыми я не видел, мяса еще меньше. Но именно Токико в моем представлении должна была стать идеальной женщиной.

У меня две родные дочери – Токико и Юкико, так что в моем желании вряд ли можно усмотреть что-то противоестественное.

Мне неинтересно человеческое тело, отлитое в металле, но есть одно исключение. Несколько лет назад я снова побывал в Европе. Лувр не произвел на меня большого впечатления, и я отправился в Амстердам посмотреть выставку не известного публике скульптора Андре Мийо. Именно его, а не Ренуара, Пикассо, не говоря уже о Родене. Выставка буквально раздавила меня, после нее я целый год не мог взяться за кисть.

Творения Мийо можно назвать искусством смерти. Они были выставлены в заброшенном аквариуме.

На телеграфном столбе висел труп мужчины, на обочине валялись две мертвые женщины – мать и дочь. Они уже начали разлагаться, и в помещении стояла страшная вонь. (Конечно, трупы были не настоящие, но до меня это дошло только год спустя.)

Лица мертвецов были искажены ужасом, мышцы напряжены под воздействием мощной энергии агонии. Позы полных отвердевшей силы тел, застывших, будто замороженных, были переданы с тщательнейшей реалистичностью.

Объемность открывшейся передо мной картины, мягкость и гибкость линий заставили меня забыть о том, что тела выполнены из металла и в одном цвете.

Самой сильной работой в экспозиции была сцена утопления. Человека со скованными за спиной руками, обхватив за шею, топил в воде другой человек. Из рта захлебывавшейся жертвы шли пузыри, тонкой цепочкой поднимавшиеся к поверхности. Действие происходило внутри ярко освещенного на фоне темного зала стеклянного бака и напоминало кадр из кинетоскопа.

Сцена выглядела абсолютно реальной. Она до сих пор стоит у меня перед глазами.

От увиденного я словно впал в ступор, из которого не мог выйти целый год. Я осознал, что мне с моими поверхностными работами никогда не достичь мастерства, с которым я познакомился в Амстердаме. И тогда я решил сотворить Азот. Только такое творение способно превзойти уровень Мийо.

Нужно беречься собак. Зал искусства смерти, который я посетил, был наполнен криками и воплями. Человеческое ухо не в состоянии уловить звук, частота которого превышает двадцать тысяч циклов в секунду[13]. Там, в амстердамском аквариуме, йоркширский терьер, которого несла на руках шедшая передо мной женщина, поводя ушами, определенно слышал вопли, еще не ставшие звуками, и полные смертельной тоски пронзительные голоса частотой тридцать тысяч циклов.

Место, где будет создаваться Азот, следовало определить путем точных математических расчетов.

В принципе, этим местом могла быть моя мастерская, но если одновременно исчезнут сразу шесть девушек и начнется следствие, мастерская попадет под подозрение. Даже если б туда не полезла полиция, запросто могла зайти Масако. Для такого дела требовался другой дом. Место сотворения Азот. И я купил дом. В деревне, по сходной цене. Но поскольку после завершения работы и моей смерти эти записки могут оказаться в чужих руках, точное место я называть не буду. Достаточно сказать, что это префектура Ниигата.

Мои записки – что-то вроде приложения к Азот. Вместе с ней я должен оставить их в центре Японской империи. Они – часть Азот и сами по себе ничего не представляют. Части тел шести девушек, оставшиеся после того, как работа над Азот будет завершена, надо будет развезти по местам, связанным с созвездиями, под которыми девушки родились. Идеальными являются районы, где добываются руды металлов, имеющих отношение к этим созвездиям. То есть, например, территория, где добывают железо, принадлежит Тельцу и Скорпиону, золото – Льву, серебро – Раку, олово – Стрельцу и Рыбам.

Соответственно останки Токико надо доставить в место добычи железа, относящееся к Тельцу, Юкико – туда, где добывают серебряную руду (Рак), Рэйко – ртуть (Дева), Акико – железо (Скорпион), Нобуё – олово (Стрелец) и Томоко – свинец (Водолей). Как только все останки возвратятся по принадлежности, невиданный труд – создание Азот – будет окончательно завершён, и Азот обретет возможность в полной мере использовать заложенную в нее необыкновенную силу. Я должен целиком отдаться этой работе. Довести свою *magnum opus* до финала.

Для чего я решил создать Азот? Это не моя личная прихоть, рожденная увлечением европейской живописью. Разумеется, для меня Азот – вершина эстетического восприятия, самое заветное из всех моих желаний, моя система измерений. Однако я должен создать ее не для себя, а для будущего великой Японской империи. Наша страна творит историю, двигаясь по ошибочному пути. Наша историческая хронология испещрена искусственными морщинами. Сейчас Япония переживает невиданную деформацию. Приходит время оплачивать счета за промахи, которые совершались на протяжении двух тысячелетий. Один неверный шаг – и великая Японская империя может исчезнуть с лица земли. Кризис, в котором оказалась гибнущая страна, углубляется на глазах. И спасение ей принесет Азот.

Конечно, для меня она – воплощение прекрасного, моя богиня, мой демон. Символ магических практик, магический кристалл.

Если мысленно оглянуться на нашу двухтысячелетнюю историю, можно легко обнаружить персонаж, напоминающий Азот. Разумеется, это Химикио[14].

По европейской астрологии Японская империя принадлежит к созвездию Весы. Исходя из этого, японцы должны быть народом веселым и общительным, любящим праздники. Однако в результате господства корейцев и распространения конфуцианства, пришедшего в Японию из Китая, японский национальный

характер изменился – люди стали очень сдержанными и в каком-то смысле лишились чувства радости бытия.

Потом Япония приняла буддизм, но не в его исконном виде, а в китайском варианте. Я считаю, что и иероглифическую письменность не надо было брать из Китая. Не стану распространяться на данную тему, это займет слишком много времени. Скажу лишь, что Японской империи следует вернуться к временам Яматай, когда управляла женщина-государь.

Япония – страна божеств. Подтверждение тому – род Мононобэ. А потом японцы отказались от древности, уважавшей и ценившей старинные обряды и молитвы, поддались на лживые уговоры Сога[15], увлекшихся иностранщиной, и стали почитать лишенное глубины буддийское учение. И расплата наступила, что наглядно демонстрирует дальнейший ход японской истории. А ведь Япония – страна, которой управляли богини.

Что касается национального характера, то у Японии очень много общего с великой Британской империей. Кодекс бусидо ближе всего по духу к традициям британского рыцарства.

Теперь, в отсутствие Химико, к спасению Японскую империю поведет Азот. Она должна стать в самом центре страны. А где он находится? Сейчас наше стандартное время определяется по меридиану, проходящему через город Акаси на 135° восточной долготы. Можно считать этот меридиан центральной линией, пересекающей Японию с севера на юг. Но это полная глупость. Настоящий центр Японской империи находится на 138°48' восточной долготы.

Японский архипелаг напоминает очертаниями красиво изогнутый лук. Его края определить очень трудно. На северо-востоке он, очевидно, оканчивается островами Тисима[16], граничащими с Камчаткой. Южной оконечностью принято считать остров Иводзима из группы островов Огасавара. И хотя остров Хатэрума из относящегося к Окинаве архипелага Сакисима расположен на более южной широте, Иводзима имеет более важное значение. Этот остров – наконечник стрелы, положенной в лук.

Японской империи покровительствуют Весы, в которых правит Венера, поэтому страну отличает подлинная красота. На карте мира не найти столь же красивой цепочки островов. Она напоминает мне стройную женскую фигуру.

Стрела, положенная на тетиву лука, – это протянувшийся к Тихому океану вулканический пояс Фудзи, а на конце стрелы сверкает драгоценный наконечник – Иводзима. Когда-нибудь японский народ поймет, какое большое значение для империи имеет этот остров.

Однажды эта стрела была выпущена. Миновав слева Австралию и далее мыс Горн, оставив в стороне Южный полюс, она попала в Бразилию, где живет больше всего иммигрантов из Японии. Дальше ее полет проходил бы над британскими владениями и азиатским материком, пока она не вернулась бы домой.

Я могу указать крайнюю северо-восточную точку Японского архипелага. Большая часть островов Тисима должна принадлежать Японии. Многие считают, что Парамушир и Онекотан тоже, но я думаю, что их близость к Камчатке и большие размеры являются достаточным основанием для того, чтобы отнести

эти острова к континенту. Территорией Японии следует считать небольшие острова, начиная с Харимкотана, тянущиеся дальше на юг. Возможно, было бы справедливо разделить Тисима по линии, пролегающей между островами Расшуа и Кетой, но раз архипелаг с давних пор носит это название, бо́льшая его часть должна относиться к Японским островам. В противном случае нарушится равновесие с южными островами Окинава. Крошечные клочки суши, разбросанные далеко на севере и юге, напоминают кисточки, с двух концов украшающие плечи огромного лука. Этот лук – Японские острова – будто свешивается с расположенного рядом необъятного континента.

Координаты крайней восточной точки Харимкотана – $154^{\circ}36'$ восточной долготы, северной точки – $49^{\circ}11'$ северной широты.

Теперь двинемся на юго-западную оконечность. Крайний запад Японии – остров Ёнагуни. Самая западная точка находится на 123° восточной долготы.

Крайней южной точкой Японской империи, как я уже писал, считается остров Иводзима, однако это не точно. К юго-востоку от Ёнагуни лежит остров Хатэрума. Его южная оконечность расположена на $24^{\circ}3'$ северной широты, а крайняя точка Иводзимы на $24^{\circ}43'$.

Итак, линия, соединяющая крайнюю точку Харимкотана на востоке и Ёнагуни на западе, пролегает по $138^{\circ}48'$ восточной долготы. Это центральная ось Японской империи, которая проходит через оконечность полуострова Идзу и почти пополам рассекает равнину Ниигата.

Эта линия проходит также по горе Фудзи ($138^{\circ}44'$ восточной долготы). Она имеет чрезвычайно большое значение для Японской империи и ее истории. Играя важную роль в прошлом, она будет играть ее и в будущем. Я наделен кое-каким даром предвидения, поэтому знаю, что говорю. Знаю наверняка.

Этот меридиан полон особого смысла. На его крайней северной точке находится гора Яхико, на которой воздвигнут синтоистский храм. Центр магической силы. Там должен находиться священный камень. Яхико, если можно так выразиться, – пуп Японии. С этим местом не считаться нельзя. От него зависит судьба страны. Гора Яхико – единственное место, где я хочу побывать до того, как покину этот мир. Обязательно поеду туда! Если не удастся и я умру раньше, пусть там побывают мои потомки. Я чувствую силу, которую несет в себе этот меридиан и особенно гора Яхико. Эта мистическая сила зовет меня.

На этой линии, рассекающей Японию пополам с юга, – цифры 4, 6 и 3. Если их сложить, получится число 13, любимое число дьявола. Место Азот – в самом центре 13...

Акт I

Сорок лет в поисках решения

Сцена 1

Следы на снегу

– Ну и что все это значит?

Захлопнув книжку, Митараи швырнул ее мне и вытянулся на диване.

– Прочитал?

– Угу. Часть с записками Хэйкити Умэдзавы.

– Ну и как тебе? – живо поинтересовался я.

Митараи, находившийся в минорном настроении, только промывчал в ответ, но через некоторое время все же выдал из себя:

– Будто меня заставили читать телефонную книгу.

– А про его астрологию что скажешь? Много ошибок?

Митараи хорошо разбирался в астрологии, и мой вопрос польстил ему.

– Многовато вольных трактовок. Физические особенности человека зависят не столько от положения солнца в час его рождения, сколько от того, какое созвездие восходило в это время над горизонтом. Судить об этом только по солнцу – это малость того... Хотя в остальном все по большей части точно. Видно, человек понимал, что к чему.

– А про алхимию что думаешь?

– В этом он абсолютно не разобрался. Типичная ошибка старшего поколения. Вот тебе пример. В Японию завезли из Америки бейсбол, и люди здесь стали думать, что эта игра воплощает американский дух, является средством духовного совершенствования. Игроки дошли до того, что были готовы сделать себе харакири, если у них не получался удар. Мне кажется, Умэдзава все-таки на ступень выше людей, считающих, что суть алхимии – в превращении свинца в золото.

* * *

Меня зовут Кадзуми Исиока. Я – страстный любитель разных тайн и загадок. Они всегда интересовали меня, превратились в своеобразный наркотик. Стоило мне хотя бы на неделю остаться без чтения каких-нибудь загадочных историй,

как у меня начиналась настоящая ломка. Словно сомнамбула, я направлялся в книжную лавку и начинал рыться на полках, пока не наткнулся на какую-нибудь книжку, на обложке которой красовалось слово «тайна».

Я прочитал почти все, что можно было найти в жанре детектива и непознанного, в том числе загадки эпохи Яматай и историю о грабителях, похитивших триста миллионов иен и избежавших тюрьмы. Изысканностью мои литературные вкусы не отличались.

Среди множества прочитанных мной историй ни одна не может сравниться по притягательной силе с «убийствами по Зодиаксу», которые были совершены в 1936 году, как раз во время неудавшегося военного путча 26 февраля.

У нас с Митарай было несколько не очень серьезных дел, которые начинались с пустяков, но дело, о котором пойдет речь дальше, стало на их фоне самым выдающимся, загадочным и странным. Оно приобрело совершенно невероятные масштабы и упорно не поддавалось разгадке.

Это громкое дело, без преувеличения, всколыхнуло всю Японию. Сорок с лишним лет множество интеллектуалов, соревнуясь друг с другом, ломали над ним голову, но оно и сейчас, в 1979 году, остается нераскрытым.

У меня коэффициент интеллекта, прямо скажем, не самый низкий. Я тоже попробовал было взяться за это дело, но и мне оно оказалось не по зубам.

Оставленные Хэйкити Умэдзавой записки, с которыми читатель уже ознакомился, и документы следствия, обработанные в стиле нон-фикшн, были объединены под обложкой книги «Семейство Умэдзава и убийства по Зодиаксу». Она вышла вскоре после моего рождения и сразу стала бестселлером. По всей Японии объявились сотни доморощенных шерлоков холмсов и начались споры. Вокруг этого дела возник настоящий бум.

Запутанное дело, да еще с непойманным преступником, не могло не вызывать интереса, но еще больше людей привлекало то, что это неслыханное по жестокости преступление символизировало мрачные времена, переживаемые Японией накануне начала войны на Тихом океане.

Самое ужасное и загадочное во всем этом то, что шесть девушек были убиты точно так, как описал Умэдзава, и их останки обнаружили в разных районах страны. У каждой отсутствовала какая-то часть тела, и с ними были захоронены предметы из металлов, соответствующих созвездиям Зодиака.

Знаменательный факт: девушки, как посчитало следствие, погибли, когда Хэйкити Умэдзава уже был мертв. У всех остальных лиц, относившихся к числу подозреваемых, оказалось алиби. Причем алиби стопроцентное, никто не пытался придумать себе «отмазку». Таким образом, ни одно из лиц, фигурировавших в записках Умэдзавы, физически не могло совершить это безумное деяние. Получалось, что, за исключением Умэдзавы, больше ни у кого не было ни мотивов, ни возможности для совершения убийств.

В результате возобладало мнение, что убийцей стал кто-то посторонний, не член семьи Умэдзавы. Появилось множество теорий насчет того, кто это мог быть, и одно время дебаты приобрели такой бурный характер, что, казалось,

миру пришел конец. Учили всё, рассмотрели все варианты, и добавить к ним было нечего.

Впрочем, всерьез люди воспринимали это дело где-то до середины 70-х, а потом споры вокруг него выродились в состязание авторов самых разных версий, одна мрачнее другой. Каждый старался придумать что-нибудь пострашнее, завернуть покруче. В последнее время одна за другой появляются книги на эту тему. Причина ясна – их покупают. Этот «книжный бум» напоминает мне охватившую в свое время Америку золотую лихорадку.

Из наиболее эпохальных «теорий» в первую очередь следует упомянуть версии о причастности шефа Главного полицейского управления и самого премьер-министра. Но это еще ничего. Есть версии еще смелее: например, о нацистах, похитивших девушек на опыты, или даже о пробравшихся тогда в Японию людоедах из Новой Гвинеи.

Откуда-то появились люди, сразу принявшие версию о каннибализме и утверждавшие, что собственными глазами видели танцевавших на улицах Асакуса[17] людоедов, которые чуть было их не съели. Дошло до того, что в одном журнале напечатали беседу этих «очевидцев» с кулинарными экспертами на тему: что можно приготовить из человеческого мяса.

Но первое место все-таки остается за новоявленной версией об инопланетянах, авторы которой ловко воспользовались моментом, – на 1979 год как раз пришелся пик продаж научно-фантастической литературы, чему способствовал бум голливудских фильмов. Через некоторое время искусственный ажиотаж поднялся вновь вместе с модой на раскрученную Голливудом оккультную тему.

Однако у версии «постороннего убийцы» есть один серьезный изъян. Как этот человек смог ознакомиться с записками Хэйкити Умэдзавы и какая у него была необходимость действовать точно по содержащемуся в них сценарию?

Мое предположение таково: кто-то каким-то образом обнаружил эти записки и использовал их для прикрытия своего преступления. То есть некто мог увлечься одной из шести убитых девушек, но она им пренебрегла, и тогда он задумал ее убить. При этом преступник решил запутать следствие и для этого убил всех шестерых, как написано у Умэдзавы.

Но и эта версия при ближайшем рассмотрении рассыпается. Во-первых, полиция, расследуя убийства, пришла к заключению, что мать очень строго следила за дочерьми, и романов у них ни с кем не было. Сейчас такое трудно представить, но в 30-е годы родительский контроль был в порядке вещей.

Однако даже если одна из девушек с кем-то встречалась, как преступник решился убить еще пятерых и развезить трупы по всей Японии? Конечно, все можно было сделать быстрее и проще.

Еще вопрос: как этот человек получил доступ к запискам Хэйкити?

Вот по каким причинам мне пришлось отказаться от данной версии. Сразу после окончания войны общественное мнение сошлось на том (с этим согласилась и полиция), что убийства девушек из семьи Умэдзава – дело рук военных спецслужб. Благо что до войны в Японии нередко случались похожие,

пусть и не столь запоминающиеся, происшествия, но о них, как и о разных тайных планах и операциях, народу не сообщали.

Военные расправились с девушками из-за Кадзуэ, старшей дочери Масако. Приятель ее мужа, похоже, оказался китайцем, и Кадзуэ заподозрили в шпионаже. Данное предположение выглядит вполне реально, если вспомнить, что на следующий год после этого происшествия разразилась японо-китайская война.

Поэтому, если мы хотим опровергнуть теории предшественников и найти разгадку этого неслыханного преступления, нужно преодолеть главную помеху на пути – общепринятую версию.

Но даже если ответ на загадку найти не удастся, можно хотя бы разрушить эту преграду. Ведь у принятой версии те же слабые места, что у версии о преступнике со стороны. Сомнения остаются: раз в деле замешана могущественная военная контрразведка, зачем ей понадобились записки Хэйкити? Какая была необходимость действовать по плану, составленному человеком, не имевшим никакого отношения к военным? Так или иначе, тайна по-прежнему оставалась нераскрытой...

* * *

Весной 1979 года Киёси Митарай, из которого обычно энергия бьет через край, пребывал в крайне угнетенном состоянии духа, совершенно не подходящем для того, чтобы заниматься решением столь необычной задачи.

Ему, как всякой артистической натуре, свойственны чудачества. Он мог ни с того ни с сего прийти в восторг от вкуса купленной зубной пасты и радоваться ему целый день; мог впасть в уныние только потому, что в его любимом ресторане что-то не так сделали со столами, и три дня подряд вздыхать по этому поводу. Польстить ему было трудно, чем-то удивить – тоже. Но за время нашего знакомства в таком мрачном настроении я его еще не видел.

Направляясь в туалет или на кухню выпить воды, Митарай двигался как умирающий слон. Клиентов, изредка навещавшихся к нему с просьбой погадать, он встречал с такой миной, что кислее не бывает. Со мной он всегда был высокомерен и заносчив, но теперь оставил меня в покое, что, конечно, утешало.

Мы познакомились около года назад. Поводом к знакомству послужило какое-то пустяковое дело, в котором Митарай быстро разобрался. Почти все свободное время я стал проводить на его астрологических сеансах. Взял на себя функции бесплатного помощника, когда к нему в офис приходили ученики и клиенты. Делал это с удовольствием. Как-то раз к Митарай заглянула женщина по фамилии Иида. Как бы между прочим она сообщила, что ее отец был одним из фигурантов того самого нашумевшего дела об убийствах по Зодиаку, выложила на стол документы, которых еще никто не видел, и попросила

Митарай попробовать разобраться в том, что произошло сорок с лишним лет назад. Когда я ее услышал, у меня чуть сердце не остановилось. Я благодарил судьбу за то, что она свела меня с Митарай, и с того дня изменил к лучшему свое мнение об этом странном своенравном человеке. Оказалось, что этот мало кому известный прорицатель в определенных кругах имеет кое-какую репутацию.

К тому времени я уже забыл думать об этих убийствах, хотя и не совсем, поэтому освежить в памяти обстоятельства дела особого труда не составило. Какой радостью для меня было заняться этим делом! Митарай же, хотя и увлекался астрологией, ничего об убийствах не знал. Я достал с полки книгу «Семейство Умэдзава и убийства по Зодиаку», стряхнул с нее пыль и принес ему. Тут же пришлось ввести его в курс дела.

– Значит, ты говоришь, что Хэйкити Умэдзаву, который все это написал, убили? – проговорил Митарай со страдальческим видом.

– Совершенно верно. Во второй части книги все подробности, – ответил я.

– Хочешь, чтобы я все это читал? Шрифт такой мелкий, что ослепнуть можно.

– Ну понятно, не детская книжка. Картинок нет.

– Ты же об этом деле все знаешь, так? Лучше расскажи в общих чертах.

– Ладно, попробую... Правда, не знаю, как получится. Я все-таки не такой краснобай, как ты.

– Знаешь что... – завелся было Митарай, но запала, видно, не хватило, и он умолк. Он всегда был хорошим мальчиком.

– То есть ты для начала хочешь полную картину?

– Ну давай же...

– Можно начинать?

– Сколько можно?!

– Ну что же... Так называемые «убийства по Зодиаку» делятся на три эпизода. Первый – убийство Хэйкити, второй – убийство Кадзуэ и третий... э-э... «убийства Азот».

Хэйкити Умэдзаву, автора записок, которые ты прочитал, нашли в собственной мастерской, под которую он перестроил тот самый амбар, двадцать шестого февраля тысяча девятьсот тридцать шестого года, через пять дней после того, как он закончил их писать. Эти странные записи обнаружили в ящике его стола.

Следом за ним была убита Кадзуэ, приемная дочь Хэйкити. Она жила одна в Каминогэ, район Сэтагая, очень далеко от дома и мастерской Хэйкити, которые находились в Охара, район Мэгуро. Судя по тому, что имели место кража и изнасилование, преступником был мужчина. Вполне возможно, что Кадзуэ убил человек, не имеющий отношения к смерти других девушек. Это

было просто несчастное стечение обстоятельств. Я склонен думать, что именно так и произошло. Убийство Кадзуэ – это часть трагедии, постигшей семью Умэдзава.

Но смерть Хэйкити и Кадзуэ – только начало. После них последовали серийные убийства, о которых писал Хэйкити. Хотя говорить о серийных убийствах не совсем правильно. Все девушки были убиты примерно в одно и то же время. Речь идет о так называемых «убийствах Азот».

На семью Умэдзава будто наложили проклятие. Кстати, ты знаешь, что произошло двадцать шестого февраля тысяча девятьсот тридцать шестого года, когда обнаружили труп Хэйкити?

– Путч, – с раздражением бросил Митарай.

– Вот именно – военный путч. Надо же, ты тоже выучил кое-что из истории. Кто бы мог подумать? Смотрим дальше.

Как бы тебе объяснить... Для начала разберемся с действующими лицами. В книге есть схема. Смотри. Отношения между этими людьми и без того запутаны, а Хэйкити вдобавок записал их имена другими иероглифами. То есть звучат одинаково, а пишутся по-разному. Чтобы еще больше усложнить картину. Возраст указан по состоянию на 26 февраля 1936 года.

– Даже группы крови указаны.

– Да, и это тоже. Про группы крови дальше будет понятно. Потом они тоже понадобятся.

Хэйкити точно описал людей, имевших отношение к этому делу, и отдельные эпизоды. Я думаю, все так и было.

Этой картине не хватает лишь информации о младшем брате Хэйкити, Ёсио. Он занимался журналистикой и литературой: писал очерки в журналы о путешествиях, печатался в газетах, публиковавших с продолжением его рассказы. То есть оба брата были люди творческие. Когда убили старшего, младший ездил по Тохоку[18], собирал материал для путевого очерка. Где он находился в то время, точно установить невозможно. И все-таки в целом его отсутствие в Токио можно считать за алиби. Дальше на этом остановимся подробнее. А пока поговорим о том, кто из действующих лиц мог совершить убийства девушек.

Надо еще кое-что добавить о Масако. Ее девичья фамилия Хирата. Она из довольно старого рода, пустившего корни в Аидзувакамацу[19]. По родительскому соглашению вышла замуж за Сатоси Мураками, директора торговой компании. У них родились три дочери – Кадзуэ, Томоко и Акико.

– А о Хэйтаро Томита что скажешь?

– Когда произошли убийства, Хэйтaro было двадцать шесть. Он был не женат и помогал матери в галерее «Медици». Скорее даже вел там все дела. Если Хэйкити в самом деле его отец, значит, он «родил» его в двадцать три года.

– А по группе крови нельзя определить, отец он или нет?

– Не тот случай. У Хэйтaro и его матери нулевая группа, а у Хэйкити группа А.

– О Ясуэ Томита мы знаем только по Парижу. А в тридцать шестом году у них с Хэйкити были отношения?

– Похоже на то, – ответил я. – Хэйкити в основном выходил из дома только за тем, чтобы встретиться с ней. Ясуэ разбиралась в искусстве, и он ей очень доверял. Чего нельзя сказать о Масако и приемных дочерях.

– Чего ж он тогда женился на этой Масако? И какие у нее были отношения с Ясуэ?

– Никаких. При встрече они только здоровались, и всё. Ясуэ часто бывала у Хэйкити в мастерской, а в главный дом даже не заглядывала.

Хэйкити недаром любил свою мастерскую и уединенную жизнь. Видимо, имелась причина. Ясуэ могла попасть в мастерскую через отдельную калитку, не встретив никого из домочадцев. Должно быть, Хэйкити все еще любил ее. Она оставила в его сердце глубокий след, и он не смог выбросить ее из памяти. Он и на Таэ женился только для того, чтобы залечить шрам от несчастной любви. По этой же причине и Масако его быстро окрутила. Воспоминания о той, парижской Ясуэ жили где-то в душе Хэйкити, отсюда и спады настроения.

– То есть Масако и Ясуэ не могли...

– Нет, они ни за что не спелись бы. Это исключено.

– А с первой женой после развода он виделся?

– Ни разу. Хотя их дочь, Токико, часто ездила в Хоя навестить мать. Переживала за нее, ведь Таэ жила одна в своей табачной лавке.

– Суровый человек...

– Да уж. Хэйкити ни разу не съездил с дочерью к жене. Таэ тоже не бывала у него в мастерской.

– И с Масако Таэ отношений не поддерживала?

– Конечно, нет. Для Таэ Масако была разлучницей, которая увела у нее мужа. Она должна была ее ненавидеть. Это же женщина.

– Ого! А ты, оказывается, спец по женской психологии.

– Скажешь тоже...

– Раз Токико так волновалась за мать, чего к ней не переехала?

- Понятия не имею. Я же не специалист по женской психологии.
- А Аяко, жена брата Хэйкити, ладила с Масако?
- Похоже, да.
- Дочерей отправила к Хэйкити, они жили у него в доме, как само собой разумеется, а сама с Масако жить не захотела, хотя места хватило бы всем.
- Не знаю. Может, была какая-то ссора...
- А с Хэйтаро Хэйкити часто виделся?
- Кто их знает... В книжке об этом ничего не сказано. Хэйкити часто бывал на Гиндзе в галерее «Медичи» и, наверное, видел там Хэйтаро. Они вполне могли там сойтись.
- Хорошо. С предисловием вроде как разобрались. Вывод такой: Хэйкити Умэдзава, как многие творческие личности того времени, отличался эксцентричным поведением, что создавало ему много проблем в отношениях с людьми.
- Точно. Ты это тоже имей в виду.

Митарай недоуменно уставился на меня.

- Что я должен иметь в виду? У меня, слава богу, есть моральные принципы, и я таких людей, как Хэйкити, совершенно не понимаю... Короче, предисловие кончилось. Давай теперь со всеми подробностями об убийстве Хэйкити.
- Ну уж в этой теме я знаток.
- Да что ты говоришь? - Митарай шутливо ухмыльнулся.
- Я все наизусть помню. Держи книжку. Ага! Открой-ка страницу с рисунком.
- А ты, случаем, не преступник?
- Не понял.
- Это было бы замечательно. Я бы тебя разоблачил, не слезая с дивана. Протянул руку, набрал полицию, раз - и тайна раскрыта. Может, ты и это дело сотворил?
- Что за чепуха?! Это же сорок лет назад было. Ты что, забыл? Сколько же лет мне сейчас?! «Раз - и тайна раскрыта»... Я не ослышался?
- Не ослышался, не беспокойся. А для чего тогда я слушаю твою скучную лекцию?

Я непроизвольно хихикнул.

– Послушай, это ведь не заурядное дело. Тут даже классному детективу не разобраться.

Митарай громко зевнул:

– Ладно, давай дальше.

– Двадцать пятого февраля, около полудня, Токико вышла из дома Умэдзавы и поехала в Хоя к матери. На следующий день утром, около девяти, она вернулась в Мэгуро. Как раз в эти дни, двадцать пятого и двадцать шестого февраля, в Токио вспыхнул военный мятеж и выпало рекордное за тридцать лет количество снега. Это важное обстоятельство. Вбей это в свою самодовольную голову.

Вернувшись домой, Токико стала готовить завтрак для Хэйкити. Он ел все, что бы она ни приготовила, доверял – все-таки родная дочь.

Токико принесла завтрак в мастерскую без чего-то десять. Постучала, отец не отвечал. Она обошла постройку и заглянула в окно. Хэйкити лежал на полу в луже крови.

Перепуганная Токико позвала из дома мать и сестер. Вместе им удалось сломать дверь. Хэйкити был мертв. Он лежал на боку, затылок был разможен каким-то тяжелым плоским предметом, возможно, сковородой. У него обнаружили ушиб головного мозга, перелом черепа, повреждение мозговой ткани, кровотечение из носа и рта.

В ящике стола лежали деньги и какие-то ценные безделушки. Преступник их не тронул. Там же, в ящике, обнаружили те самые странные записи.

Вдоль северной стены мастерской выстроились одиннадцать картин, которые Хэйкити называл трудом всей жизни. Никаких повреждений на них не было. Последняя, неоконченная картина стояла на мольберте.

Когда женщины проникли в мастерскую, уголь в печи еще тлел. В то время публика зачитывалась детективными романами, поэтому все были в курсе, что надо делать в таких случаях: под окном лишних следов не оставлять, в мастерской по возможности ни к чему не прикасаться. Так что когда приехала полиция, место происшествия было почти в идеальном состоянии. Как я уже говорил, накануне в Токио прошел сильный снегопад, какого не было три десятка лет, и от мастерской к калитке тянулась четкая цепочка следов.

Посмотри на рисунок. Видишь следы? Это очень важная зацепка. Невероятный ключ к разгадке, который дал снег, выпавший именно в ту ночь.

Следы обуви мужчины и женщины. Однако не похоже, чтобы они шли от мастерской вместе. Потому что один след пересекается с другим.

В принципе, они могли выйти и вместе и идти друг за другом, но это маловероятно. Вот что непонятно: мужские следы вели к одному из окон, где

человек, их оставивший, здорово потоптался, а потом вернулся к входу в мастерскую. Что касается женщины, то она сразу же направилась самым коротким путем к калитке. То есть если двое вышли из мастерской в одно время, мужчина шел вторым, ступая за женщиной.

За калиткой была мощеная мостовая, поэтому, когда около десяти часов приехала полиция, за пределами усадьбы она никаких следов не обнаружила. Их стерли автомобили и пешеходы.

– Хм!

– Еще раз хочу обратить внимание на снегопад. В Мэгуро он начался около двух часов дня двадцать пятого февраля. В Токио снег выпадает редко. Никому в голову не могло прийти, что он не сразу растает. Тогда еще не было точных прогнозов погоды. А вышло так, что снег не прекращался девять с половиной часов – до половины двенадцатого. Вот он и остался.

А на следующее утро, в полдевятого, снег пошел опять. Правда, продолжался совсем недолго, минут пятнадцать. Припудрил то, что было.

Следы лишь слегка припорошило. Из этого следует, что двое вошли в мастерскую по меньшей мере за полчаса до половины двенадцатого, когда снегопад прекратился, и вышли из нее в промежутке между половиной двенадцатого и половиной девятого следующего утра. Сначала женщина, потом мужчина. Почему я утверждаю, что они вошли в мастерскую за полчаса до окончания снегопада? Потому что следы были занесены лишь слегка.

Что из этого следует? Можно предположить, что в тот вечер в мастерской встретились обладатель мужской обуви, обладательница обуви женской и Хэйкити. Верно? Судя по следам, ситуация, когда женщина пришла в мастерскую первой, встретила с Хэйкити и отправилась восвояси, а за ней явился мужчина, убил Хэйкити и ушел, представляется крайне маловероятной. Вот это-то и интересно.

Если наследивший в усадьбе Умэдзава преступник – мужчина, то женщина, посетившая Хэйкити, должна была его хорошо разглядеть. И наоборот: мужчина видел женщину-преступницу. Но такое вряд ли возможно. Мужчина покинул мастерскую после женщины. Странно, если он просто наблюдал со стороны, как женщина убивает Хэйкити, остался на месте преступления после того, как она ушла, и бессмысленно топтался под окном.

А что, если мужчина и женщина действовали вместе? Естественно, такая мысль приходит в голову. И здесь есть один очень непонятный момент. Незадолго до гибели Хэйкити принял снотворное. Оно было обнаружено в его желудке. Доза, конечно, далеко не смертельная; видимо, Хэйкити выпил таблетки, чтобы заснуть. Скорее всего, сделал это сам. И сразу после этого его убили. Получается, он принял снотворное, когда у него были гости.

Странно, правда? Если б гость был один, это еще как-то можно понять. И то если этот человек очень близок к хозяину. Но двое?! Пить снотворное в их присутствии? Неужели эти люди были так близки Хэйкити? То есть, выпив снотворное, он мог извиниться перед гостями и уснуть? Однако Хэйкити трудно сходил с людьми. Были ли у него столь близкие друзья?

Остается лишь один вариант. Полдвенадцатого снег кончился, и женщина ушла. Хэйкити остался наедине с мужчиной. И тогда уже принял снотворное.

Но здесь тоже остаются неясности. Будь женщина одна, Хэйкити, может, выпил бы таблетки и при ней. Но среди мужчин у него не было настолько близких друзей, чтобы при них принимать средство от бессонницы.

Короче, со снотворным нет полной ясности. Споры вокруг убийства Хэйкити не утихают уже сорок лет, вот почему я подробно остановился здесь, хотя сильно голову над этим не ломал.

При этом в истории со следами много странного. Получается так: мужчина, оставивший следы, – единственный преступник, и женщина его видела. Кто была эта женщина, как думаешь?

– Натурщица?

– Ага! Вот-вот! Это могла быть натурщица. И она могла видеть преступника. Полиция несколько раз обращалась к свидетелям преступления с призывом явиться и дать показания, обещая не раскрывать имен. Однако никто так и не пришел. Так что кем была эта женщина, не известно до сих пор, сорок лет спустя.

И опять странное дело: натурщица что, позировала Хэйкити до полдвенадцатого ночи? Если так, то она была с ним в очень близких отношениях. Порядочная женщина на такую работу не согласится.

Остается, конечно, возможность, что женщина явилась к Хэйкити без зонтика и ждала, пока снег не прекратится. Зонта в мастерской не было, хотя хозяин вполне мог сходить за ним в дом.

С учетом вышесказанного многие сомневаются, была ли вообще эта натурщица. Ведь ее так и не нашли. Полиция сбилась с ног, но результата не добилась. Так что есть все основания ставить ее существование под сомнение. Стали даже говорить, что следы на снегу – это уловка. Говорили много и в итоге пришли к следующему: следы, кто бы их ни оставил, вели только в одном направлении – от мастерской. Об этом свидетельствуют глубина и форма отпечатков.

Учили и такой вариант: мог ли некто надеть на руки женскую обувь и пройти по-собачьи? Но эксперимент показал, что это невозможно, поскольку ширина мужского шага значительно больше женского.

Пожалуй, хватит о следах. Это не самый интересный аспект в убийстве Хэйкити. В его записках сказано, что на окнах – в стене и крыше – были установлены прочные металлические решетки. Хэйкити был человеком очень нервным и решетки подобрал такие, что не сломать. Никто и не пытался это сделать – во всяком случае, следов взлома не обнаружили. Снять их снаружи не представлялось возможным. То есть проникнуть в мастерскую и выйти из нее можно было только через единственную дверь. Именно ею и воспользовался преступник.

Входная дверь была не совсем обычная. Такие двери ставят в Европе. Она открывалась наружу и была снабжена задвижкой. Путешествуя по Европе,

Хэйкити мог часто видеть такие двери во Франции, в сельских гостиницах. Наверное, они ему понравились. Дверь закрывалась изнутри на задвижку, которая фиксировалась в пазу в стене. На задвижке висел замок, типа тех, какими запирают саквояжи.

Митарай широко открыл глаза и приподнялся на диване.

– В самом деле? – спросил он.

– Точно. Мастерская оказалась запертой изнутри.

Сцена 2

Двенадцатая картина

– Но это же невозможно. Замок от саквояжа? Но в таком случае преступник, убив Хэйкити, сбежал через какой-то потайной ход. Других вариантов не остается.

– Полиция там все прочесала. Никакого потайного хода в мастерской не обнаружили. Не через канализацию же убийца просочился. Там и ребенок не пролез бы.

– Уж не знаю, как с задвижкой, но против замка никакие технические штучки не сработают. Его могли навесить только изнутри. И потом, эти следы под окном... Чего этот человек там топтался? Разве не странно?

Далее, необходимо определить предполагаемое время смерти Хэйкити. Она наступила между одиннадцатью часами вечера двадцать пятого февраля и часом ночи двадцать шестого. Снегопад закончился в полдвенадцатого. Это надо иметь в виду.

Что касается места происшествия, то следует отметить два странных обстоятельства. Первое: как видно на рисунке, кровать в мастерской была отодвинута от стены и стояла криво; ноги лежавшего на полу Хэйкити оказались под кроватью. Нам известно, что Хэйкити любил двигать свою кровать по мастерской и спать где заблагорассудится, поэтому в необычном положении кровати, возможно, нет ничего странного. Тем не менее данное обстоятельство может иметь очень большое значение. Зависит от того, как на него смотреть.

Вторая странность: Хэйкити носил усы и бороду, а на трупе бороды почему-то не было. Вот тебе еще загадка. По свидетельству членов семьи Хэйкити, за два дня до убийства борода была при нем. Похоже, он не сам ее отрезал. Значит, это сделал преступник. Бороду не побрили, а именно отрезали. Обкорнали ножницами. Почему я думаю, что это сделал преступник? Потому что

остатки бороды были обнаружены возле тела убитого, а в мастерской не нашли ни ножниц, ни бритвы. Странно, правда?

Еще была версия, что вместо Хэйкити убили его младшего брата, Ёсио. Братья были очень похожи, почти близнецы. Но Ёсио бороду не носил. Хэйкити мог пригласить брата к себе, по какой-то причине убить его и оставить тело в мастерской в надежде, что Ёсио примут за него. Или могло произойти наоборот.

Вообразить такое по силам только авторам детективного чтива для малолетних читателей, поэтому сейчас никто не воспринимает эту «версию» всерьез. Хотя домочадцы могли и обознаться – они давно не видели Хэйкити без бороды, и черты его лица от удара по черепу были искажены. Так что полностью исключать возможность подмены я бы не стал. Ведь Хэйкити был настолько одержим своим творчеством, что, наверное, пошел бы на все во имя Азот.

Вот что можно сказать о месте происшествия. Перейдем теперь к действующим лицам и их алиби...

– Подожди минуту, сэнсэй!

– Есть вопросы?

– Ты слишком частишь. Я за тобой не успеваю. Даже вздремнуть некогда.

– Это что за разговоры в аудитории?! – возмутился я.

– Меня интересует запертая мастерская. Следы, по твоим словам, очень активно обсуждали. А о мастерской долго говорили?

– Сорок лет.

– Тогда расскажи о мастерской подробно.

– Может, я сразу все и не вспомню... Постройка изначально задумывалась как двухэтажная, поэтому крыша была очень высоко. До проделанного в ней окна не дотянуться, даже если встать на кровать. Так или иначе, на окне еще стекло и решетка. Ни лестницы, никаких других приспособлений, с помощью которых можно было бы забраться наверх, в мастерской не нашли. Все двенадцать картин оставались на своих местах.

Труба угольной печки была сделана из жести, по такой непрочной конструкции даже Санта-Клаусу не вскарабкаться. Кроме того, огонь в печи еще горел. В стене было отверстие, через которое труба выходила наружу, но такое маленькое, что голова не пролезет. Вот, пожалуй, и всё. И никаких потайных ходов.

– Занавески на окнах были?

– Были. И вот еще что. Рядом с кроватью, у северной стены, лежал длинный, очень тонкий шест, которым раздвигали и сдвигали шторы на окне под потолком. Причем нашли его далеко от окна, в другом конце комнаты.

– Угу. Окна были заперты?

– Не все.

– А окно, у которого кто-то топтался?

– У него шпингалет был открыт.

– Понятно. А что еще было в мастерской?

– Да ничего особенного. На рисунке, считай, вся обстановка. Плюс подушка на кровати, краски, кисти и прочие атрибуты художника; в столе ручки, бумага, та самая тетрадь с записями, наручные часы, немного денег, географический атлас. Вот, пожалуй, и все. Хэйкити намеренно не держал в мастерской ни книг, ни журналов, ни газет. Похоже, он не был любителем чтения. Ни радио, ни патефона. Классическая келья художника.

– Кстати, а что калитка в стене? Она была заперта?

– В принципе, она запиралась изнутри, однако замок вроде был сломан. Достаточно дернуть снаружи – и калитка открыта.

– Довольно опрометчиво.

– Согласен. Хэйкити перед убийством порядком ослабел: почти ничего не ел, мучился от бессонницы,пил таблетки. Напился снотворного, получил удар по затылку, да еще и оказался в запертой комнате... Странно все это. Бессмыслица полная.

– И еще бороду ему отрезали.

– Но это-то тут при чем?

Митарай раздраженно помахал пальцем у себя перед носом:

– Если он погиб от удара по затылку, значит, это точно убийство. Но зачем убийце понадобилось запирать мастерскую? Хотел инсценировать самоубийство?

Я хмыкнул. У меня был готов ответ на этот вопрос:

– Начнем со снотворного. Как я уже говорил, когда рассказывал про следы, Хэйкити принял таблетки в присутствии гостей. Двух – или одного, мужчины. Из этих двух вариантов гораздо более вероятен второй. И конечно же, Хэйкити знал этого мужчину, был с ним в довольно близких отношениях. Это могли быть или его брат Ёсио, или Хэйтаро из галереи «Медичи».

– Выходит, у Хэйкити, кроме фигурирующих в записках лиц, других близких людей не было?

– Были два-три художника, с которыми он познакомился в «Медичи», и несколько завсегдатаев питейного заведения «Хурма», упомянутого в его записках. Не столько близких знакомых, сколько собутыльников. Среди них – Гэндзо Огата, владелец мастерской, где делали манекены, и один из его работников по имени Тамио Ясукава.

Но все эти люди – всего лишь хорошие знакомые, и среди них только один человек был у Хэйкити в мастерской. И то лишь один раз. И уж конечно, его не стоит записывать в друзья Хэйкити. Поэтому даже если в ночь, когда произошло убийство, кто-то из этих людей оказался в мастерской, для него это был первый визит к художнику. Стал бы Хэйкити пить снотворное в присутствии таких людей?

– Да-а... А Ёсио и Хэйтаро? По ним что полиция решила?

– Их признали непричастными к убийству. У обоих оказалось алиби, хотя и не очень надежное. Возьмем Хэйтаро. Двадцать пятого февраля, примерно до половины одиннадцатого вечера, он играл в карты с друзьями в галерее «Медичи» на Гиндзе. Там же присутствовала его мать, Ясуэ Томита. Они собрались посидеть после закрытия галереи. Гости разошлись около двадцати минут одиннадцатого, а в половине одиннадцатого мать и сын поднялись на второй этаж и разошлись по своим спальням. Если Хэйтаро – убийца, он должен был добраться до мастерской Хэйкити за тридцать-сорок минут. Возможно ли было уложиться от Гиндзы до Охара-мати в районе Мэгуро за сорок минут при сильном снегопаде?

А если мать и сын стоворились убить Хэйкити? В таком случае они могли выбежать из «Медичи» сразу после ухода гостей, и у них было около пятидесяти минут, чтобы доехать до мастерской. Счет шел на минуты.

Но даже если так и было, непонятен мотив преступления. Если говорить только о Хэйтаро, полностью отрицать существование у него мотивов для убийства мы не можем. Хотя мотивчики, конечно, так себе. Хэйтаро мог обижаться на безразличие и безответственность отца – если Хэйкити им был. Или на то, что Хэйкити причинил страдания его матери. Однако стоит включить в эту комбинацию Ясуэ, как все запутывается. Она была с Хэйкити в добрых отношениях. Еще их связывала работа. Хэйкити сдавал в галерею Ясуэ свои картины. Убивать его было просто глупо с коммерческой точки зрения. Картины Хэйкити после его смерти, особенно после окончания войны, продавались очень дорого. Но поскольку у Ясуэ не было с ним четкого контракта, она мало что получила от этого.

Так или иначе, следственный эксперимент показал, что доехать от Гиндзы до Мэгуро ночью по заснеженным улицам за сорок минут было невозможно.

– Угу.

– Теперь о Ёсио. В день убийства, двадцать пятого, он уехал в Тохоку и вернулся в Токио поздно ночью двадцать седьмого. Алиби у него не идеальное, хотя точно известно, что он встречался с приятелем в Цугару[20]. Ёсио был в этом городе, тут не может быть сомнений. Говорить о его поездке можно много, но я опущу подробности.

В деле об убийстве Хэйкити у многих лиц алиби, подобно Ёсио, оказалось не стопроцентным. Я бы даже сказал, почти у всех. Взять, к примеру, жену Ёсио, Аяко. Муж был в командировке, дочери – у Масако, а она в ту ночь осталась дома одна. Без алиби.

– А что, если она и была той самой натурщицей?

– В сорок шесть лет?

– Мда-а...

– У женщин, имевших отношение к этому делу, с алиби проблемы. Возьмем для начала старшую дочь Хэйкити, Кадзуэ. Она была в разводе и проживала одна в Каминогэ. По тем временам порядочная дыра. Естественно, алиби она доказать не могла.

Теперь Масако со своими дочками. Как обычно, они – сама Масако, дочери Томоко, Акико и Юкико и племянницы Рэйко и Нобуэ – собрались в главном доме обсудить свои женские дела. В десять часов все разошлись по своим комнатам. Отсутствовала лишь Токико, которая в тот день ездила в Хоя к матери.

В доме, кроме кухни и небольшого холла-гостиной, где девушки занимались танцами и музыкой, было еще шесть спальных комнат. Хэйкити в доме совсем не жил, отдавая предпочтение мастерской. У Масако и ее дочерей были отдельные спальни, Рэйко и Нобуэ спали вместе в одной комнате.

Может, это не имеет отношения к делу, тем не менее на первом этаже рядом с гостиной располагались спальни Масако, Томоко и Акико. На втором этаже, возле лестницы, находилась комната Рэйко и Нобуэ. За ней были спальни Юкико и Токико.

Теоретически любая из женщин могла покинуть свою комнату, когда остальные уснут. С первого этажа вообще можно было вылезти на улицу через окно. Но никто этого не сделал. На снегу под окнами не нашли ни одного следа.

Конечно, можно было выйти на улицу через главный вход, пройти вдоль стены, огораживавшей усадьбу, до калитки. Дорожка от входной двери до ворот была выложена каменными плитами. Томоко, проснувшись рано утром двадцать шестого, смела снег с камней. По ее свидетельству, она видела на снегу лишь следы почтальона, который прошел к входной двери и вернулся к воротам, но подтвердить ее слова никто не мог.

Масако сообщила, что, проснувшись, не обнаружила никаких следов, но это тоже лишь ее слова, и, когда приехала полиция, большинство следов уже было затоптано.

Возможность, что кто-то перелез через стену, полностью исключена. В десять тридцать двадцать шестого февраля полиция обследовала стену и не обнаружила около нее на снегу никаких следов.

Кроме того, по верху стены была натянута прочная колючая проволока, поэтому даже сильный мужчина не смог бы перелезть через стену без риска поломать себе кости. По этой же причине пройти по кромке стены тоже не получилось бы.

Остаются еще два действующих лица, у которых проблема с алиби. Это Токико и Таэ, первая жена Хэйкити. Обе свидетельствовали в пользу друг друга. Таэ утверждала, что Токико находилась у нее дома. Среди дочерей Хэйкити только у Токико было алиби, которое кто-то мог подтвердить, но поскольку в ее пользу свидетельствовала мать, алиби Токико нельзя считать стопроцентным.

– То есть с алиби дела обстоят неважно?

– Строго говоря, доказанного алиби нет ни у кого.

– Понятно. Получается, что все на подозрении. А что Хэйкити делал двадцать пятого? Работал?

– Похоже на то.

– Значит, у него могла быть натурщица?

– Да. Разговоры об этом тогда ходили. Полиция тоже считала, что следы на снегу могла оставить натурщица. Хэйкити Умэдзава часто нанимал их в клубе моделей «Цветок лотоса» на Гиндзе. Иногда ему кого-то рекомендовала и Ясуэ Томита. Однако полиция, обратившись в «Цветок лотоса», выяснила, что двадцать пятого никого из натурщиц этого клуба в мастерской Хэйкити не было. Опросили работавших при клубе девушек, ни одна из них со своими подругами художника не знакомила. То же самое заявила и Ясуэ: двадцать пятого февраля никто из ее знакомых с Хэйкити не работал.

Однако Хэйкити сообщил Ясуэ интересную вещь. Двадцать второго он с радостью поделился с ней новостью, что нашел классную натурщицу, именно такую, какую хотел писать. Сказал, что отдаст все силы этой работе, которая станет последней и самой главной в его жизни. Натурщица была очень близка к образу, сложившемуся у него в голове.

– Хм-м...

– Эй! Такое впечатление, будто это тебя не касается. Но это же твоя работа! Я всего лишь твой помощник. Мои слова навели тебя на какую-нибудь мысль?

– Я бы так не сказал.

– Ну и тип же ты! Как же ты раскроешь это дело? Женщина, которую Хэйкити хотел рисовать, и его последняя тема – Овен. Он мог использовать в качестве модели Токико. Ведь она – Овен. Однако есть одна проблема: как Хэйкити мог рисовать свою дочь? Ведь натурщице полагалось быть голой. Поэтому полиция решила, что он нашел натурщицу, очень похожую на Токико.

– Все верно.

– С фотографией Токико полиция прошлась в Токио по всем модельным агентствам. Занимались этим делом больше месяца, но натурщицу так и не нашли.

Если б эту женщину нашли, загадка запертой комнаты была бы решена. Она видела преступника и могла его опознать. После путча двадцать шестого февраля у полиции прибавилось много других дел; тогда-то и решили, что Хэйкити, скорее всего, встретил подходящую девушку где-то на улице или в кафе.

Профессиональная натурщица вряд ли стала бы позировать до полуночи, если только не была с художником в довольно близких отношениях. Весьма вероятно, что девушка, а может быть, замужняя женщина, с которой познакомился Хэйкити, нуждалась в деньгах. Узнав из газет, что художника, у которого она побывала, убили, натурщица испугалась и решила исчезнуть. И это понятно: что сказали бы соседи, если б в газетах написали, что она за деньги позировала голой перед незнакомым человеком?

Полиция неоднократно обращалась к свидетельнице убийства с призывом явиться для дачи показаний, обещая сохранить ее имя в тайне, но никто так и не пришел. И сейчас, спустя сорок лет, никому не известно, кто была эта натурщица.

– Вполне естественное поведение для преступника.

– То есть?

– Предположим, эта женщина и есть убийца. После убийства Хэйкити она могла симитировать двойной след – покрыть свои следы следами от мужской обуви. И получилось, будто шел мужчина. Ты раньше говорил об этом. Следовательно...

– Исключено. Потому что в таком случае эта женщина, натурщица, должна была заранее приготовить мужскую обувь. Но если при ней оказалась пара ботинок, значит, она предвидела, что будет снегопад. Однако никто не мог знать, что пойдет снег, пока он не начался двадцать пятого в два часа дня. А натурщица, можно полагать, появилась в мастерской около часа. Во всяком случае, по свидетельству дочерей Хэйкити, шторы на окнах мастерской к тому времени были задернуты. Обычно так бывало, когда к отцу кто-то приходил.

Не могу представить, чтобы натурщица, задумав убить Хэйкити, оказалась настолько прозорливой, что запаслась парой мужских ботинок.

А может, она воспользовалась обувью Хэйкити? Однако, как утверждали родственники, у Хэйкити было всего две пары ботинок, и обе стояли в мастерской, в прихожей. Неужели натурщица, попользовавшись ботинками Хэйкити для фальсификации следов, умудрилась потом вернуть их на место? Это невозможно.

Так что натурщица тут ни при чем. Скорее всего, она закончила свою работу и тут же удалилась.

– Если она вообще была.

– Именно. Если натурщица вообще была в тот день у Хэйкити.

– С другой стороны, преступник вполне мог запастись женской обувью, если у него была задумка оставить женские следы.

– Да... такое возможно.

– Хотя если подумать, все это полная ерунда. Если убийца – женщина и она хотела, чтобы подумали на мужчину, ей было достаточно оставить лишь мужские следы. И наоборот: если Хэйкити убил мужчина, который приготовил

женскую обувь, ему можно было симитировать лишь женские следы. Зачем понадобилось оставлять два следа, ума не приложу... Ой!

– Что случилось?

– Голова заболела. Мне от тебя нужны только факты, а ты вместо этого грузишь меня ничемными рассуждениями и догадками. У меня от всего этого башка раскалывается.

– Ну, извини. Может, тогда прервемся?

– Не надо. Давай только факты.

– Понял. На месте происшествия не обнаружили ничего существенного. Хэйкити много курил, и в пепельнице нашли много окурков.

С отпечатками пальцев тоже ничего интересного. Хэйкити работал с несколькими натурщицами; возможно, среди найденных отпечатков были и их «пальчики». Отпечатков загадочного мужчины, оставившего следы на снегу, не обнаружили. Только отпечатки Хэйкити, и никаких признаков, что кто-то пытался стереть свои.

Изучение отпечатков, в общем, ни к чему не привело – преступником мог быть кто-то из домочадцев или неизвестный человек, позаботившийся о том, чтобы не оставить следов.

– Угу.

– В мастерской не обнаружили ничего необычного или похожего на орудие убийства. Там все было на месте, ничего не убавилось и не прибавилось. Единственное – не стало хозяина.

– Мне эта история напоминает американские триллеры. В мастерской двенадцать картин, посвященных знакам Зодиака. Преступник, как любой человек, должен быть связан с одним из знаков. Хэйкити мог бы каким-то образом намекнуть, к какому знаку принадлежал преступник. Оставить на картине отметину, повалить ее на пол. Однако...

– К сожалению, смерть наступила мгновенно.

– Может, он хотел как-то намекнуть на преступника, отрезав себе бороду?

– У него же не было времени. Он умер сразу.

– Да, сразу...

– Ну вот. Я рассказал об убийстве Хэйкити Умэдзавы все, что мне известно. Теперь твоя очередь включать свой дедуктивный метод.

– погоди! Ведь после смерти Хэйкити были убиты все семь его дочерей и племянниц? Значит, их можно исключить из списка подозреваемых.

– Да, наверное. Однако убийство Хэйкити и «убийства Азот» могли совершить разные люди.

– Конечно. Но что мы имеем с точки зрения мотивов? Желание родных Хэйкити построить дом на участке? Страх за свою жизнь, которую почувствовали девушки из семьи Умэдзава, если им в руки попали записки главы семейства? Желание какого-нибудь торговца картинами нажать на работах Хэйкити, отправив его на тот свет таким скандальным способом? Вот, пожалуй, и всё... Так или иначе, преступника надо искать среди лиц, упомянутых в записках Хэйкити. Это естественно. Кроме них, мотивов для убийства ни у кого не было. Правильно?

– Согласен.

– Кстати, картины Хэйкити действительно прибавили в цене?

– Еще как! За одну картину метр шестьдесят на метр тридцать можно было целый дом купить.

– Ага! А за одиннадцать картин – одиннадцать домов?

– Именно так. Но столько стоять они стали лет через десять, уже после войны. К тому времени вышла книга «Семейство Умэдзава и убийства по Зодиаку» – и сразу стала бестселлером. Таэ много получила как наследница Хэйкити, Ёсио, видимо, тоже кое-что досталось. А до этого была японо-китайская война, начавшаяся сразу после серии убийств, потом через четыре года – Перл-Харбор. До дела Умэдзава руки не доходили. Полиция была не в состоянии заниматься им серьезно. Неудивительно, что это интереснейшее дело так и осталось нераскрытым.

– Но шумиха вокруг него поднялась громкая. Уж больно много в нем всякой чертовщины.

– Точно. Лишь об этой шумихе можно целую книгу написать. Один убежденный сединой и опытом специалист в алхимии, изучив записки Хэйкити, утверждал, что своими дикими фантазиями тот навлек на себя божий гнев и его смерть в запертой мастерской есть не дело рук человеческих, а результат проявления гнева Всевышнего. Подобных суждений звучало очень много. Это совершенно естественно, когда дело касается нравственности и морали.

С этим делом связано немало скандальных эпизодов. Религиозные фанатики устраивали шумные сборища у дома Умэдзава, пытались проникнуть внутрь. Как-то в прихожей появилась элегантная женщина средних лет, ворвалась в гостиную и начала длинную проповедь. Со всех уголков страны к дому Умэдзава стекались люди, желавшие прославиться, – члены сомнительных религиозных сект, монахи, проповедники, богомольные старухи...

– Замечательно! Нет слов! – На лице Митарай промелькнуло выражение нескрываемого возбуждения.

– Все это, конечно, очень интересно, но хотелось бы знать, что ты об этом думаешь.

– Ясно, что преступление не Господь Бог совершил.

– Ну это понятно. Мы имеем дело с интеллектуальным преступлением, и у него должно быть логическое объяснение. Ну так что? Сдаешься? Азот пока касаться не будем. Но как преступник умудрился убить Хэйкити в запертой комнате?

– А-а... ты про это... – страдальчески скривившись, протянул Митарай. – Трудно определить, кто это сделал...

– Я сейчас не о преступнике. Меня интересует способ. Как можно убить человека в помещении, запертом изнутри на замок?

– Ну с этим-то как раз все просто. Достаточно подвесить кровать под потолком.

Сцена 3

Ваза и зеркало

– Мы знаем, – продолжал Митарай, – что Хэйкити умер от удара чем-то плоским. Это могла быть, к примеру, доска. Тот же эффект имела бы поверхность пола.

С замком нет смысла ломать голову. Хэйкити сам его повесил.

Если подумать, все выглядит вполне логично. В своих записках, которые сам автор просит считать его завещанием, Хэйкити намекает на то, что собирается покончить с собой. Вполне очевидно, что преступнику – или преступникам – было бы удобно представить смерть Хэйкити как самоубийство. А получилось, что смерть наступила от ушиба мозга и удар нанесли сзади. Самоубийство поэтому исключено, и, естественно, начались поиски преступника. Несмотря на существование завещания, тот мог о нем не знать. В таком случае почему он совершил то, что совершил? Тут преступник явно прокололся.

– Здорово! Как же ты так быстро додумался? Полиция тогда не сразу сообразила, как было дело... Почему, интересно?

Митарай молчал, и я решил продолжить за него:

– К кровати, на которой спал Хэйкити, были приделаны колесики. Некто взобрался на крышу мастерской, вынул стекло из окна под потолком, спустил вниз веревку с крюком. Потом прицепил крюк к кровати и подкатил ее под самое окно. Этот человек знал, что Хэйкити примет большую дозу снотворного, чтобы уснуть, и что он не проснется, если действовать осторожно.

Поле того как Хэйкити заснул, с крыши спустили еще три веревки и, так же закрепив крюками, стали поднимать кровать. Спящего подтянули к окну и хотели симитировать самоубийство –сыпать ему в рот цианистый калий, перерезать вены на руках или еще что-то с ним сделать.

Но вышло не так, как планировалось, потому что делалось все без подготовки, потренироваться возможности не было. Когда четыре человека стали тянуть веревки, кровать под самым потолком накренилась, и Хэйкити вывалился из нее. Упал с большой высоты. Сколько там? Метров пятнадцать, наверное. Шансов выжить у него не было.

– Угу.

– Вот что важно: полиция только через месяц сумела восстановить картину происшедшего.

– Хм-м...

– А что ты скажешь о следах?

– М-м...

– Какие идеи?

– Разве это важно? Если подумать, то... Под окном так натоптано, потому что там стояла лестница. Чтобы поднять кровать, требовались минимум четыре человека. Должен был быть еще один человек, которому предстояло симитировать самоубийство. Значит, в операции принимали участие пятеро. Спускались по лестнице на снег, отсюда столько следов.

Что касается двойного следа, то будем исходить из того, что женские следы, возможно, оставленные натурщицей, настоящие, а по ним на носках, как в балете, прошли мужчины. Они шли друг за другом, стараясь ступать точно по следам тех, кто шагал впереди. Но как они ни старались, точно след в след пройти не получилось, и шедший последним крупный мужчина всю эту цепочку разрушил.

– Точно! Как ты все разложил... Ну ты голова! Сколько потеряло наше государство от того, что ты сидишь в Иокогаме, как заштатная гадалка!

– Вот как ты заговорил!

– Вообще-то, когда несколько человек слезают с лестницы, трудно всем попасть в один след. Да и от лестницы в любом случае след останется. Вот почему человек, который шел последним, должен был как следует потоптаться на этом месте.

Митарай молчал.

– Итак, – продолжил я, понимая, что надо сделать перерыв, – до этого места все понятно. Вопрос в том, что произошло дальше.

Мои слова, похоже, расстроили Митарай, и он сказал:

– Ладно! Что-то я проголодался. Так и отощать можно. Спустимся вниз, пожем что-нибудь.

* * *

На следующее утро, позавтракав, я поспешил к Митараи в Цунасиму[21], где застал его в офисе поглощавшим им же приготовленную яичницу с беконом.

– Привет! Извини, что помешал.

Увидев меня, Митараи попытался загородить плечом тарелку:

– Что-то ты рано... Свободен сегодня?

– Свободен. Что за вкуснятину ты сварганил?

– Знаешь что? – торжественным тоном проговорил Митараи, не отрываясь от тарелки.

– Что?

– Открой. – Он указал на небольшую прямоугольную коробку.

В коробке оказалась новая кофейная кружка.

– Там еще должен быть пакет с кофе. Буду считать завтрак удавшимся на все сто, если заварить кофейку, – сказал Митараи.

– И на чем мы вчера остановились? – спросил он, прихлебывая из кружки кофе. Его вчерашняя депрессия, похоже, отступила.

– На убийстве Хэйкити Умэдзавы. Это примерно треть всего дела. Ты раскрыл, как был убит хозяин запертой изнутри мастерской.

– Ага! Но в этом деле есть какое-то принципиальное противоречие. Что?... Вчера, когда ты ушел, я немного подумал. Тьфу ты! Забыл, что хотел сказать. Ладно! Вспомню – тогда...

– Я тоже забыл тебе вчера сказать, – решительно приступил к делу я. – Это касается Ёсио Умэдзавы. Младший брат Хэйкити в день убийства находился в Тохоку.

Одна из главных причин, запутывающих дело Умэдзавы – я имею в виду не только убийство Хэйкити, но и то, что произошло с его семьей, – состоит в том, что Ёсио и Хэйкити были похожи друг на друга как близнецы. Это раз. И второе: у убитого Хэйкити кто-то отрезал бороду.

Митараи смотрел на меня и молчал.

– Лица, видевшие Хэйкити живым в день убийства, не установлены, однако двумя днями раньше борода была при нем. Есть свидетельства членов семьи и Ясуэ Томиты.

– Ну и что?

– Это же важно! Разве нет? Что, если жертвой оказался не Хэйкити, а Ёсио?

– Тут и говорить не о чем. Ёсио вернулся из Тохоку... Когда это было? Да, ночью двадцать седьмого февраля. Вернулся и стал жить как прежде. Жена, дочери... Встречался в издательствах со знакомыми. Как бы они с братом ни были похожи, как можно обмануть всех этих людей? Нет, это совершенно нереально.

– С точки здравого смысла, возможно, ты и прав. Мне лично возразить нечего. Но когда мы начнем говорить об «убийствах Азот», думаю, ты засомневаешься в четкой картине, которую нарисовал, и поневоле станешь думать: а может, Хэйкити не умер тогда? Я – иллюстратор и часто встречаюсь с людьми из разных издательств. Когда всю ночь просидишь за работой, выглядишь совершенно по-другому. Мне так и говорят: «Что случилось? Ты сам на себя не похож».

– А жена, дети? Тоже не узнают?

– Не знаю. Но если сменить прическу и надеть очки, то обознаться, мне кажется, можно. Тем более что работу в издательствах принимают, как правило, вечером...

– Ёсио Умэдзава после убийства брата стал носить очки?

– Вроде нет...

– В издательствах какой народ сидит? Все близорукие, а многие еще и тугие на ухо. Ты попробуй обмануть жену, с которой давно вместе живешь. Хотя если она твоя сообщница... Но как могла Аяко быть соучастницей преступлений, жертвами которых стали две ее дочери?

– Хм-м... Ёсио пришлось бы обманывать дочерей... Может, поэтому их и убили? Чтобы они не успели открыть правду.

– Давай не будем гадать. Какая выгода от этого Аяко? Квартира в новом доме в обмен на жизни мужа и дочек? – задал вопрос Митарай.

– Хм-м...

– Здесь концы с концами явно не сходятся. Или ты думаешь, что Хэйкити и Аяко давно были в интимных отношениях?

– Нет.

– Неужели братья так походили друг на друга? Может, об их сходстве заговорили из-за «убийств Азот»? Чтобы как-то обосновать предположения, что Хэйкити остался жив?

Мне было нечего ответить.

– Что ни говори, но я исключаю возможность подмены, – продолжал Митарай. – Скорее поверю, что Хэйкити Бог прибрал, как утверждал тот алхимик, о котором ты вчера говорил.

Есть еще такая возможность: Хэйкити заранее подыскал человека, совершенно постороннего и очень похожего на него, и убил его, выдав за себя. Как-то так. Но разве можно найти такого двойника?

Короче, версия с подменой – это бред. Все разговоры вокруг нее пошли из-за того, что у Ёсио не было твердого алиби. Нужно его подкрепить, и тогда, по крайней мере, можно будет закрыть эту дурацкую версию. Правильно?

– Пока в твоих рассуждениях все четко. Сохранится ли твоя уверенность, когда речь пойдет об «убийствах Азот»? Вот вопрос.

– Посмотрим.

– Ты еще не все понимаешь... Хорошо, давай об алиби Ёсио.

– Я правильно понимаю, что ночь, когда убили Хэйкити, Ёсио провел в Тохоку, в гостинице? Значит, его алиби можно было легко проверить?

– Тут все не так просто. Ёсио ехал в Тохоку поездом в ночь с двадцать пятого на двадцать шестое. Доказать это трудно.

Утром он приехал в Аомори[22] и, вместо того чтобы сразу поселиться в гостинице, целый день фотографировал в Цугару океан. До самого вечера, когда, наконец, Ёсио добрался до гостиницы, он никого не встретил. В этом проблема. Гостиницу заранее он не бронировал. Выбрал первую попавшуюся. Была зима, мест в гостиницах полно. С женой на связь он тоже не выходил. Получается, раз он оказался в гостинице только двадцать шестого вечером, у него было достаточно времени, чтобы убить Хэйкити. После убийства брата он мог прыгнуть в утренний поезд на вокзале Уэно и как раз успел бы к тому времени, когда заселился в гостиницу.

Целый день двадцать шестого февраля Ёсио бродил по зимнему Цугару, а двадцать седьмого утром к нему в гостиницу приехал знакомый. Вроде поклонник его творчества на ниве путевых заметок. До этого они встречались только один раз. Первую половину дня провели вместе, а после обеда Ёсио сел в поезд и вернулся в Токио.

– Ясная картина! Снимки, которые он сделал двадцать шестого февраля, и должны подтвердить его алиби.

– Согласен. В Цугару тогда выпал снег. И если Ёсио в ту поездку не делал снимки зимних пейзажей, значит, они были у него с прошлого года.

– Если он вообще сам снимал.

– Но у него не было таких друзей, которые могли бы сделать фото и прислать ему пленку. И это понятно – такие действия означают покровительство убийцы. А это дело серьезное. Даже если человек сделал такой шаг по

легкомыслию, не зная истинной картины, полиция все равно бы им занялась. Людей, до такой степени обязанных Ёсио, которые пошли бы на это, не нашлось. Кроме того, полиция изучила фотопленку, представленную Ёсио, и обнаружила на ней кадры дома, строительство которого закончилось в октябре тридцать пятого года. Таким образом, его алиби было установлено. Это один из самых драматических эпизодов в расследовании убийства Хэйкити.

– Хм-м... Значит, с алиби у Ёсио полный порядок, что полностью развенчивает версию о том, что его якобы убили вместо старшего брата.

– Пока согласимся на этом и перейдем к следующему убийству.

– Поехали.

– Итак, следующей жертвой стала Кадзуэ, первая дочь Масако от Сатоси Мураками, удочеренная Хэйкити. Она была убита в собственном доме в Каминогэ.

Смерть наступила месяц спустя после убийства Хэйкити, двадцать третьего марта, между семью и девятью часами вечера. Орудием убийства стала ваза из толстого стекла, которая была в доме Кадзуэ. Вазу нашли на месте преступления. Смерть, видимо, наступила от удара этой вазой. Я говорю «видимо», потому что ваза – единственный оставшийся необъясненным момент в этом деле. Если она послужила орудием убийства – на ней должна была остаться кровь, однако ее не оказалось. Кто-то тщательно стер все следы.

По сравнению с делом Хэйкити убийство Кадзуэ выглядит не столь загадочным. Как ни ужасно это звучит, но с точки зрения криминалистики его можно считать заурядным преступлением, совершенным с целью ограбления. Комнаты в доме были перевернуты вверх дном, шкафы перерыты, деньги и ценности из выдвижных ящиков пропали. Короче, грубая работа. Зачем преступнику понадобилось стирать кровь с вазы, которая, как любому понятно, является орудием убийства? Значит, была какая-то причина.

Интересно, что преступник не стал смывать кровь под струей воды, а почему-то стер ее тряпкой или клочком бумаги. Полиция сразу установила, что на вазе кровь Кадзуэ.

Если б убийца хотел скрыть улики, он мог просто унести вазу с собой. Это было бы куда надежнее, однако преступник поступил иначе, лишь стерев с нее кровь и бросив в соседней комнате, отделенной от помещения, где произошло убийство, раздвижной перегородкой.

– Что же по этому поводу говорила полиция и расплодившиеся после войны доморощенные детективы?

– Они посчитали, что преступник стирал с вазы отпечатки пальцев.

– Понятно. А если предположить, что ваза не была орудием убийства?

– Это невозможно. Конфигурация раны на голове Кадзуэ полностью соответствует форме вазы. Нет никаких сомнений.

– А что, если убийца – женщина? Она могла инстинктивно протереть вазу и поставить на место. Для женщин такое вполне возможно.

– Есть совершенно четкое доказательство обратного. Убедительнее ничего быть не может. Преступник – мужчина. Кадзуэ была изнасилована.

– Ух ты!

– Похоже, что ее изнасиловали уже мертвую. Сперма, обнаруженная во влагалище, принадлежала мужчине с группой крови 0. Среди лиц, причастных к делу семьи Умэдзава, кроме Хэйкити, еще двое мужчин – его брат и сын Ясуэ, Хэйтаро. У Ёсио группа крови А, у Хэйтаро – 0, но у него надежное алиби на время убийства Кадзуэ.

– То есть смерть Кадзуэ, по-видимому, никак не связана с убийством Хэйкити и последовавшими за ней «убийствами Азот». Ее можно рассматривать как несчастливое стечение обстоятельств, которое произошло примерно в одно время с теми убийствами. Впечатление такое, будто семейство Умэдзава кто-то проклял, и кровь семьи легла на Кадзуэ. Слишком много непонятного во всем этом.

– Плана убийства Кадзуэ в записках Хэйкити не было?

– Совершенно верно.

– Когда обнаружили труп?

– Двадцать четвертого марта, около восьми вечера. Жившая неподалеку соседка-общественница решила заглянуть к Кадзуэ, чтобы передать предписание от квартальной управы. Каминогэ тогда была деревня, дома стояли редко, на приличном расстоянии друг от друга вдоль берега Тамагавы. Поэтому Кадзуэ нашли не сразу.

Вообще-то, ее могли обнаружить и раньше. В первый раз женщина явилась в дом Канэмото (Кадзуэ оставила фамилию мужа) на следующий день после убийства, около полудня. Дверь оказалась не заперта, соседка вошла в прихожую и позвала Кадзуэ. Не дождавшись ответа, она подумала, что хозяйка, наверное, отправилась за покупками, оставила предписание на ящике для обуви и ушла. Кадзуэ должна была передать уведомление другим соседям, но, естественно, не сделала этого. Когда соседи сообщили общественнице, что уведомление до них не дошло, та снова отправилась к Кадзуэ. Уже темнело, но свет в доме не горел. Женщина вошла в прихожую и, обнаружив предписание там, где его оставила, поняла, что случилось что-то нехорошее. Войти в дом она побоялась и побежала к себе. Дождавшись с работы мужа, вместе с ним вновь отправилась к Кадзуэ.

– Канэмото, за которым была замужем Кадзуэ, – китаец?

– Угу.

– Чем он занимался? Торговлей?

– Нет, ресторанами. Семейный бизнес. У Канэмото было несколько приличных китайских ресторанов на Гиндзе и в Ёцуя[23]. Дела шли успешно и приносили большой доход.

– Значит, у Канэмото в Каминогэ был большой дом?

– Вовсе нет. Самый обыкновенный, одноэтажный. Странно, правда? Поэтому пошли слухи о китайских шпионах.

– Кадзуэ и Канэмото сошлись по любви?

– Похоже на то. Масако, естественно, категорически не хотела, чтобы дочь выходила за китайца. Обстановка тогда не способствовала таким бракам. После свадьбы Кадзуэ даже какое-то время не виделась с родными, но в конце концов Умэдзава вроде бы смирились с ее выбором.

Однако Кадзуэ и Канэмото прожили вместе всего семь лет. За год до ее убийства произошел развод – отношения между Японией и Китаем быстро ухудшались, семейство Канэмото продало свои рестораны и вернулось на родину.

Конечно, Кадзуэ разлучила с мужем война, но несходство характеров тоже сыграло свою роль в их разрыве. Во всяком случае, Кадзуэ ничем не показывала, что хотела бы уехать с мужем в Китай.

Так ей достался дом в Каминогэ. Фамилию после развода она менять не стала, чтобы избежать бумажной волокиты при оформлении имущества.

– Кому достался дом после смерти Кадзуэ?

– Семейству Умэдзава, скорее всего. Из Канэмото в Японии никого не осталось. Детей у Кадзуэ не было, покупать дом, где произошло убийство, никто не хотел, и он, наверное, какое-то время простоял пустым.

– Люди боялись к нему подходить, дом стоял на отшибе, у реки. Идеальное место для создания Азот. Как по заказу.

– Верно. Большинство наших шерлоков холмсов так и подумали.

– Хотя в записках Хэйкити говорилось о Ниигате?

– То есть шерлоки холмсы считали, что преступник убил Кадзуэ, чтобы устроить в ее доме мастерскую, где можно работать над Азот?

– Именно так. И у них были основания так думать. Если посмотреть на последовавшие за смертью Кадзуэ убийства, станет ясно, что преступник хладнокровно воплощал в жизнь тщательно разработанный план. Дом Кадзуэ идеально подходил под мастерскую. Когда случаются запутанные дела, полиция по несколько раз посещает место преступления, но в Каминогэ имело место банальное ограбление, поэтому полицейские ограничились одним визитом.

Немногочисленные соседи, напуганные происшедшим, старались обходить дом Кадзуэ стороной. Умэдзава – единственные родственники Кадзуэ – и подавно.

Люди более или менее сообразительные легко поняли бы, что дом, хозяйку которого ограбили и убили, какое-то время будет пустовать.

Можно предположить, что серию «убийств по Зодиак», жертвами которых стали члены семьи Умэдзава, совершил тот же самый преступник – человек с группой крови 0.

Хотя есть точка зрения, что не следует ограничивать круг подозреваемых лицами, фигурирующими в этой истории, я лично не могу представить, что убийства Азот совершил кто-то, не входящий в их число. Искать преступника, конечно, надо среди уже упоминавшихся персонажей. На эту роль подходит только один человек – Хэйтaro Томита. Так? Ведь только у него группа 0.

Однако есть два обстоятельства, фактически исключающие такое предположение.

Во-первых, у Хэйтaro железное алиби. Во время убийства Кадзуэ он вместе с тремя приятелями веселился в «Медичи». Это подтвердила прислуживавшая им девушка из соседнего бара.

Второе. Если Хэйтaro – преступник, убийство Хэйкити Умэдзавы в Мэгуро тоже дело его рук. Однако тут мы сталкиваемся с большой проблемой: как он мог убить Хэйкити в запертой на замок мастерской?

Предположим все-таки, что Хэйтaro убил Хэйкити после того, как натурщица покинула мастерскую. И опять нестыковка. Хэйкити принял снотворное. Хэйтaro мог прийти к нему, чтобы обсудить покупку его картин или что-то в этом роде. Тогда получается, что Хэйкити выпил таблетки на глазах у сына Ясуэ, с которым у него таких уж близких отношений не было.

Или Хэйтaro, перед тем как убить Хэйкити, угрозами заставил его проглотить снотворное? Цель понятна: убедить полицию, что Хэйкити посетил близкий приятель или друг. Но как в таком случае он один сумел провернуть трюк с запертой мастерской? Мы должны объяснить это, рассматривая версию, что преступником был Хэйтaro.

– Угу. Чем дальше в лес, тем больше дров. Хэйтaro занимался торговлей картинами. А что, если он задумал подписать с Хэйкити контракт на те самые двенадцать картин, которые сам художник называл делом всей жизни, а затем убить его? Ведь это действительно стоящие вещи, если за одну картину можно было купить целый дом?

– Ты прав. Хотя у Хэйкити есть всего одиннадцать работ – да-да, тех самых, – которые можно назвать большими. Я имею в виду, в физическом смысле, размер холстов. Кроме них, его картины в основном небольшого формата. Много этюдов, связанных тематикой с главными работами. Остальное – балерины в стиле Дега. Почти все эти работы взяла в свою галерею Ясуэ, но особой ценности они не представляли.

– Угу.

– Вот такие дела. Если убийство Кадзуэ и преступления против семьи Умэдзава совершило одно и то же лицо, то перед нами предстает образ человека импульсивного и слабовольного. Ничего общего с хладнокровной и

интеллектуальной личностью, которую мы себе представляем. Это просто идиот, выставивший напоказ свою группу крови и пол!

– Хм-м...

– Если с Хэйтaro как обладателя группы крови 0 по вышеуказанным причинам снимаются подозрения в убийстве Кадзуэ, то же самое можно утверждать и в отношении убийства Хэйкити – Хэйтaro не мог доехать по снегу от «Медици» до дома Умэдзавы за сорок минут.

А если мы снимаем подозрения с Хэйтaro, неизбежно встает вопрос о том, что все эти преступления совершил не известный нам человек, не входивший в круг семейства Умэдзава. Конечно, это наполовину лишает интригу остроты, но ведь мы не ради развлечения занимаемся этим делом.

– Да-да.

– Я думаю – вернее, хочу думать, – что убийство Кадзуэ никоим образом не связано с другими убийствами. Это чистая случайность.

– И ты не считаешь, что в доме Кадзуэ находилась мастерская, где создавалась Азот?

– Хм-м... Я не могу представить, чтобы преступник, задумавший совершить серию убийств, убил еще и Кадзуэ, чтобы завладеть ее домом для выполнения своего плана.

Хотя картина вырисовывается очень живописная. В заброшенном доме, где произошло убийство, безумный художник во мраке ночи работает над своим творением. Прямо как в фантастическом романе! Но давай посмотрим на это с практической точки зрения. Во мраке ночи чем-нибудь заниматься невозможно. Нужно хотя бы свечи зажечь. Тут соседи непременно заметили бы свет, и пошли бы разговоры.

Полиция тут же зашевелилась бы. Полицейских, если б они явились, конечно, можно было отшить: мол, дом мой, и если есть вопросы, приходите с ордером. Но я на его месте подобрал бы другой дом, про который никто ничего не знает. В доме Кадзуэ невозможно было спокойно работать. Невозможно по-настоящему оценить свое творение. Требовалось более уединенное место.

– Согласен, – проговорил Митарай. – Однако многие все еще считают, что Азот была создана в том самом доме. Верно?

– Да, они думают, что преступник убил Кадзуэ, чтобы устроить у нее мастерскую.

– Но если у убийцы была группа крови 0 и это не Хэйтaro, значит, мы неизбежно склоняемся к версии о чужаке.

– Совершенно верно. Вот мы и подошли к узловому моменту.

– Как я понимаю, убийство Кадзуэ осталось нераскрытым?

– Точно.

– Почему же полиция не смогла найти грабителя?

– Таких случаев сколько угодно. Предположим, мы с тобой сейчас поедem на Хоккайдо, убьем там одинокую старушку и украдем деньги, которые она хранила под полом. Весьма вероятно, что полиция нас не найдет, потому что нас с этой старушкой ничто не связывает. Очень много преступлений такого рода не раскрывается.

С другой стороны, когда речь идет о преднамеренных убийствах, у преступника обязательно есть четкий мотив. Если мотив удастся определить, дело, как правило, рано или поздно раскрывают. Обязательно устанавливают алиби замешанных в нем лиц.

Но с убийствами в семействе Умэдзава проблема как раз и заключается в мотивах, вернее, в их отсутствии. В «убийствах Азот» мотива нет ни у кого, кроме Хэйкити Умэдзавы, которого самого убили.

– М-м...

– Но мне совсем не хочется думать о чужаке. Если это сотворил человек, о котором никто ничего раньше не слышал, все напряжение теряется.

– Значит, ты считаешь, что убийство Кадзуэ – чистая случайность?..
Понятно. И все-таки опиши мне место происшествия.

– Хорошо. Вот книга, вот схема. Добавить к ней особо нечего. Самое обычное дело. Кадзуэ нашли на полу. Она была одета в кимоно, но без нижнего белья. Следов борьбы на одежде не обнаружено.

– Интересно.

– Ничего удивительного. В те времена многие женщины ходили без белья. Ящики из шкафов были выдвинуты, содержимое разбросано по дому. Деньги исчезли. В комнате, где лежала Кадзуэ, стояло трюмо, но его преступник не тронул. Створки были аккуратно сложены, на подставке для зеркала никаких следов. Ваза, послужившая орудием убийства, валялась на татами в соседней комнате за раздвижной перегородкой.

Тело Кадзуэ лежало, как показано на рисунке, хотя, возможно, преступник перетащил ее в комнату уже после того, как ударил по голове. Рана на голове глубокая, удар был сильный, но крови на этом месте почему-то не обнаружили. Убийца мог перетащить свою жертву туда, где ему было удобнее ее насиловать. Странно, что полиция не сумела установить, где преступник нанес Кадзуэ смертельный удар.

– погоди. Ты говоришь, он ее изнасиловал, когда она уже была мертва?

– Ну да.

- Это точно?

- Очень похоже, что так и было.

- Что-то здесь не вяжется. Ты только что сказал, что одежда Кадзуэ была в порядке. Если мы имеем дело со случайным ограблением и преступником, действующим настолько легкомысленно, что он даже не пытается скрыть свою группу крови и пол, неужели он, надругавшись над женщиной, будет приводить в порядок ее одежду?

- М-да... Пожалуй...

- Ну хорошо. Продолжай.

- Хм-м... Странно, что полиция не установила, где Кадзуэ получила смертельный удар по голове. Вряд ли убийство произошло вне дома. Это маловероятно. Хотя есть люди, серьезно рассматривающие такую возможность. Споры идут до сих пор. В принципе, конечно, все может быть, но я не вижу оснований для такой точки зрения. Осматривая место преступления, полиция обнаружила на зеркале трюмо следы крови. Ее стирали очень тщательно, но до конца так и не стерли. Как выяснилось, кровь принадлежала Кадзуэ.

- То есть ее убили, когда она сидела перед зеркалом и красилась?

- Не похоже. Косметики на ней почти не было. Скорее, она причесывалась, когда преступник напал на нее.

- Она была повернута лицом к зеркалу?

- Да, лицом.

- Интересно! Тогда я опять не понимаю. Дом был одноэтажный?

- Да.

- Судя по рисунку, сбоку от трюмо была раздвижная перегородка. Если Кадзуэ сидела лицом к зеркалу, прямо за спиной у нее была еще одна перегородка, отделявшая комнату от коридора. Грабитель мог проникнуть в комнату, где находилась Кадзуэ, либо из соседней комнаты, отодвинув перегородку, либо из-за спины женщины, из коридора. Других путей у него не было.

Предположим, преступник вошел в комнату из коридора. Кадзуэ увидела бы его в зеркале трюмо. И продолжала спокойно сидеть, дожидаясь, пока он ее ударит? Это невозможно. Она непременно вскочила бы и бросилась бежать.

А если грабитель вошел сбоку? Тогда он все равно бы отразился в одной из створок трюмо. Даже если Кадзуэ его не заметила, она почувствовала бы, что в комнату кто-то вошел, услышав звук отодвигавшейся перегородки. Она должна была инстинктивно обернуться. Кстати, удар был нанесен спереди?

- Нет, мне кажется... Подожди минутку. Нет, Кадзуэ получила удар по затылку. Она сидела спиной к преступнику.

– Хм-м... Любопытно! Убийца, конечно, мог влезть в дом через окно, но это еще более маловероятно. Пока он лез в окно, Кадзуэ спокойно расчесывала волосы и ждала, когда он ее пристукнет?

Очень странно! Версия о случайном ограблении явно не прокатывает. Кадзуэ знала своего убийцу. Иначе быть не может. Жертва сидит на стульчике перед трехстворчатым зеркалом. И в таком положении ее спокойно убивают. Она не встает, не пытается спастись, даже не оборачивается. Так и сидит, уставившись в зеркало. Ничего не предпринимает, даже видя, как преступник приближается сзади.

Это был ее знакомый, причем довольно близкий; готов держать пари. Кадзуэ должна была видеть его в зеркале. Я абсолютно уверен, что мы имеем дело не со случайным ограблением и отнюдь не с опрометчивым человеком. Разве такой тип будет тщательно стирать кровь с зеркала? Преступник сделал это, чтобы скрыть близкие отношения с жертвой. Тут не может быть сомнений. Это же такая зацепка!

Жертва и убийца были близки. Даже очень близки. Возможно, даже были любовниками. Разве женщина будет сидеть спиной к мужчине, которого мало знает? Тем более женщина тридцатых годов.

И вот что еще странно. Зачем мужчине понадобилось насиловать женщину, с которой он и без того находился в интимных отношениях? Да еще мертвую? Думаю, он имел достаточно возможностей получить удовольствие, когда Кадзуэ была жива. Секс у них был. Но до убийства.

– М-да... В книге никаких доводов не приводится. Просто сказано, что Кадзуэ изнасиловали, уже когда она была мертва. То есть это такая общепринятая версия. Хотя и странная, я с тобой согласен.

– Выходит, преступник был некрофил? Шизофреник? Так или иначе, он находился в близких отношениях с Кадзуэ. У нее тогда был мужчина? Что известно?

– Извини, но полиция пришла к заключению, что у нее никого не было. Этот вопрос они тщательно проработали.

– Ладно, сдаюсь... Хотя нет, погоди! Ты говорил, что Кадзуэ была ненакрашена?

– Да, а что?

– Женщина за тридцать ждет мужчину и не красится перед его приходом?... Точно! Это была женщина! Понятно тебе? Женщина!

Нет... Не годится! Женщина неспособна извергать из себя сперму. Но если все-таки это была женщина, все становится на свои места. В присутствии знакомой Кадзуэ могла спокойно сидеть за трюмо, повернувшись к ней спиной. Могла не краситься. Убийца с улыбкой на лице приблизилась к ней, пряча за спиной вазу и... трах! Потому-то жертва и не пыталась убежать, не обернувшись.

Но сперма! Как с этим быть? Хм-м... А что, если убийца принесла сперму с собой? Это могла сделать жена Ёсио. Взяла сперму мужа... Не подходит! У Ёсио группа крови А.

– Кроме того, полиция могла проверить сперму на свежесть. Будь она вчерашняя или позавчерашняя, сразу установили бы.

– Твоя правда... У сперматозоидов день пройдет – и хвостики отрываются. Легко можно определить, сколько сперме дней. Раз так, расскажи, как у всех фигурантов обстоят дела с алиби.

– Вообще-то с алиби у всех не очень. Про Хэйтаро мы уже говорили. Твердое алиби только у него.

Его мать, как обычно, была в «Медичи», но как раз в то время, когда произошло убийство, куда-то отлучилась. Сказала, что вышла пройтись по Гиндзе. Так что у Ясуэ алиби нет.

Что касается семьи Умэдзава, то Масако, Томоко, Акико и Юкико были у себя дома, готовили ужин.

Токико как раз в это время опять уехала в Хоя, к матери. Так что у четырех женщин вроде бы имеется алиби, хотя, кроме них самих, подтвердить его некому.

Совсем нет алиби у Рэйко и Нобуё. Они утверждали, что вместе ездили в Сибуя[24], в кино. Картина кончилась около восьми вечера, после чего они поехали к родителям и были у них в девять.

Теоретически преступление могла совершить эта пара. По линии Токио – Иокогама Каминогэ не так далеко от муниципального колледжа. Но ведь Рэйко и Нобуё были еще девчонки – двадцать лет и двадцать два года. Нет, скорее всего, они ни при чем.

Примерно такая же ситуация с Аяко и Ёсио. У них подтвержденного алиби нет.

Так обстоят дела с алиби. Но ведь есть еще и другая тема – мотивы. А в случае с Кадзуэ, в отличие от дела Хэйкити, мотивов нет ни у кого.

Ясуэ Томита, так же как и ее сын, никогда не встречались с Кадзуэ.

С Ёсио и Аяко та же картина. Конечно, они знали Кадзуэ, но были не настолько с ней близки, чтобы у них по какой-то причине возникло желание ее убить.

А девушкам зачем было убивать Кадзуэ? Сестра все-таки...

– Кадзуэ часто бывала в доме Умэдзава? – спросил Митарай.

– Не очень. Ни у кого не было повода ее убивать. Поэтому я и говорил об ограблении. Но, так или иначе, с появлением госпожи Иида делу семьи Умэдзава дан новый толчок. Почему бы нам теперь не перейти к «убийствам Азот»?

Сцена 4

Фруктовый сок с ядом

У Митарай, видимо, еще оставались вопросы по делу Кадзуэ, но он сказал:

– Ладно, поехали дальше. У меня, правда, есть кое-какие сомнения, но к ним мы вернемся позже.

– Итак, переходим к самому главному, – начал я. – Предельно необычному и загадочному. Я имею в виду то, что называют «убийствами Азот».

Спустя два или три дня после убийства Кадзуэ, произошедшего двадцать третьего марта, состоялись похороны. Поскольку семью Умэдзава явно преследовал злой рок, они решили совершить обряд очищения, изгнать преследовавших их духов. Для этого выбрали гору Яхико, которая находится в префектуре Ниигата, в провинции Этиго. Эта гора упоминается в записках Хэйкити. Записки – это его завещание, последняя воля. Все Умэдзава боялись, что Хэйкити проклянет их, если они не исполнят волю покойного, собиравшегося побывать на Яхико.

– Чья была идея поехать туда?

– Возможно, это предложила Масако, единственная оставшаяся в живых представительница семьи Умэдзава. Но, похоже, они все хотели туда поехать. Двадцать восьмого марта Масако, а вместе с ней Томоко, Акико, Юкико, Токико, Рэйко и Нобуё, которым предстояло принять смерть из-за Азот, отправились из Токио в Ниигату. Они выглядели как ученицы балетной школы, выбравшиеся на экскурсию. В каком-то смысле все воспринимали эту поездку как возможность отвлечься от мрачных мыслей. Вечером того же дня все прибыли на место, переночевали в гостинице и на следующий день поднялись на Яхико.

– А храм на горе они посетили?

– Конечно. Недалеко от Яхико есть местечко Ивамуру с горячими источниками. Ты, верно, о нем не слышал? От Яхико на автобусе – всего ничего. Они приехали туда вечером, переночевали.

Ивамуру расположено в национальном парке Садо-Яхико. Там очень живописные места, поэтому молодежь захотела остаться там еще на день и потом вернуться в Токио.

Не помню, говорил тебе или нет: Масако родом из Аидзувакамацу, который тоже не так далеко от Яхико, и ей захотелось навестить отчий дом. У нее были сомнения, стоит ли ехать туда всем скопом. В конце концов она решила отправиться одна. Девочки уже взрослые, хотят остаться в Ивамуру еще на

день – пожалуйста. Масако сказала, что тридцатого марта утром отправится в Аидзувакамацу и они встретятся дома в Токио. Девушки должны были провести тридцатое число в Ивамуро и уехать на следующее утро, чтобы к вечеру тридцать первого быть в доме Умэдзава в Мэгуро.

Масако уехала из Ивамуро тридцатого утром и днем уже была в Аидзувакамацу. Проведя с родственниками два дня, утром первого апреля поехала домой. Думала, что девушки уже вернулись и вечером они все встретятся.

– То есть предполагалось, что девушки будут ждать мать в Токио первого апреля?

– Именно так. Но когда Масако, как и планировала, первого апреля вечером приехала домой, девушек там не оказалось. Судя по тому, что все в доме было как до их отъезда в Ниигату, до Мэгуро они так и не добрались.

Пропавших девушек обнаружили убитыми. Их тела были найдены точно так, как описывал в своих записках Хэйкити: в разных, неожиданных местах, и у каждого тела отсутствовала какая-то часть. Ужасно! А Масако арестовали.

Я сделал паузу и взглянул на погруженного в свои мысли Митарай.

– Арестовали? Не по подозрению в убийстве Кадзуэ, надеюсь?

– Нет, конечно. Подозревали, что она виновна в смерти Хэйкити.

– Полиция установила, что преступники подтянули кровать к потолку?

– Похоже, на эту мысль следователей навели письма. Многие тогда им писали.

Митарай презрительно хмыкнул.

– Желаящих написать, думаю, было предостаточно, – продолжал я. – В то время прямо-таки мания такая была. Я читал об этом. Япония вообще продвинутая страна в данном плане. Живи я тогда, тоже обязательно написал бы в полицию про трюк с закрытой комнатой.

Итак, полиция наведлась в дом Умэдзава и никого там не обнаружила. Вывод: обитательницы дома замешаны в преступлении и потому скрылись. И тут появляется Масако. Полиция ее задерживает. Может, с подсказки какого-нибудь доброжелателя, может, нет. Ее заподозрили в убийстве Хэйкити и привязали к ней исчезновение шести девушек, которых она использовала против мужа, а потом решила заткнуть им рты.

Митарай хотел было что-то сказать, но ограничился коротким вопросом:

– Масако призналась?

– Сначала призналась, но потом отказалась от своих показаний. Она до самой смерти утверждала, что непричастна к этим убийствам. Ее прозвали японской графиней Монте Кристо. Масако умерла в тюрьме в тысяча девятьсот шестидесятом году в возрасте семидесяти шести лет.

В пятидесятые и шестидесятые годы вокруг «убийств по Зодиaku» поднялся большой ажиотаж. Все бросились строить догадки насчет того, кто совершил эти преступления. Всеобщий интерес подогревался стойкостью Масако, категорически отрицавшей свою вину, и журналистами, которые подняли шумиху, когда та умерла за решеткой.

– Полиция повесила на Масако только убийство Хэйкити или «убийства Азот» тоже?

– Сказать по правде, полиция была в полной растерянности. Они ничего не понимали. И тут подвернулась Масако, показавшаяся подозрительной. Ее задержали и решили раскрутить – вдруг получится... Вот такая у нас была тогда полиция.

– Импотенты!.. Интересно, ордер на арест в такой ситуации они сумели получить?

– Наверное, всё так расписали, что... Ведь когда есть ордер...

– В то время в подобных случаях можно было обойтись и без ордера. А что говорила прокуратура?

– В книге об этом ничего нет.

– А приговор? Ее судили?

– Смертная казнь.

– Смертная казнь! Значит, посчитали, что и девушки на ее совести... Приговор утвердили?

– Верховный суд утвердил, хотя Масако несколько раз подавала апелляции.

– И ей все время отказывали?

– Да.

– Не могу представить, чтобы Масако убила шестерых девчонок. Половина из них – ее родные дочери. Она же не ведьма.

– Между тем на других людей Масако производила именно такое впечатление. Впечатление человека жесткого и бессердечного.

– Бессмысленно сейчас это обсуждать. Лучше скажи: ты действительно думаешь, что на Яхико у нее было достаточно времени, чтобы убить сразу шестерых?

– Вокруг этого вопроса до сих пор строятся разные предположения, но ответ в итоге получается отрицательный. Масако не успела бы убить девушек до утра тридцать первого марта, как бы ни комбинировала с расписанием поездов. Ведь утром того дня все они были еще живы, что засвидетельствовали сотрудники гостиницы «Цутая» в Ивамуро. Они подтвердили, что Масако вместе с шестью молодыми женщинами действительно останавливалась у них двадцать девятого и тридцатого марта.

После ее отъезда девушки еще раз переночевали в «Цутая» и утром тридцать первого покинули гостиницу, после чего их больше никто не видел. Так что они были живы как минимум до утра тридцать первого марта.

Когда мы говорим об алиби того или иного человека, необходимо установить предполагаемое время смерти жертв. Но именно с этим ясности нет. По двум причинам. Первая – с момента, когда наступила смерть, прошло много времени. Вторая – тела были сильно изуродованы.

Раньше всех нашли Томоко, и время ее смерти удалось определить более-менее точно: тридцать первого марта, между тринадцатью и двадцать одним часом.

Сопоставив разные факты, можно с высокой степенью вероятности предположить, что все девушки были убиты в одном месте в одно и то же время. В указанный промежуток тридцать первого марта и, скорее всего, после того, как зашло солнце. А это говорит явно не в пользу Масако, если иметь в виду алиби.

Родные Масако настаивали, что та приехала в Аидзувакамацу к вечеру тридцать первого марта. Но это лишь свидетельство родственников. Положение Масако усугублялось тем, что из-за шумихи вокруг ее семьи, о которой говорили по всей Японии, она не захотела выходить из родительского дома. Таким образом, никто, кроме родственников, ее не видел. Это обстоятельство, конечно, сильно сыграло против Масако. Получалось, что утром тридцать первого она могла вернуться в Яхико, откуда уехала накануне. Доказательств обратного у нее не было.

– Ха! Но ты сказал, что тела были обнаружены в разных местах, даже в разных районах... Как Масако умудрилась их развезти? У нее были водительские права?

– Нет. Это же тридцать шестой год. Можешь представить себе женщину за рулем, да еще и с правами? Тогда получить автоправа было все равно что сегодня – лицензию летчика. Из всех действующих лиц лишь двое мужчин имели права – Хэйкити Умэдзава и Хэйтаро Томита.

– Выходит, если все убийства совершил один человек, вряд ли это была женщина.

– Ты прав.

– Вернемся к девушкам. Нам известно, что они делали вплоть до утра тридцать первого марта. А что было дальше? Никаких свидетелей нет, как я понимаю. Однако трудно не обратить внимания сразу на шесть девушек...

– И тем не менее никто их не видел.

– Они должны были вернуться в Мэгуро первого апреля вечером. А вдруг передумали и решили провести на природе еще денек?

– Полиция, естественно, подумала об этом и проверила все гостиницы в Ивамуро, Яхико, Ёсида, Маки, Нисикава и даже дальше – в Бунсуй и

Тэрадомари, вплоть до Цубамэ. Нигде группа из шести молодых женщин не останавливалась. Или тридцатого марта кто-то из шестерки уже был мертв...

– погоди! Но в тот день они еще ночевали все вместе.

– А-а, твоя правда! Если б кто-то из них пропал, остальные не остались бы безучастными, побежали бы в полицию.

– А на Садо[25] они не могли переправиться?

– Полиция и это проверила. Тогда паромы на Садо ходили только из Ниигаты и Наоэцу. Оба города далеко от Ивамура.

– Угу. Если им вздумалось путешествовать так, чтобы не быть приметными, можно было разделить по трое, ночевать в разных гостиницах, назваться чужими именами. Способов сколько угодно. Можно выбрать гостиницы в стороне от оживленных мест. И в поезде можно ехать по отдельности. Никто не обратил бы на них внимания. Только для чего все это нужно? Зачем им было скрываться?

– Конечно, разделившись, они не так бросались бы в глаза. Но чего им было прятаться, забиваться в какую-нибудь дыру? Не могли же они, в конце концов, сами разъехаться по местам, где их потом нашли мертвыми! Зачем? Чтобы преступнику было легче их убивать?

Может, девушки ночевали не в гостинице, а где-то еще? Но это маловероятно. Если б они остановились у родственников (впрочем, кроме Токио, в других местах родственников у них не было) или знакомых и друзей, никто этого, конечно, скрывать не стал бы, особенно после того, что с ними случилось. Так или иначе, последний раз их видели утром тридцать первого марта в Ивамура.

– Сорок лет вокруг этого дела не прекращаются разговоры, и никто так и не установил, зачем девушки, никому ничего не сказав, куда-то поехали?

– Совершенно верно.

– Полиция, задержав Масако, так и не освободила ее, хотя та ни в чем не признавалась. Они нашли что-нибудь после того, как допросили ее?

– В доме Умэдзава был проведен обыск. Обнаружили склянку с мышьяковой кислотой и веревку с крюком, возможно использовавшуюся для подвешивания кровати, на которой спал Хэйкити.

– Что?! Откуда она там взялась?

– И что странно, только одну веревку. Все остальное убрали, а ее оставили?

– У меня это в голове не укладывается. Это все равно что сказать: «Вот, смотрите, я его убила». Масако подставили.

– Она так и сказала.

– Кто же мог ее «закопать»?

– Масако заявила, что понятия не имеет.

– Хм-м... Не нравится мне это. Ладно, а что с окном? Следующее, что должна была сделать полиция, – проверить окно. Нашли они признаки того, что стекло вынимали?

– За несколько дней до убийства мальчишки попали камнем в окно на крыше мастерской. В стекле образовалась трещина. Хэйкити это заметил, и стекло заменили, посадив на новую замазку, поэтому полиция не смогла определить, когда вынимали стекло – когда убили Хэйкити или раньше.

– Хитро, ничего не скажешь.

– Хитро что?

– Я думаю, камень бросил не ребенок, а преступник.

– То есть?

– Потом объясню. Но полиции следовало прежде обратить внимание вот на что. Двадцать шестого февраля на крыше должно было скопиться много снега. Все-таки тридцать лет не было такого снегопада. Если б полицейские поднялись по лестнице проверить крышу, они сразу обнаружили бы следы – ног, рук – и поняли бы, вынимали стекло или нет... Погоди!

– Что такое?

– Снег! На оконном стекле должен был лежать снег. Когда обнаружили тело Хэйкити, в мастерской было темно, потому что окно засыпало снегом. Но если из одной створки окна вынимали стекло, а потом вставили обратно, снега на ней должно было быть меньше, и света в мастерской прибавилось бы. Там не должно было быть так темно, правильно?

– В книге ничего на этот счет не сказано. Скорее всего, снег лежал на обеих створках. Хотя...

– Преступник, если он такой предусмотрительный, вполне мог набросать снег на окно после того, как вставил стекло обратно. И потом, утром двадцать шестого февраля до половины девятого снова шел легкий снежок. А лепить новую замазку на мокрой крыше – дело непростое...

– Но Масако арестовали больше чем через месяц после убийства Хэйкити.

– Хм-м... Что-то долго они собирались... Кстати, в хозяйстве Умэдзава была лестница?

– Была. Все время стояла прислоненной к стене главного дома.

– Ее кто-нибудь двигал? Следы нашли?

– Трудно сказать. Ее держали под крышей, и ею пользовался стекольщик, когда менял стекло в окне мастерской. Но я уже говорил, что полный осмотр

усадыбы полиция провела спустя целый месяц после убийства Хэйкити. Там все пылью покрылось.

– Если его убила Масако со своими дочками, им нужна была лестница... Но, по твоим словам, на снегу следов от лестницы не нашли.

– Погоди. Лестница стояла возле окна первого этажа. Ее могли через окно занести в дом, вытащить на улицу через главный вход... Хотя зачем? Когда выносили лестницу, еще шел снег, и возникла бы проблема, как вернуть ее на место. Можно было сделать по-другому: вынести лестницу через калитку, обойти усадьбу вдоль ограды по улице, внести лестницу в дом через главный вход и через окно на первом этаже поставить на место. Очень просто.

– Ну да. Изображали что-то вроде трубочистов.

– А как объяснить веревку и мышьяк?

– Да уж, веревка и мышьяк – это аргумент.

– Мышьяковая кислота – сильнодействующее средство, которым убили девушек. В желудке каждой было обнаружено по две-три десятых грамма этой отравы.

– Что?! Но это же ни с чем не вяжется. Начнем с того, что в записках Хэйкити сказано, что Овен должен принять смерть от железа, Дева – от ртути и так далее... Дальше: весьма вероятно, что к вечеру первого апреля девушки уже были мертвы, а склянка с ядом оказалась в доме Умэдзава. Это как понимать?

– Из-за яда Масако и задержали. И ордер на арест получили. Что касается металлов, упомянутых в записках Хэйкити, то во рту и горле жертв их действительно обнаружили. Но причиной смерти явились не они, а мышьяковая кислота. Это смертельный яд, летальная доза – одна десятая грамма. Самый известный яд – цианистый калий. У него смертельная доза – пятнадцать сотых грамма. Мышьяковая кислота более токсична. В книге подробно рассказывается о ней. Можно не читать, наверное?

Оксид мышьяка, о котором я говорил, растворяется в воде, и получается мышьяковая кислота. Чем больше в воде щелочи, тем легче он растворяется. Химическая формула процесса – $\text{As}_2\text{O}_3 + 3\text{H}_2\text{O} = 2\text{H}_3\text{AsO}_3$. В качестве антидота используется гидроксид железа – $\text{Fe}(\text{OH})_2$, нейтрализующий и абсорбирующий мышьяковую кислоту.

– У-у!

– Яд был во фруктовом соке, которым кто-то напоил жертв. Судя по всему, всех разом, потому что в желудках всех шестерых нашли одинаковое количество мышьяка. Естественно предположить, что девушки были отравлены в одном и том же месте и в одно и то же время.

– Понятно.

– Расправившись таким образом со своими жертвами, преступник вложил в рот каждой вещество, содержащее тот или иной металл. У Томоко – Водолея – в полости рта обнаружили оксид свинца – PbO . Это такой порошок желтого

цвета. Средство сильного действия, в воде растворяется плохо. Оно само по себе могло убить девушку, но та, как мы видим, умерла от другого. Вероятно, у убийцы не было возможности использовать разные яды, когда девушки были все вместе.

– Так-так. Блестящий вывод.

– У Акико – Скорпиона – во рту был оксид железа – Fe_2O_3 . По-другому – красная охра. Похоже на грязь красно-коричневого цвета. Ее используют в производстве косметических средств и красок. Совершенно неядовитое и очень распространенное в природе вещество.

Следующая Юкико – Рак. У нее в горле обнаружили нитрат серебра – AgNO_3 . Вещество бесцветное, прозрачное и токсичное.

Токико – Овен. Ее металл, как и у Акико – железо. Но, в отличие от сестры, она была обезглавлена и вся вымазана красной охрой.

У Рэйко – Девы – во рту найдена ртуть – Hg . И наконец Нобуэ – Стрелец. В горле олово – Sn .

В связи со всем этим встает один вопрос: где убийца достал химикаты? Предположим, ртуть можно получить, разбив градусник, но другие-то? Для обращения с ними нужны определенные знания и навыки. И достать их не просто, если только вы не связаны с какой-нибудь университетской лабораторией. Вот Хэйкити как человек, одержимый страстью, может, и собрал бы нужные химикаты, но к тому времени он уже был мертв.

– А не мог он припрятать их в мастерской?

– Не знаю. Хотя мне такая мысль тоже приходила в голову. Однако полиция это отрицает.

– Как же Масако умудрилась раздобыть химикаты?

– Ума не приложу. Так или иначе, преступник – или на полном серьезе, или юмор у него такой, черный – идеально отработал тему алхимии, опираясь на выкладки Хэйкити. Он почти полностью реализовал разработанный Хэйкити втайне план. Но зачем?

– А что люди думали о Масако?

– Думали, что она невиновна.

– Значит, на ее вине настаивала только полиция?

– Ощущение такое, что, кроме Хэйкити Умэдзавы, никто этого сделать не мог. Расчленять девушек, резать тела на части... Для человека, не заинтересованного в создании Азот, это не имеет абсолютно никакого смысла.

Или же преступление совершил какой-то другой художник, очарованный идеями Хэйкити, его восприятием искусства? Однако у Хэйкити не было близких друзей в художественной среде. Ни одного человека.

– Послушай, а Хэйкити в самом деле умер?

Я рассмеялся в ответ.

– Вот как? Я ждал, когда ты это скажешь.

Митарай весь как-то сжался и проговорил, будто оправдываясь:

– Это не то, что ты думаешь.

– Какая же твоя теория? – продолжал наседавать на него я.

– Сначала расскажи до конца все, что знаешь, – ответил Митарай, – а потом уж я выскажусь.

– Понятно, – с вызовом ответил я. – Но я свой вопрос запомнил. От ответа все равно не отвертись.

– А пока скажи: кого из девушек нашли первой? И где? Ближе к Токио, если сравнить с остальными?

– Нет. Первую, Томоко, обнаружили в районе рудника Хосокура в префектуре Мияги. Точный адрес сказать? Префектура Мияги, уезд Курихара, деревня Угуйдзудзава, рудник Хосокура. Тело было брошено в лесу рядом с тропинкой. Его даже не присыпали землей. Оно было завернуто в промасленную бумагу, обе ноги отрублены по колено. На Томоко была та же одежда, в которой она отправилась на Яхико. Ее нашел пятнадцатого апреля – через две с небольшим недели после исчезновения – один из местных жителей.

На руднике Хосокура добывали руду, из которой плавил свинец и цинк. Томоко по гороскопу Водолей, и свинец – ее металл. У полиции тут же возникло подозрение, что она имеет дело со сценарием, описанным Хэйкити. Девушки убиты, тела разбросаны по всей стране...

Овну Хэйкити уготовил смерть там, где добывают железо, Рака привязал к серебру. Но и только. В его записках нет указаний на конкретные места. В случае с Токико полиция обыскала все крупные рудники, где добывалась железная руда, – на Хоккайдо, в префектурах Иватэ, Гумма, Сайтама. Юкико (ее металл – серебро) искали на шахтах и рудниках Хоккайдо, в префектурах Акита и Гифу. Но увы! – ничего не нашли. А сколько времени на это ушло, и все напрасно... Остальные тела, как оказалось, были преданы земле.

– Вот это да! Он их похоронил? Получается, одна Томоко осталась непохороненной?

– Точно.

– Хм-м...

– Но есть еще более странная вещь. Все тела были закопаны на разную глубину. Может, это как-то связано с астрологией?... Ну теперь твоя очередь.

– Нет, ты в деталях расскажи, как было.

– Ну Акико нашли на глубине пятьдесят сантиметров, Токико – семьдесят, Нобуё – метр сорок сантиметров, Юкико – метр пять и Рэйко – полтора метра. Цифры, конечно, приблизительные. И доморощенные шерлоки холмсы, и полиция только развели руками. Никто не смог дать этому убедительного объяснения.

– Угу...

– Конечно, может, никакой особой причины и не было. Может, убийца ничего и не имел в виду: была земля мягкая – копал глубже, шло тяжело – особо не утруждался.

– Все возможно. Однако чтобы закопать тело, достаточно пятидесяти-семидесяти сантиметров. А тут – полтора метра... Слишком большая разница. Невысокий человек поместится в такой яме с головой. Зачем так глубоко? Акико – Скорпион, у нее пятьдесят сантиметров, Токико...

– Овен – семьдесят сантиметров, Скорпион – пятьдесят, Дева – полтора метра, Стрелец – метр сорок, Рак – метр пять. Вот карта.

– Значит, Водолея оставили мокнуть под дождем? По правде сказать, я здесь не вижу связи с астрологией. И вымерять глубину до сантиметра тоже смысла нет. Семьдесят, сорок... Убийца рыл для своих жертв ямы двух типов – полметра и полтора.

– А что тогда означает метр пять?

– Может, ему просто надоело дальше копать, и всё. Вот так. Кого нашли после Томоко?

– Если убийца закопал труп, важно найти его как можно быстрее. Если этот шанс упущен, дождь смоет следы, и на поиски может уйти очень много времени. Раньше в Японии такие преступления раскрывались лишь после признания убийцы, который сам показывал, где закопал свою жертву. Акико нашли больше месяца спустя, четвертого мая. Опять промасленная бумага, одежда та же. Тело было изувечено – отсутствовала поясничная часть, выпилено сантиметров двадцать-тридцать. Его обнаружили в горах, в районе рудника Камаиси в префектуре Иватэ, полицейские собаки. Масако, находившаяся под арестом, опознала оба тела, подтвердив, что это ее дочери.

После этого полиция мобилизовала на поиски пропавших большое количество кинологов. В результате всего через три дня, седьмого мая, на руднике в префектуре Гумма нашли труп Токико. Та же самая картина: промасленная бумага, одежда. Но у тела не было головы, поэтому оставалась некоторая возможность обознаться. Токико опознала уже не Масако, а родная мать – Таэ. Ноги девушки имели некоторые особенности, свойственные тем, кто занимается балетом. Плюс – родимое пятно на боку, которое упоминал Хэйкити.

На поиски остальных пропавших девушек ушло много времени. Это объясняется тем, что убийца похоронил их на большой глубине. Юкико нашли только второго октября. Ее телу досталось больше других. Оно уже частично разложилось от времени, и вдобавок ко всему у девушки была вырезана грудная часть; голова лежала на животе. В остальном почерк тот же: промасленная бумага, одежда, в которой Юкико отправилась в поездку. Глубина могилы – метр с небольшим. Место – заброшенная шахта на руднике Косака в префектуре Акита. Убитую опознала Масако.

Нобуё нашли в конце года, двадцать восьмого декабря. После убийства прошло уже девять месяцев. Нобуё и Рэйко. Стрелец и Дева. Олово и ртуть. В Японии не так много мест, где добывают эти металлы. На Хонсю, пожалуй, это только Ямато в префектуре Нара. Там – ртуть. А олово – рудники Акэнобэ и Икуно в префектуре Хёго. Если б не это обстоятельство, тела последних двух девушек, возможно, никогда не нашли бы. Тем более что преступник вырыл для них самые глубокие могилы.

Труп Нобуё покоился в горах, недалеко от рудника Икуно. У него была вырезана бедренная часть, останки туловища спеклись с коленями. Остальное – как у других: одежда, промасленная бумага. Тело пролежало в земле девять месяцев и частично скелетизировалось. Ужасная картина!

Последней была Рэйко. Ее отыскивали десятого февраля тридцать седьмого года. С убийства Хэйкити прошел почти год. У трупа была удалена брюшная полость. Остальное – как у всех. Место, где нашли Рэйко, находится в горах, неподалеку от рудника Ямато, в яме глубиной полтора метра.

Обращаться к Аяко, чтобы та опознала дочерей, не было необходимости. От обоих тел остались фактически одни скелеты, и даже ближайшим родственникам, глядя на них, трудно было бы сказать что-то определенное. И все же Аяко съездила туда, где обнаружили ее дочерей, и видела, что сделал с ними убийца.

– Значит, по лицам опознать их было невозможно? Только по одежде? Но тогда, может, это не Рэйко и Нобуё, а кто-нибудь другой?

– Ну да. Но есть целый ряд фактов. Что касается этих двух девушек, то по костным и кожным останкам можно определить возраст. Рост тоже можно установить достаточно точно. Была также проведена реставрация черепов с помощью специальной глины, и по чертам лица вроде бы определили, что это Рэйко и Нобуё. Еще и группы крови совпали.

Однако решающим доказательством можно считать специфическую деформацию стоп, которая бывает у балерин и возникает от того, что им часто приходится становиться на пуанты. И еще: в то время больше никто не заявлял об исчезновении девушек того же возраста, да еще занимавшихся балетом. Из всего этого на девяносто девять процентов следует, что это были девушки из семьи Умэдзава.

– О'кей. Принято.

– Есть еще одно обстоятельство, на которое следует обратить внимание. Отправляясь на Яхико, девушки взяли с собой какие-то вещи. Сумки, еще что-нибудь... Но полиция ничего не нашла. Только тела. Это может быть важно.

Хочу напомнить тебе: предполагаемое время смерти Томоко – тридцать первое марта, между тремя и девятью вечера. Остальные пять девушек, по указанным раньше причинам, видимо, были убиты в то же время. Хотя были сторонники той точки зрения, что их убили в начале апреля, но это мнение, на мой взгляд, не стоит принимать в расчет.

– На чем основан твой вывод, что этих пятерых убили одновременно с Томоко? На том, что ты говорил раньше?

– Да. О трупах, найденных после Томоко, можно только гадать. Говорить о точном времени смерти Нобуё и Рэйко невозможно. По словам судебных медиков, состояние трупа меняется в зависимости от того, сколько времени прошло после смерти – к примеру, год или три. В зависимости от положения, в котором находился труп, различается и степень разложения тканей. Например, как я слышал, если убийство произошло летом и труп был в теплой одежде, срок, когда можно установить время преступления, ограничивается шестью месяцами. Ну вот вроде и все, что я могу рассказать.

– Теперь я хочу знать об алиби всех действующих лиц на вторую половину дня тридцать первого марта. Если подумать, мы имеем дело с геноцидом в отношении семьи Умэдзава. И идея создания Азот вполне может быть обыкновенным камуфляжем. Маскировкой жажды рубить и резать, чтобы как-то притушить злость. И первая, кто может питать ненависть к клану Умэдзава, это бывшая жена Хэйкити, Таэ.

– Это совершенно исключено. У нее алиби. Таэ, как обычно, провела целый день тридцать первого марта в своей табачной лавке. Где она была, когда посреди ночи убили Хэйкити, неизвестно, но в день убийства Кадзуэ, равно как и в день исчезновения шести девушек, она не отлучалась из лавки, что подтверждается показаниями соседей.

Напротив лавки Таэ находилась парикмахерская, хозяин которой засвидетельствовал, что она просидела за прилавком до самого вечера, а точнее, до половины восьмого, когда пришло время закрываться.

В тридцать шестом году Таэ вообще ни разу не закрывала лавку на целый день. Так говорили соседи. И как сорокавосьмилетняя женщина могла в одиночку развезти по стране шесть трупов? Такое даже представить невозможно. Особенно если учесть, что у нее не было водительских прав. Я уж не говорю о том, что среди убитых оказалась ее родная дочь Токико, которая очень хорошо относилась к матери. Как ни смотри, Таэ совершенно не подходит на роль убийцы.

– И все же... С алиби у нее действительно всё в порядке?

– Да.

– С другой стороны, Масако арестовали, потому что ее алиби не убедило полицию. А Хэйтаро и Ясуэ тогда задерживали?

– Думаю, всех, кто был на подозрении, на какое-то время задержали. Как я уже говорил, в то время полиция имела возможность задерживать без ордера,

по одному подозрению. Ёсио, к примеру, задержали на несколько дней. Все зависело от настроения полицейских.

– Даже не умеющий стрелять рано или поздно попадет в цель, – проговорил Митарай, презрительно хмыкнув.

– Так вот, что касается алиби. У всех все в порядке. Ясуэ и Хэйтаро Томита тридцать первого марта, как обычно, были у себя в «Медичи». Это подтвердили обслуживающая их официантка, посетители галереи, знакомые. Галерея была открыта до десяти часов вечера, и все это время Ясуэ и Хэйтаро не отлучались больше чем на полчаса. В тот вечер после закрытия в галерее оставались друзья семьи, которые просидели с хозяевами почти до полуночи. Так что у Томита алиби железное.

У Ёсио Умэдзава тридцать первого марта с часа дня была деловая встреча в издательстве в Гокоудзи[26], продолжавшаяся до пяти. После этого он отправился домой в Мэгуро на электричке вместе с редактором издательства по фамилии Тода. Они посидели дома у Ёсио, выпили. Разошлись после одиннадцати.

Что касается жены Ёсио, Аяко, мы точно не знаем, что та делала до возвращения мужа в шесть часов. Однако установлено, что без десяти пять она разговаривала с соседкой. Из чего, видимо, можно сделать вывод, что у четы Умэдзава надежное алиби. И потом, у них, как и у Таэ, пропали дочери. Какой им резон был убивать их?

Кроме пятерых, которых я перечислил, подозревать больше некого. И у всех пяти есть алиби. Кроме Аяко, у которой имеется некоторая пробоина в доказательстве непричастности. Мы не знаем, где были совершены убийства, – весьма возможно, где-то в районе Яхико. В таком случае Аяко должна была отсутствовать в Токио с раннего утра. Поэтому, мне кажется, ее алиби можно считать доказанным. Да и в целом у этой пятерки не было времени, чтобы после убийства возиться с трупами.

– Что же получается? У всех фигурантов твердое алиби? М-да. Значит, чужак?.. Но у Масако ведь тоже фактически было алиби.

– Да, но в ее случае алиби опиралось на свидетельства родственников. А когда стало ясно, что у всех остальных железное алиби, подозрения в адрес Масако резко усилились. И еще эта склянка с мышьяком...

– Угу. Но если предположить, что Масако провернула этот номер с кроватью Хэйкити вместе с дочерьми – не знаю, все они в этом участвовали или нет, – почему она не устранила сообщниц в самом начале, а через месяц ни с того ни с сего передумала и решила, что их лучше убрать? Тут есть серьезное противоречие.

– И в чем оно?

– Давай об этом потом. Что же получается: преступник – возможно, спятивший художник – сумел собрать необходимые элементы для создания Азот, о чем мечтал Хэйкити?

– Ответ на этот вопрос ищут до сих пор. Разгадать загадку «убийств по Зодиаку» – главная цель участников споров вокруг этого дела, которые выдвигают разные версии. Согласно одной из них, из частей тел убитых девушек была слеплена некая фигура, чучело, которое было где-то спрятано. Розыск убийцы – это одновременно и розыск Азот.

Как писал Хэйкити, Азот должна быть помещена в «центр тринадцать», в самый центр Японии. Не известный нам художник, похоже, строго следовал начертанному Хэйкити плану. Это дает основания думать, что он поместил Азот именно в то место, которое определил Умэдзава.

Но где оно находится? Где он, этот «центр тринадцать»? Искать преступника, судя по всему, бесполезно, поэтому главная цель сейчас – найти то самое место. Таэ выделила бо́льшую часть полученного наследства на вознаграждение тому, кто отыщет Азот. Думаю, ее завешание действительно до сих пор.

– Подожди! Ты говоришь, преступника искать бесполезно?

– Ого! Раз я слышу такие речи, значит, еще не все потеряно... Настроен ты по-боевому. Думаю, нет смысла еще раз повторять сказанное. У всех, кто имеет какое-то отношение к убийствам Азот, имеется алиби. А Хэйтаро, единственного, кто теоретически мог развезти трупы убитых девушек на автомобиле, с апреля тридцать шестого года каждый день видели в «Медици».

Итак, Масако арестована. У Ёсио нет водительских прав. У остальных женщин – Таэ, Аяко и Ясуэ – тоже. Можно сказать, к ним нет никаких вопросов. Все стали жить как прежде.

Если так, остается лишь версия о неизвестном, не имеющем прямого отношения к семейству Умэдзава. Верно? И единственное, что мы можем, – это вести поиски Азот.

– Грустная картина. У Хэйкити не было учеников... Но ведь в «Медици» он с кем-то встречался, наверное?

– У него было пять-шесть знакомых по «Медици» и «Хурме». Но только знакомых, не более того. Из них, как было установлено, лишь один человек посещал Хэйкити в мастерской. Еще один собирался навестить его, но так и не собрался. Это сказал сам Хэйкити. Остальные заявили, что даже не знали, что у него была мастерская.

– Хм-м...

– Конечно, Хэйкити никогда не говорил об Азот с этими людьми. Ни о ком из них нет ни слова в его записках. Если кто-то и решился совершить «убийства Азот» вместо Хэйкити, этот человек должен был безумно увлечься идеями своего духовного учителя, фактически иметь с ним кровное родство. Такой человек обязательно фигурировал бы в записках Хэйкити.

– Хм-м...

– Остается следующий вариант: некто тайно проник в мастерскую, спрятался там и прочитал записки Хэйкити. Теперь о том самом саквояжном замке.

Похоже, Хэйкити, отлучившись на какое-то время из мастерской, повесил замок на дверь снаружи. Дверь можно было отпереть, имея ключ. Хэйкити решил что-нибудь выпить во время прогулки. Кто-то мог выкрасть у него ключ и потом проникнуть в мастерскую. Это надо учитывать, если мы хотим вычислить преступника.

– М-да. В самом деле... Вот уж загадка так загадка.

– И никто не может решить ее уже сорок лет.

– Покажи мне таблицу с датами, когда были обнаружены трупы шести девушек. Что-то мне не дает покоя.

– Вот. Смотри, пожалуйста.

– Обрати внимание – хотя, наверное, так и должно быть: чем глубже похоронено тело, тем позже его находят. Томоко, оставшаяся непохороненной, нашли первой. Может, за этим скрывается какое-то намерение преступника? Если так, какой смысл в порядке обнаружения тел?

Я вижу два варианта ответа на этот вопрос. Первый: преступник таким образом просто заметал следы. Второй: он на самом деле был безумно увлечен алхимией и астрологией. Сначала Водолей, потом Скорпион, затем Овен, Рак, Стрелец, Дева... Нет, с порядком знаков Зодиака не совпадает.

Может, с севера на юг? По мере приближения к Токио? Тоже нет. Похоже, я ошибся. В этом порядке нет никакого смысла...

– Мне тоже так кажется, – согласился я. – Возможно, первоначально преступник собирался выкопать глубокие могилы для всех жертв, но в итоге ему надоело. Ведь может такое быть? Вырытые им могилы становились все мельче, и кончилось тем, что Томоко он просто бросил в лесу. Соответственно, в таком порядке преступник и действовал. Как тебе мысль?

– Глубокие могилы нашли в Хёго и Наре, недалеко друг от друга, но третья – это Акита. Тут уже расстояние значительное.

– Хм-м... Пожалуй. Если б не глубокая могила Юкико в Аките, картинка бы сложилась... Преступник сначала направляется в Хёго и Нору, закапывает Рэйко и Нобуё. Затем переезжает с Токио в Гумму. Оттуда – прямоком в Акиту, где на границе префектуры, в Косаке, хоронит Юкико. Дальше – на юг, в Иватэ; там он роет могилу для Акико. Наконец, еще южнее, в Мияги. На Томоко у преступника терпения уже не хватает – он цинично бросает тело в лесу и спешит в Токио.

– Хм-м... А если дело не в том, что ему надоело возиться с рытьем глубоких могил? Может, его беспокоило, что, пока он колесит по стране, могут найти брошенный им первый труп?

– Ну да, такое тоже возможно. Но если для Юкико он вырыл в Аките глубокую могилу, то для Токико особо не старался. Получается такой порядок: глубокая, глубокая, мелкая, глубокая, мелкая. Было куда проще поменять местами номер три и номер четыре или для номера четыре вырыть могилу помельче.

Можно предположить, что убийца проделал свою операцию в два захода или были задействованы военные спецслужбы, разделившиеся на две группы. Группа А «работала» на западе: сначала в Наре, потом в Хёго и в Канто[27] в Гумме; группа В – на востоке в Аките, Иватэ и Мияги. Первых жертв они старались закопать поглубже. В таком случае все сходится. Версия о спецслужбах исключает теорию об убийце-одиночке, который избавился от трупов в два захода.

– Трудно поверить, что в этом деле были замешаны спецслужбы, – засомневался я. – После войны появилось много свидетельств людей, хорошо информированных о положении дел в армии. Судя по ним, нет абсолютно никаких фактов о проведении специальными органами подобной операции в тридцать шестом – тридцать седьмом годах.

– Ага!

– Но спецслужбы на то и спецслужбы, чтобы проворачивать свои дела втайне.

– Я не очень верю свидетельствам заинтересованных лиц.

– Так или иначе, из того, что преступник закопал Юкико в Аките на большую глубину, можно сделать одно предположение: он жил где-то в районе Канто. Если б убийца проживал, к примеру, в Аомори, Юкико была бы последней на его пути, и именно ее он бросил бы под открытым небом.

– Хм-м... Все может быть. Нет ли еще других зацепок? Рудников и шахт очень много на Кюсю и Хоккайдо, но все тела были найдены на Хонсю. Можно считать это доказательством того, что тела развозили на автомобиле. Туннеля Каммон[28] тогда еще не было.

А не может быть такого, что преступник разбирался с телами жертв по возрасту? Томоко – двадцать шесть, Акико – двадцать четыре... Точно! По старшинству! Сначала самая старшая, и дальше по порядку... Только для Нобуё и Рэйко, найденных последними, порядок нарушен. Могилы у них глубокие, возможно, преступник просто перепутал или нарочно так сделал... Так или иначе, Нобуё, самую молодую из всех, и Рэйко этот художник похоронил позже всех. И может быть, здесь был какой-то смысл. Какой?

– Все это чистое совпадение. Ключ к разгадке искали и в этом направлении, но ничего не откопали.

– Так думаешь? Ну-у, может быть...

– Итак, рассказ мой был долгим. Я передал тебе об «убийствах по Зодиаку» в семье Умэдзава все, что знаю. Ну и как? Хоть какие-то шансы решить эту головоломку есть?

К Митарай вдруг словно вернулась депрессия. Меж бровей залегла морщина, и он принялся массировать веки пальцами.

– Должен признаться: дело оказалось гораздо сложнее, чем я представлял. Сегодня ничего не решить. Мне нужно несколько дней.

– Несколько дней?! – Я чуть не подавился. Может, несколько лет?

– У всех, кто имеет отношение к «убийствам Азот», имеется алиби. Больше того – ни у кого из них нет мотивов для убийства, – негромко проговорил Митарай, будто обращаясь к самому себе. – Возьмем знакомых Хэйкити по «Медици» и «Хурме». Эти люди не относились к категории близких друзей. Мотивов у них не было. Никто из них не был способен на то, чтобы совершить это абсурдное преступление вместо Хэйкити, и даже не имел возможности прочитать его записи.

В таком случае остается либо чужак, либо спецслужбы. Но они тоже не могли ознакомиться с записками Хэйкити. Зачем спецслужбам понадобилось вместо него заниматься созданием Азот? Я не вижу причин для этого. Кроме того, имеются свидетельства лиц, хорошо знакомых с ситуацией в армейских кругах, о непричастности военных к убийствам. Получается, что преступника как бы не существует...

– А я тебе о чем говорю? Поэтому предлагаю двигаться дальше и заняться поиском Азот в цифрах, о которых писал Хэйкити. Четыре, шесть, три и тринадцать.

– Азот должна находиться в центральной точке Японии.

– Именно.

– Хэйкити указал, где искать эту точку. Она находится на меридиане с координатами 138°48' восточной долготы.

– Точно.

– Значит, Азот следует искать где-то на этой линии. Почему бы не пройти по ней и не найти ее?

– Хорошая идея. Однако начнем с того, что расстояние придется преодолеть приличное. Примерно триста пятьдесят пять километров, почти столько же, сколько по прямой от Токио до Нары. На пути встретятся горы Микуни и Титибу. Дальше пойдут знаменитые леса на склонах Фудзи, через которые на машине или мотоцикле не проедешь. Я уж не говорю о том, что Азот могли зарыть в землю. Мы же не можем прокопать траншею на триста пятьдесят километров. Непосильная задача.

– Нужно ночь подумать... Этого достаточно... – Митарай заговорил с трудом и так тихо, что напомнил мне пищание комара. Пробормотал еще что-то, но больше я ничего не разобрал.

Сцена 5

Широта и долгота

На следующий день у меня появилась срочная работа, и я не смог прийти к Митарай, хотя вчерашний разговор не давал мне покоя. Он тоже мне не звонил – видимо, целиком погрузился в размышления о цифрах 4, 6 и 3.

В такие минуты я начинаю жалеть, что работаю фрилансером. Работу в сторону никак не отложишь, иначе можно лишиться клиентов. Как-то раз я сказал Митарай, что лучше числиться где-нибудь постоянно, работать с девяти до пяти, как нормальные люди. Услышав мои слова, мой друг вдруг резко поднялся и заявил:

– В саду, заросшем розовыми кустами, проложена извилистая дорожка. Кто-то пробирается к выходу, прорубая сквозь густую растительность путь к дому. Понимаешь, о чем я?

Я понятия не имел, к чему он клонит, но решил кивнуть в знак согласия.

– Это конечная точка большого предприятия, на которое человек поставил свою жизнь. Но если б он взобрался на забор, то увидел бы, что выход тут же, совсем рядом. Он махал топором, потратил столько сил, а оказалось – впустую. У него было впечатление, что он проделал большой путь. Но это всего лишь иллюзия, оптический обман.

– О чем ты толкуешь? Не понимаю, – признал я.

– Очень жаль. Если ты неспособен это понять, значит, даже Пикассо ничего не стоит, – с сожалением заключил Митарай.

Позднее до меня дошло, что он хотел сказать: «Постоянная работа тебе не подойдет». У Митарай такой характер, гордый – не мог же он признаться, что если я буду пропадать на работе, ему будет меня не хватать.

Я появился у Митарай через день. За время пока мы не виделись, настроение его улучшилось. Он уже не был мрачен. Он вообще человек непредсказуемый в том, что касается настроения.

Обычно Митарай встречал меня лежа на диване, напоминая своим видом моряка, чудом пережившего кораблекрушение и дрейфующего на плоту в открытом море. В этот раз он расхаживал по комнате, будто не находя себе места, и голосил во все горло, подражая предвыборным лозунгам, которые доносились из динамиков колесивших по улицам агитационных машин, задействованных в избирательной кампании.

Умело подражая Мансаку Канно (была такая женщина – кандидат в депутаты), Митарай слегка дрожащим женским голосом объявил: «Сотраждане! Я призываю вас к сплочению! Иначе мы скатимся в пропасть полной нищеты!» И тут же

забасил, как в трубу: «Мансаку Канно! Мансаку Канно! Вы – ее опора! Она машет вам рукой!»

Я догадался, в чем причина его веселья. И он подтвердил мою догадку, заявив: «Я понял, что такое 4, 6, 3!»

Прихлебывая кофе, Митарай продолжал:

– После нашего разговора я сел и стал размышлять, хотя эта чертова агитация доставала, конечно. Нам точно известна средняя точка оси, идущей с востока на запад. Я подумал, что еще надо определить центр оси север – юг.

В записках Хэйкити сказано, что самая северная точка Японии – остров Харимкотан, лежащий на $49^{\circ}11'$ северной широты, а южная – остров Иводзима на $24^{\circ}43'$ северной широты. Получается, что срединная точка – это $36^{\circ}57'$ северной широты. Если взглянуть на карту, то на пересечении двух осей – восток – запад в точке $138^{\circ}48'$ восточной долготы и север – юг в точке $36^{\circ}57'$ северной широты – мы обнаружим горнолыжный курорт Исиути. Это префектура Ниигата.

Пойдем дальше. Хэйкити утверждал, что в действительности самой южной точкой Японского архипелага является остров Хатэрума. Я решил определить срединную точку между этим островом и Харимкотаном. Хатэрума лежит на $24^{\circ}3'$ северной широты, Харимкотан – на $49^{\circ}11'$ северной широты. Центральная точка на линии, соединяющей эти острова, расположена на $36^{\circ}37'$ северной широты. Эта линия пересекает меридиан с координатой $138^{\circ}48'$ восточной долготы в префектуре Гумма, в районе горячих источников Саватары. Дистанция между Исиути и Саватары составляет ровно $20'$. Эта цифра может иметь значение.

Гора Яхико, которую Хэйкити окрестил пупом Японии, расположена на $37^{\circ}42'$ северной широты. От Исиути ее отделяют $45'$. Ничего общего с цифрами четыре, шесть и три. От Яхико до Саватары $65'$, или один градус и пять минут. Тоже ничего похожего.

Тогда я прилег и подумал еще немного. И ту меня осенило! Надо определить координаты рудников, возле которых обнаружили трупы шести девушек. Посмотри, что получилось.

Митарай протянул мне листок, испещренный цифрами.

?Косака Акита $140^{\circ}46'$ вост. долг. $40^{\circ}21'$ сев. шир.

> Камаиси Иватэ $141^{\circ}42'$ вост. долг. $39^{\circ}18'$ сев. шир.

? Хосокура Мияги $140^{\circ}54'$ вост. долг. $38^{\circ}48'$ сев. шир.

>Гумма Гумма $138^{\circ}38'$ вост. долг. $36^{\circ}36'$ сев. шир.

?Икуно Хёго $134^{\circ}49'$ вост. долг. $35^{\circ}10'$ сев. шир.

?Ямато Нара $135^{\circ}59'$ вост. долг. $34^{\circ}29'$ сев. шир.

Потом я решил вычислить среднее значение координат. Сначала взялся за долготу. Что, думаешь, получилось? Удивительно, но факт – $138^{\circ}48'$! Точь-в-точь как у Хэйкити. Его центральная точка на оси восток – запад. Значит, все шесть рудников были выбраны заранее!

Затем я вычислил широту и получил $37^{\circ}27'$. Две линии пересекаются к западу от Нагаоки[29]. Сравни с координатой центральной точки на линии север – юг, между Харимкотаном и Иводзимой. Эти две точки удалены друг от друга ровно на $30'$. А между точкой $37^{\circ}27'$ и местоположением Яхико, которая расположена немного южнее, дистанция $15'$. На меридиане $138^{\circ}48'$ мы имеем четыре точки. Двигаемся с юга на север. Первая точка – посередине между Харимкотаном и Хатэрума, далее на север, в $20'$ – срединная точка между Харимкотаном и Иводзимой, еще дальше, в $30'$ – средняя координата местоположения шести рудников, и еще в $15'$ – гора Яхико. Как мы видим, эти точки расположились на меридиане $138^{\circ}48'$ с интервалами в $20'$, $30'$ и $15'$. Разделим эти числа на пять и получим искомое – 4, 6, 3. А сложив цифры, получим тот самый «центр 13». Он находится на $37^{\circ}9'30''$ северной широты. Это точка пересечения с меридианом $138^{\circ}48'$ восточной долготы. Она где-то в горах префектуры Ниигата, к северо-востоку от городка Тока. Туда, должно быть, Хэйкити и собирался поместить Азот.

Тебе, верно, такое в голову не приходило? А я вот с самого начала предполагал нечто подобное... О! Кофе исключительный! А сегодня особенно удался. Хорош! Ну как тебе?

– Да, сегодня очень даже...

– Я не о кофе, а о цифрах.

– Э-э... это замечательно, – произнес я с запинкой.

Митарай почувствовал неладное.

– Нет, это действительно большое дело, – продолжил я. – Чтобы за один вечер так продвинуться вперед... Надо иметь исключительные способности.

– Так вот оно что...

– Что?

– Ты хочешь сказать, что я не первый? Кто-то додумался до этого раньше меня?

Наверное, на моем лице он прочитал сочувствие. Жаль, конечно, его расстраивать, но уж лучше сказать все как есть.

– Послушай, Киёси! Ведь сорок лет прошло. За это время даже самый заурядный человек египетскую пирамиду успеет построить.

Главное, что я перенял у Митарай, – это умение выражать свои мысли с иронией.

– У меня никогда не было такого идиотского дела!

Митарай вскочил с дивана, казалось, собираясь закатить истерику.

– Это настоящее свинство! Я голову ломаю, а оказывается, дорожку уже кто-то протоптал. Ты что, собрался меня испытывать?! У тебя давно на руках бумажки с ответами, и ты только отметки мне ставишь? Я такие шутки не люблю, запомни! И в оценках не нуждаюсь! И доказывать, что я кого-то умней, не собираюсь! Ни сейчас, ни впредь!

– Киёси, подожди...

Митарай стоял у окна, отвернувшись, и молчал.

– Ну послушай же...

– Я понимаю, что ты хочешь сказать, – наконец заговорил он. – Я не считаю себя исключительной личностью и не думаю, что все остальные настолько отличаются от меня, что мне их никогда не понять. И хотя живу самой обычной жизнью, иногда кажется, что я живу на Марсе. У меня даже голова кружится от ощущения, что все вокруг не такие, как я.

Вот в чем, наверное, причина его депрессии, подумал я и сказал:

– Все дело в том, что ты последнее время не очень хорошо себя чувствуешь... Может, тебе лучше присесть? А то всё на ногах...

– Ну почему все так? Не понимаю! – был ответ. – Все мы бьемся как мухи о стекло, хотя любому ясно: мы делаем что-то не то... Напрасный труд, Кадзуми! Напрасный труд! Хэйкити был прав. Заранее известно, что все потеряно. И то, что я делаю, тоже совершенно пустое дело.

Наши маленькие радости, грусть, гнев – все приходит и уходит, как тайфун или ливень. Все предрешено, как цветение сакуры весной. Ничтожные, мелкие чувства движут людьми каждый день и, сколько б мы ни трепыхались, несут всех к одному и тому же месту. И ничто никому не дано сделать, как-то исправить траекторию движения. Идеалы? Ха-ха! Что кроется под вывеской идеалов? Жалкий рекламный плакатик, доказывающий нашу никчемность.

С этими словами Митарай плюхнулся на диван.

– Я тебя понимаю... – начал было я, но мой друг бросил на меня сердитый взгляд.

– Понимаешь? Ха! Как ты можешь это понять?!

И добавил грустно:

– Впрочем, твоей вины тут нет. Извини, Кадзуми. Надеюсь, ты не считаешь меня сумасшедшим? Спасибо. Наверное, ты один из этих людей, но ты намного лучше большинства.

Ну как не поблагодарить за такую высокую оценку.

– Ладно, давай сменим тему, – предложил Митарай. – Значит, в том месте, о котором я говорил, ничего не нашли?

– В каком месте?

– Ну ты даешь! В горах к северо-востоку от Тока. Там, где «центр 13».

– А-а... вот ты о чем!

– Все шерлоки холмсы небось собрались там, как быки на водопое?

– Думаю, так оно и было. Наверное, в Ниигате до сих пор считают этот городок достопримечательностью.

– Печенье «Азот» продают...

– Очень может быть.

– Нашли что-нибудь?

– Ровным счетом ничего.

– Ничего? Совсем ничего?

– Совсем, – я покачал головой.

– Но раз так, должны были появиться другие версии...

– Ну уж в этом-то недостатка нет. Вплоть до самых экзотических. Прямо-таки выставка оригинальных изобретений. Если тебе интересно, в книжке все есть. Можешь ознакомиться.

– Спасибо, не надо. Неохота тратить время на такие развлечения. И так все понятно. У них на любой вопрос ответ найдется. А вот преступник, тот самый таинственный художник, выходит, эту загадку не разгадал? Задумал все исполнить, как написано у Хэйкити, а заключительный аккорд – определить место для Азот – так и не сумел...

Но такого же не может быть! Это не настолько уж трудная задача. Этот тип за вечер ее решил бы. Есть доказательство, что художник был прекрасно осведомлен о плане Хэйкити, как избавиться от трупов, точнее выражаясь, разместить их на местности в определенном порядке. Он узнал об этом плане из его записок.

Хэйкити не указывает точных мест, где должны быть оставлены трупы. В записках нет названий рудников, где их нашли. Однако упомянуты цифры – четыре, шесть, три. Это говорит о том, что Хэйкити уже наметил в голове эти места. Места, выбранные преступником, точно соответствуют указанным цифрам. Иными словами, места, которые определил для себя Хэйкити, и места, которые выбрал преступник, совпадают на сто процентов. Вот тебе и доказательство. Невидимый художник был знаком с планом Хэйкити во всех

деталях и знал ответ на загаданную им загадку. С учетом всего сказанного, так и подмывает задать вопрос: а может, преступник и Хэйкити – одно и то же лицо?

– Именно! Как раз об этом я и думаю.

– Могло случиться, что возникло какое-то непредвиденное обстоятельство. Или преступник нашел для работы над Азот более подходящее место... либо закопал ее на большую глубину. Раскопки-то в том районе кто-нибудь проводил?

– Многие копали. Все перерыли так, что место стало напоминать Иводзиму после артобстрела[30].

– Иводзима! Она ведь упоминается у Хэйкити. Значит, так ничего и не нашли... Какая там местность? Может, копатели что-то пропустили?

– Такого быть не может. Место довольно ровное. Там уже сорок лет копают.

– Хм-м... Тогда, может, никакой Азот и не было?..

– В таком случае зачем понадобилось убивать сразу шестерых и пилить их тела на части?

– Возможно, убийца попробовал что-то слепить, но процесс разложения шел быстрее, чем он предполагал, и пришлось ограничиться чучелом. Ходили такие разговоры? Однако чучело сделать не так просто. Люди этому учатся.

– Может, он тайком и учился. Есть книжки по таксидермии, как чучела набивать. Он взял их, начитался и сваял что-нибудь...

– Думаешь?

– Хэйкити об этом не пишет, но если все это сотворил не он, а кто-то другой, мысль сделать чучело вполне могла возникнуть у этого человека. Продержись Азот под воздействием разложения тканей хотя бы день – ее создатель остался бы доволен. И был бы удовлетворен полностью, если б удалось продлить ее «жизнь» на полгода, пусть даже чучело получилось не совсем удачным. Он думал: «Я сделал это!» Такой человек способен на любой, даже самый дикий поступок.

– Хэйкити писал, что если удастся создать Азот, она оживет.

– Ага! Встанет и пойдет. Вряд ли он все-таки думал об этом всерьез... Хотя от сумасшедшего художника можно ждать чего угодно, – сказал я.

– Хм-м...

– Ты прав: все так запутано, что не поддается объяснению. Я считаю, что в отношении «центра тринадцать» ты нашел верный ответ. Но Азот на том месте не оказалось. К тому времени ажиотаж вокруг этого дела заметно спал. Все более-менее стоящие версии были уже озвучены, но разного рода несерьезные теории и догадки все не давали людям покоя. Почему, интересно? Странное дело...

– Мне пришла в голову еще одна мысль.

– Интересно, какая? – спросил я.

– Вся эта история с «центром тринадцать» и $138^{\circ}48'$ восточной долготы вполне может быть фикцией. Обыкновенной выдумкой. Хэйкити решил немного пофантазировать, но всерьез не верил в то, что писал...

– Нет, этого не может быть. Я определенно тебе говорю.

– Ого! И почему же?

– Потому что на этом меридиане – $138^{\circ}48'$ – что-то должно быть.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Митарай.

– Это немного не в тему, но я хочу сказать, что не только Хэйкити упоминал об этой линии на карте. Один известный писатель написал рассказ о ее загадочной силе. Не знаю, как ты – хотя не похоже, – а я очень люблю разные детективные истории. Много всякого перечитал. Знаешь такого писателя – Сэйтё Мацумото? Вот у него есть рассказ – «139 градусов восточной долготы». Читал?

– Нет.

– Я так и думал. Так вот: похоже, этот рассказ как-то связан с историей Хэйкити Умэдзавы. Очень интересно. Издревле, из поколения в поколение, в Японии передаются два способа предсказывать судьбу и будущее – кибоку и рокубоку. Там сам предсказатель, поэтому тебе должно быть интересно.

Рокубоку – это гадание по оленьей лопатке. Брели кость, забивали в нее металлический штырь – такими в старину перемешивали угли в очаге – и по рисунку образовавшихся трещин предсказывали, какими будут охота и урожай в этом году. А в кибоку вместо оленьей лопатки использовали панцирь черепахи. Черепаху было легче поймать, ведь Япония – страна островов, кругом вода.

Кибоку практиковали монахи синтоистского храма Яхико. Почему они выбрали этот способ, понятно: там море рядом. Но есть еще одно место, где гадали по черепаховому панцирю. Это храм Сирахама на полуострове Идзу, на тихоокеанском побережье. Он находится строго к югу от Яхико.

Между этими двумя точками есть еще три храма, где занимались рокубоку. Это Нукисаки в префектуре Гумма, а также Митакэ и Акиру, которые сейчас входят в состав столичной префектуры Токио.

Удивительно, что все пять храмов вытянулись в шеренгу с севера на юг по сто тридцать девятому меридиану восточной долготы. И надо отметить: ни к западу, ни к востоку от этой линии нет храмов, где практиковали бы кибоку и рокубоку.

– Ого!

– А знаешь почему? Ты сейчас упадешь. Если произнести цифры один, три и девять так, как это делали в древности, получится «хи», «ми» и «коконоцу», сокращенно «ко». Вместе получается имя – Хи-ми-ко. Древняя правительница Японии.

– Ух ты, как интересно! Но это может оказаться случайным совпадением. Ведь географические координаты – современное изобретение. Искусственно градуированная сетка, за точку отсчета которой взят Гринвич. И привязывать к этой системе Химико, жившую две тысячи лет назад, – слишком большая натяжка.

– Мацумото с этим не спорит. Но Химико была могущественной шаманкой, обладательницей магической силы и способности к внушению, превосходящими возможности науки. Ее сила впоследствии могла найти свое выражение в цифрах географических координат. Для меня, во всяком случае, это звучит вполне убедительно. В период Яматай Химико, должно быть, занималась предсказаниями с помощью кибоку и рокубоку.

– То есть страна Яматай располагалась на сто тридцать девятом меридиане?

– Нет, в те места переселились духовные последователи Яматай, или их заставили туда перебраться, а первоначально Яматай, скорее всего, находилась на Кюсю. Согласно хронике китайской династии Вэй, возникновение Яматай относится к середине третьего века. В японских документах говорится лишь об императорском дворе Ямато, государства, возникшего в восьмом веке, а о Яматай нет никаких упоминаний. В письменных источниках об этом государстве не найдешь ни строчки. По одной из теорий, Яматай была уничтожена соперничавшим с ней племенным союзом Куна. Или же народом, переселившимся в Японию с континента через Корею. Хэйкити был сторонником второй точки зрения.

Таким образом, по мнению историков, Яматай либо уничтожили, либо присоединили к возникшему позднее центральному правительству, а после образования Ямато двор, возможно, принял решение насильно переселить народ Яматай, в том числе потомков Химико, на восток. Об этом говорится в рассказе Мацумото.

Эта политика нашла отражение в действиях властей в период Нара[31], когда правительство определило район Канто, включая области Кадзуса, Кодзукэ, Мусаси и Каи, как место ссылки беженцев из Кореи, спасавшихся от смут и междоусобиц. Можно предположить, что это решение было лишь копированием политики, уже проводившейся ранее властями Ямато. Мацумото считает, что первым случаем насильственного переселения людей стала как раз высылка населения Яматай.

– Хм-м...

– Яматай вообще загадка. И преинтересная. О его местоположении спорят до сих пор. Кроме Кюсю, есть и другие версии. Но не будем обсуждать эту тему и вернемся к сто тридцать девятому меридиану. А о Яматай при желании можно поговорить отдельно. Я много могу рассказать...

Итак, о храмах, где практиковали кибоку и рокубоку. Долготу, на которой находится храм Яхико, мы уже знаем. Остальные храмы: Нукисаки – $138^{\circ}38'$ восточной долготы, Митакэ – $139^{\circ}12'$, Акиру – $139^{\circ}13'$ и Сирахама – $138^{\circ}58'$.

Все они прилегают к координате $138^{\circ}48'$, отмеченной в записках Хэйкити. А если сдвинуть линию Хэйкити на $12'$ к востоку, как раз получится сто тридцать девятый меридиан, о котором писал Мацумото. Группу островов Сакисима в архипелаге Окинава ровно посередине пересекает сто двадцать четвертый меридиан. Эти острова в целом можно считать самой западной точкой Японии. Границей на востоке, если отбросить детали, является сто пятьдесят четвертый меридиан. Он проходит по острову Шиашкотан, который расположен слева от Харимкотана, упомянутого в записках Хэйкити. А сто тридцать девятый меридиан протекает как раз посередине между сто двадцать четвертым и сто пятьдесят четвертым.

Мы точно не знаем, что думал Хэйкити: или он считал, что точность предсказаний зависит от географических координат и центральная точка Японии – самое подходящее место для гадания, или к этой точке притягивают шаманы, однако сделанное Хэйкити Умэдзавой в тридцать шестом году предсказание насчет важности сто тридцать девятого меридиана, похоже, имеет под собой основания.

– Да-а... Интересно получается.

– Но это еще не конец. Есть еще кое-что.

– Что же?

– Еще одна книга. Роман «Золотой ключ». Автор – Акимицу Такаги. Тоже вещь, полная намеков.

– И в ней тоже об этом меридиане?

– Ну как сказать... У Такаги, в общем-то, не о конкретных цифрах речь. Это история о спрятанном золоте, которое хотели использовать сторонники бакуфу в Эдо во время Мэйдзи Исин[32]. Ограничимся лишь той частью, которая имеет отношение к запискам Хэйкити. На стороне бакуфу, оказавшегося на грани краха, были два деятеля – Кайсю Кацу и управлявший делами правительства Кодзукэносукэ Огури, заслуживший репутацию человека ловкого.

В отличие от Кацу, Огури был настроен решительно и не собирался капитулировать перед объединенными силами княжеств Сацума и Тёсю, оставаясь сторонником вооруженной борьбы. У него был план замечательной операции, которая позволила бы серьезно ослабленным силам бакуфу разгромить армию двух княжеств. Когда вожди этой армии – Такамори Сайго и Масудзиро Омура – узнали о плане Огури, они содрогнулись.

Согласно этому плану, войска бакуфу без боя оставляли Токайдо[33], отступая до самой Сидзуоки[34], открывая путь «восточной армии», и стягивались на линию Хаконэ – Одавара. В районе Хаконэ предполагалось дать

отпор противнику, обратить его в бегство и отбросить к городку Окицу, у побережья которого должен был стоять флот бакуфу, состоявший из современных кораблей. Окицу расположен на узкой полоске суши, зажатой между морем, заливом Сагами и горами. Укрыться от артиллерийского огня с боевых кораблей бакуфу там было бы совершенно нелегко.

Однако даже самые блестящие планы бессильны перед ходом истории. Замысел Огури не поддержал сёгун Ёсинобу Токугава. А если бы его удалось осуществить, поражение бакуфу было бы как минимум отсрочено.

Географически Хаконэ и Окицу расположены примерно на одном расстоянии от меридиана $138^{\circ}48'$ к востоку и западу. Задуманное Огури сражение должно было развернуться на этой линии.

На этом же меридиане стоит деревня Гонда, родина Кодзукэносукэ Огури. Туда он бежал после поражения бакуфу, там был схвачен, обезглавлен и похоронен. Место казни Огури и его могила находятся примерно на той же координате – $138^{\circ}48'$ восточной долготы.

Говорят, Огури закопал часть казны бакуфу на горе Акаги, расположенной на $138^{\circ}12'$. В романе Такаги выдвигается предположение, что на самом деле сокровища были спрятаны не на горе Акаги, а где-то на тайных тропах между Мацуйдой и Гондой. А это как раз очень близко к долготе $138^{\circ}48'$.

Хочу добавить немного не по теме. Такаги еще писал о планах японского командования накануне капитуляции в тихоокеанской войне[35] продолжать сопротивление американцам уже на территории Японии, и для этого перенести командную ставку из Токио в глубь страны, на юг префектуры Нагано, в Мацусиро. Там есть знаменитое местечко Каванакадзима, где сражались между собой самурайские кланы[36]. Военные собирались устроить в этом месте последний рубеж, надеясь, что им помогут воинственные предки.

Для решающего столкновения с Японией на ее территории американцам надо было высадиться на побережье Кюдзюкюри и в заливе Сагами, чтобы прежде всего захватить район Канто. Задача, прямо скажем, очень сложная. После чего предстояли тяжелые бои с укрепившимися в Мацусиро силами армейского командования и японского правительства. Японская армия планировала создать несколько укрепрайонов вдоль линии Накасэндэ с проходящей по горной местности стратегической дорогой, соединяющей город Аннака с перевалом Усуйтогэ. А в центре линии Аннака – Усуйтогэ находится Мацуида и протекает меридиан $138^{\circ}48'$.

Тебе не кажется, что этот план поразительно напоминает замысел сражения у залива Сагами, который вынашивал Кодзукэносукэ Огури?

В обоих случаях – поворотные моменты в истории государства. Планируются решающие битвы, от исхода которых зависит существование страны. И оба раза планам не суждено осуществиться.

Я, конечно, точно не знаю, но мне кажется, что стоит копнуть глубже – и вскроются новые факты о важных исторических событиях, связанных с этой линией.

Митарай слушал меня невнимательно. Видно, я слишком отклонился от темы.

- Понятно. Я тоже был бы не прочь побродить по тем местам, - бросил он.
- Считается, что там проходит лей-линия.
- Лей-линия? Как в Англии?
- Ты знаешь о них?
- Знаю. Это когда на прямой линии расположены древние курганы и другие захоронения, места, связанные с религиозными культами.
- В Японии тоже такое встречается. Например, 34°32' северной широты. На этой параллели на протяжении семисот километров расположено много храмов, исторических мест и памятников.
- Хм-м...
- К северо-востоку от императорского дворца в Токио находится целый ряд храмов, включая Ясаки Инари, Хиэ, Исихама, Тэнсо. Строго на север от храма Цуругаока Хатимангу в Камакуре расположен храм Тосёгу в Никко. На линии, идущей с севера на юг, стоит несколько храмов, в которых поклоняются богам - покровителям рудознатцев.
- Ага!
- Похоже, японцы, как и древние жители Британских островов, с давних пор имели представления, в каких местах должны располагаться святилища, и придавали большое значение прямым линиям.
- Выходит, Хэйкити со своей концепцией был не оригинален.
- Думаю, да. Давай-ка теперь посмотрим, что за бумаги принесла тебе Иида-сан. Я собственно за этим и пришел. Все, что об этом деле известно до сих пор, я рассказал. Теперь остается одно: тебе предстоит поломать голову над этим делом, приняв к сведению свидетельства Иида-сан.

* * *

Кто заставил Митарай и меня с головой погрузиться в дело об «убийствах по Зодиаку», которому уже больше сорока лет? Отвечу: женщина по имени Мисако Иида. Она неожиданно появилась, когда мы, по обыкновению, сидели и болтали о всяких пустяках в офисе Митарай, где тот давал уроки астрологии своим ученикам. На лекции Митарай ходили в основном гадавшие по руке на улицах тетеньки, для которых было важно получить начальные знания о европейской астрологии. Свободного времени у моего друга оставалось в избытке, и мне казалось, что тратить его особо не на что. Однако, вопреки моим предположениям, к нему приходили и люди, просившие погадать им. Это были главным образом женщины, постоянные клиентки, и все по рекомендации:

«Подруги сказали мне, что у этого человека все сбывается». В присутствии этих дам Митарай с важным видом отдавал мне распоряжения: сделай то да сделай это.

Мисако Иида тоже относилась к категории «пациенток» Митарай, но просьба, с которой она обратилась к нему, была совершенно другого рода.

– Это может показаться странным... – начала она нерешительно, – но я пришла к вам не за гаданием. Хотя можно, конечно... Но это не про меня, а про отца.

И она замолчала. Было видно, что слова ей даются с трудом.

На лице Митарай появилось выражение рыбака-одиночки, застывшего в ожидании поклевки. Я с нетерпением ждал, когда он что-нибудь скажет, но его угнетала депрессия. Затянувшуюся неловкую паузу могла бы смягчить сигарета, но Митарай не курил и с презрением относился к тем, кто делает это, зная, что курение – прямой путь к раку легких.

– Вообще-то, – набравшись наконец смелости, продолжала женщина, – это такое дело, что мне сразу надо было пойти в полицию, но наше положение не позволяет... Митарай-сан, вы помните госпожу Мидзутани? Она посещала вас год назад.

– Мидзутани... – протянул Митарай. – А-а! Это по поводу телефонных звонков с оскорблениями?

– Совершенно верно. Она – моя подруга. Тогда госпожа Мидзутани не знала, что и делать, а после встречи с вами все сразу уладилось. Она много раз мне говорила, что у вас большой талант, и не только прорицателя, но и детектива. Голова у вас просто замечательная.

– Ну что вы...

Мисако Иида умела играть на чувствах. Что ни говори, а лесть Митарай любил.

После этих слов женщина еще помолчала и вдруг, будто желая сменить тему, спросила:

– Извините, Митарай-сан, можно узнать ваше имя?

Этот вопрос поставил моего друга в замешательство: зачем совершенно постороннему человеку знать, как его зовут? Хотя мне этот вопрос показался очень своевременным – надо же было как-то развеять возникшую атмосферу неловкости.

– Разве мое имя как-то связано с тем, что вы собираетесь нам рассказать? – осторожно поинтересовался Митарай.

– Что вы! Просто Мидзутани-сан интересуется. Она спрашивала, а вы так и не сказали.

– То есть вы пришли специально, чтобы узнать, как меня зовут?

Митарай в раздражении начинал говорить колкости, и я поспешил вмешаться:

– Его зовут Киёси. Иероглиф – «чистота», «незапятнанность».

Моя роль как раз и заключалась в том, чтобы сглаживать углы, когда Митарай был не расположен нормально разговаривать.

Иида опустила голову, сдерживаясь, чтобы не рассмеяться. Митарай, не знаю почему, сидел с таким выражением на лице, будто съел лимон.

– Какое странное имя! – Иида подняла на нас глаза. Щеки ее порозовели.

– У человека, который его придумал, было своеобразное чувство юмора, – моментально отреагировал Митарай.

– Это папа вас так называл?

Митарай явно стала надоедать эта тема, и он отрезал:

– Точно! Он дорого заплатил за это – умер рано.

Снова повисла тягостная пауза, хотя было заметно, что напряжение у нашей посетительницы спало и она готова приступить к рассказу.

– Как я уже сказала, я не смогла решиться пойти в полицию. Дело в том, что некоторые факты могли бы представить моего отца в неблагоприятном свете. Впрочем, месяц назад отец умер, и теперь, наверное, это уже не имеет значения, но все же я боюсь, как бы не возник вопрос об уголовной ответственности, если дело получит дальнейший ход. Тогда оно будет иметь неприятные последствия и для моего мужа, и для брата. Ведь в нашей семье все мужчины имеют отношение к полиции – и отец, и брат, и муж.

Но если я говорю об уголовной ответственности, это не значит, что мой отец – преступник. Никакого преступления он не совершал.

Мой отец был честнейшим человеком. Я не преувеличиваю. Когда он по выслуге лет уходил в отставку, ему устроили торжественные проводы и наградили благодарственной грамотой за службу. Он не пропустил на работе ни одного дня, за исключением отсутствия по совсем уж уважительным причинам, ни разу не опоздал. Но в последнее время я стала замечать, что было нечто, оказывавшее влияние на его душевное состояние. Желание в чем-то покаяться? Не знаю.

Речь идет об очень известном деле, и если обстоятельства, о которых я хочу рассказать, станут известны брату и мужу, огласки нам не избежать. Муж, вроде моего отца, честный и простой человек, а вот брат... Черствый, думает только о работе. Я постоянно думаю о том, через что пришлось пройти отцу, и не могу довериться брату. Если б только найти решение, от которого не пострадала бы честь отца, его репутация... О большем он бы и не мечтал. Я пришла к вам ради него.

Иида умолкла. Казалось, она пытается отыскать что-то в памяти, набирается решимости продолжить рассказ.

– Не знаю, что сказал бы брат, узнай он, что я все это вам рассказываю. Похоже, наше дело каким-то образом связано с астрологией. Я долго ломала голову над тем, кто бы мог в нем разобраться. Уверена, Митарай-сан, лучше вас никто не справится. Поэтому я набралась смелости и пришла. Для меня будет ударом, если я ошиблась. Отец не имел никаких связей с преступниками. Это совершенно исключено. Но они могли его использовать...

Митарай-сан, вы, верно, слышали об «убийствах по Зодиаку»? Это было еще до войны. Серийные убийства членов семьи Умэдзава.

– Нет, не слыхал, – угрюмо буркнул Митарай. Иида с удивлением посмотрела на него. Она полагала, что Митарай наверняка наслышан о деле, которое вызвало столько шума, да еще было связано с астрологией. Честно сказать, я тоже был удивлен. Мне казалось, что в Японии нет ни одного человека, который не знал бы об «убийствах по Зодиаку».

– Вот как? Я думала, вы в курсе... Тогда, видимо, надо рассказать, что тогда произошло.

Иида начала было излагать нам историю семьи Умэдзава с самого убийства Хэйкити, но я прервала ее, сказав, что знаю обо всем в подробностях и потом поделюсь информацией с Митарай. После этого женщина быстро свернула свой рассказ и перешла к сути.

– Иида – моя фамилия по мужу, а девичья – Такэгоси. Моего отца звали Бундзиро Такэгоси. Он родился двадцать третьего февраля тысяча девятьсот пятого года.

Я уже говорила, что он работал в полиции. Известные события произошли в тридцать шестом году. Отцу тогда был тридцать один год, он служил в полицейском управлении района Таканава.

Меня тогда еще не было на свете, а брат только что родился. Сейчас мы живем в Дзюгаоке, а тогда у моих родителей было жилье в Каминогэ.

На днях, разбираясь на книжных полках, оставшихся после отца, я обнаружила его записи. На исписанных его почерком листах почтовой бумаги, часто используемых полицией для снятия показаний, излагались происходившие тогда события.

То, что там написано, поразило меня. Я не могла поверить. Ведь мой отец был добрым, мягким и честным человеком... Ему столько пришлось пережить... С ним не могло такое случиться.

Это касается происшествия с Кадзуэ-сан, первой убитой женщиной из семьи Умэдзава. Непосредственно перед ее убийством отец совершил ошибку, недостойную офицера полиции...

Я хочу оставить вам эти записи. Прочитав их, вы все поймете. Поймете, что хотел отец. Вы должны разобраться в этом деле. Если у вас получится, отец найдет успокоение. Потому что пока смерть не принесла ему избавления от страданий. Даже если вы не распутаете все дело, нельзя ли прояснить хотя бы то, что касается отца?

После того как Мисако Иида ушла, мы решили сначала собрать в наших головах все, что было известно о «деле Умэдзава», и уж потом взяться за записки Бундзиро Такэгоси. Трудно передать, какой небывалый интерес и возбуждение я тогда испытывал. Как не благодарить Бога за то, что судьба свела меня с Митарай!

Мой друг тоже не остался безучастным к задаче, которая стояла теперь перед нами, но ограничился неопределенным: «Ну что ж, понятно».

Антракт

Признание полицейского

Записки Бундзиро

За тридцать четыре года, что я прослужил в полиции, в памяти остались не достижения, а лишь допущенные ошибки и проколы. Все, чего я добился, – благодарственная грамота и чин суперинтенданта, и, конечно, этого недостаточно, чтобы смягчить боль в груди.

Причина не в моей профессии. Человек не склонен исповедоваться перед другими в том, почему он страдает; погрязший в разврате не ведает, какая боль живет в его душе.

Когда в пятьдесят семь лет я решил за выслугой лет уйти в отставку, мои подчиненные не поверили. Некоторые могли подумать, что я позарился на повышение на пятьдесят процентов выходного пособия, но это не так. И хотя я, как и все, опасался потерять боевой настрой, так необходимый сотруднику полиции, и с тревогой думал о приближении старости, больше всего я боялся совершить на своем посту какой-нибудь промах, который трудно исправить. Все двадцать с лишним лет службы меня не оставляло желание поскорее доработать до увольнения и спокойно выйти на пенсию. Страстное, невинное желание, как у девушки, мечтающей стать невестой.

Доверять свои мысли бумаге – дело весьма рискованное, поэтому в душе я твердо решил, что если выйду в отставку без проблем, ничего писать не стану. Однако вот я уже в отставке, живу как все пенсионеры, но мне трудно даже минуту не думать о том, что тогда произошло. Я с теплотой вспоминаю прошлое – сколько листов с показаниями я тогда исписал... А сейчас проходит день за днем – и я вообще не беру в руки ручку и от этого, кажется, старею еще быстрее. Вот бумага. В любой момент можно сжечь все, что я на ней напишу. А в памяти все время всплывает одно и то же...

Должен признаться: я все время боялся своей профессии. Чем выше поднимался по служебной лестнице, чем серьезнее становилась лежавшая на мне

ответственность, тем тяжелее мне было нести это бремя. Впрочем, когда это касалось только меня, я еще так сильно не переживал. Но когда мой сын выбрал тот же путь, что и я, и начал свою карьеру, страх стал одолевать меня все сильнее. Я стал думать о том, как бы уволиться со службы.

Конечно, уйти по собственному желанию было бы хорошо, но я так и не решился на это. Какие у меня были основания? Что подумают сослуживцы? Как объяснить им мое решение? Пришлось тогда отказаться от этой мысли. А если бы вскрылись все обстоятельства, моя отставка ничего не изменила бы и никак не помогла бы положению сына. Я уж не говорю о том, что мой уход тогда мог вызвать подозрения и инициировать в отношении меня служебное расследование.

Причина разедавшего меня страха – дело о массовом убийстве в 1936 году членов семьи Умэдзава. Мрачные были времена. Конечно, не такие, как после войны, но серийные убийства и прочие жестокие преступления случались часто. Прежде всего на периферии; некоторые убийства так и остались нераскрытыми.

Делом Умэдзава занималось управление криминальных расследований в Сакурадамон[37]. Я в то время возглавлял следственный отдел в управлении Таканава. Тогда в каждом управлении следователям выплачивали премии по количеству раскрытых дел. Семь, восемь и девять иен[38] в зависимости от звания. Конкуренция была острой, но у меня дела шли хорошо. Недаром в тридцать лет меня назначили начальником отдела.

Мы с женой купили дом в Каминогэ, у нас родился сын. Я был полон энергии и надежд, пока не случилось то, чего я никогда не забуду. 23 марта 1936 года, вечер. Рука не поднимается об этом писать, но это надо сделать...

Мое несчастье началось с происшедшего в Каминогэ убийства Кадзуэ Канэмото. Она стала первой жертвой в серии убийств женщин семьи Умэдзава. После войны об этом деле стало широко известно. Распространено мнение, что смерть Кадзуэ не имеет связи с последовавшими за ним убийствами, но я считаю эту точку зрения ошибочной, о чем будет сказано дальше.

В начале карьеры я поднимался по утрам подчас раньше супруги и бежал на службу, а возвращался, когда она уже спала. Когда меня поставили во главе отдела, я каждое утро уезжал в управление в шесть и приходил домой после семи вечера. Жил строго по часам, так что подстроить мне ловушку, наверное, было несложно.

В тот вечер, сойдя на станции с электрички, я направился к дому. Через пять минут нагнал шедшую впереди женщину в черном кимоно. Кроме нас, на улице больше не было никого. Вдруг женщина скорчилась, схватилась за живот и присела на корточки. Со стоном попыталась выпрямиться, но не смогла.

Помню, женщина извинилась и пожаловалась на острую боль. Я спросил, где она живет. Оказалось, недалеко. Я же полицейский, подумал я, подставил плечо и довел ее до дома. Обняв за плечи, провел в комнату, помог лечь на бок и собрался уходить, но она попросила, чтобы я побыл еще немного, а то ей одиноко. Как выяснилось, она жила в этом доме одна.

Скажу честно: до этого случая, кроме жены, у меня не было женщин. И я не стыжусь в этом признаться. В тот момент у меня не возникло нечистых мыслей. Клянусь. Но когда видишь, что женщине тяжело, да еще подол кимоно у нее задрался, поневоле, к стыду своему, потеряешь контроль.

До сих пор не могу понять, что она тогда думала, зачем ей это понадобилось. Она сказала, что была замужем и овдовела. Вот я ее и пожалел. Она прижалась ко мне, стала шептать на ухо, что чувствует себя страшно одинокой, брошенной, попросила погасить лампу... Когда все произошло, принялась извиняться и сказала, чтобы я не включал свет, а шел домой. «Жена будет волноваться, если поздно придешь. Мне просто стало жутко одиноко. Забудь обо мне, пожалуйста. Я никому не скажу, что между нами было».

Я оделся на ощупь в темноте и, пряча, как вор, глаза, выскользнул за дверь. Шел по улице и думал о том, что случилось. Чувство было такое, будто меня околдовали. Может, она нарочно разыграла этот спектакль с приступом? Очень похоже. Воровки-карманницы нередко прибегают к таким приемам: прикидываются на улице, что им стало плохо, а сами незаметно обшаривают карманы у мужчин, подошедших помочь. Но у меня из карманов ничего не пропало. Так что если это спектакль, цель другая: просто ей захотелось мужика.

Тогда я не чувствовал за собой вины – скорее, даже был доволен, что смог поддержать женщину. Рассказывать о том, что было между нами, она никому не станет. Я, само собой, тоже буду помалкивать, и все обойдется. Но даже если жена узнает, большой трагедии не будет.

Сколько было на часах, когда я вернулся домой, точно не помню. Примерно половина десятого, на пару часов позже обычного. Эта два часа я провел с той женщиной.

На следующий день все было тихо, а 25 февраля, утром, стало известно, что моя случайная знакомая убита. Тогда же из газет я узнал, как ее звали. Кадзуэ Канэмото. Я был в шоке. На фотографии в газете, порядком подретушированной, она казалась другим человеком, гораздо моложе. И все-таки это была она.

Почти бегом выскочив из дома, я приехал в управление и сделал вид, что ничего не знаю об этом происшествии. Признайся я, что мне уже все известно, у сослуживцев возник бы вопрос, почему я по дороге на службу не побывал сначала на месте преступления. Ведь от моего дома до дома Кадзуэ можно было идти пешком, пусть это и заняло бы какое-то время.

Труп обнаружили накануне в восемь часов вечера. Я как раз только вернулся домой со службы. Но куда больше меня поразило предполагаемое время смерти Кадзуэ. 23 февраля, между семью и девятью часами вечера. Практически в то же самое время я находился в ее доме. Я наткнулся на нее в переулке недалеко от станции Каминогэ. Во сколько точно – не скажу. Мне в голову не могло прийти, что это важно. Около половины восьмого. Может, немного позже, но в любом случае раньше восьми. Тогда Кадзуэ еще была жива, поэтому полчаса не имеют значения. Значит, домой к ней мы пришли около восьми, а ушел я где-то без десяти, без пятнадцати девять.

Кадзуэ ограбили и убили, когда она сидела перед зеркалом. Получается, мы с преступником разминулись совсем ненадолго. Он проник в дом сразу после моего ухода. Или уже был там и прятался где-то в ожидании, когда я уйду. Такое тоже могло быть. Я ушел, а Кадзуэ села перед трюмо и стала приводить в порядок прическу.

Больше всего меня взволновало то, что жертва была изнасилована. Выяснили группу крови насильника. Группа 0, как у меня.

На убитой было знакомое мне кимоно. Ваза, которой убили Кадзуэ, когда я выходил, стояла в комнате на столе. Я очень удивился, узнав, что Кадзуэ был тридцать один год. Она выглядела моложе. Может, специально нарядилась, чтобы казаться посвежее... Вместе со страхом я тогда испытывал жалость к ней. Жалость к жертве и желание наказать убийцу. Как же так! Я обнимал эту женщину, и ее убили, стоило мне выйти за порог!

Дело об убийстве Кадзуэ передали другому управлению, и я не имел формальных оснований участвовать в расследовании. Несколько дней ничего не происходило, и вот 2 апреля я получил срочное письмо в коричневом конверте. Оно было отправлено накануне, если судить по штемпелю, и адресовалось мне лично. В самом начале было написано: «По прочтении сжечь», что я и сделал. Привожу содержание письма, как запомнил:

Нам, членам «Общества фазана», выступающего в защиту интересов империи, стало точно известно, что 23 февраля в Каминогэ вы совершили убийство Кадзуэ Канэмото. Мы глубоко возмущены тем, что вы, офицер полиции, решились на такое преступление. И, конечно, ваш поступок не может остаться безнаказанным. Однако мы понимаем, что в условиях, в которых сейчас находится наша родина, соотечественники не должны поедать друг друга.

Принимая во внимание ваше положение, мы готовы снять с вас вину за содеянное, если вы со всей ответственностью окажете нам помощь в решении стоящей перед нами важной задачи. Содействие потребуется от вас лишь один раз; в дальнейшем никаких других поручений с нашей стороны не будет.

Теперь конкретно о вашем задании. Вам надо похоронить шестерых женщин. Все они были казнены как китайские шпионки. Предавать это дело огласке нельзя, поскольку оно может стать поводом для начала японо-китайской войны. Необходимо представить его как криминал, будто этих женщин убил кто-то из гражданских. Никто из нашей организации не может быть вовлечен в эту операцию, использовать наши автомобили тоже нельзя. Вы должны будете под свою ответственность раздобыть автомобиль и похоронить шесть трупов в определенных местах, определенным образом и в определенное время. Если при выполнении задания вас задержат, мы не несем никакой ответственности. Выход из положения вам придется искать самому.

Трупы сложены в кладовой известного вам дома Кадзуэ Канэмото в Каминогэ. На выполнение задания вам дается неделя – с 3 по 10 апреля. Развозить тела лучше в ночное время. Дорогу у местных жителей ни в коем случае не спрашивать, в рестораны и кафе не заезжать. Никаких следов не оставлять.

Запомните: это в ваших интересах. Карты, которые вам понадобятся, прилагаются. Надеемся, вы справитесь с заданием.

Стоит ли говорить, что это письмо ошеломило и раздавило меня. Тогда же я впервые понял, что будет практически невозможно доказать мою непричастность к убийству Кадзуэ Канэмото.

Мало того, что кто-то мог видеть, как я входил в дом Кадзуэ вместе с ней, а вышел один, так еще ее убили между семью и девятью вечера. Я вошел к ней после половины восьмого. В это время Кадзуэ, естественно, была жива. Я ушел где-то без десяти или без пятнадцати девять. То есть провел с ней бо?льшую часть времени в промежутке, когда ее убили. А те самые десять-пятнадцать минут до девяти – единственное «окно», оставлявшее мне шанс на оправдание.

Кроме того, сразу определяют, что у Кадзуэ был контакт с женщиной. И тут уж мне никак не отвертеться.

Я был в отчаянии, понимая, что моей карьере пришел конец. Единственный путь к спасению – сделать дело так, чтобы «Общество фазана» осталось довольно, но я даже помыслить не мог, как буду решать эту проблему.

Мне доводилось слышать о существовании тайных обществ, связанных со школой Накано[39]. К жизни обычного полицейского, таких людей, как я, они отношения не имели. Если это серьезная организация, есть надежда, что ее люди выполнят данное мне обещание.

То, что я прочитал в письме, сразило меня. Я думал, что тела надо просто похоронить все вместе. Но в письме было сказано иначе: для каждого тела определено свое место, и эти места разбросаны по всей Японии.

Дело предстояло трудное, за одну ночь не справиться. В письме были указаны не только места, где я должен похоронить тела, но также маршруты и даже глубина, на которую их следовало закопать. Все места отмечены на картах, но без подробного описания. Просто: окрестности такого-то рудника. Хорошо, что без деталей, иначе я наверняка запутался бы в поисках. Ведь бывать в тех местах мне прежде не доводилось.

И еще я почувствовал тогда, что люди, планировавшие эту операцию, скорее всего, тоже там не бывали. Если б это было не так, ориентиры на картах были бы обозначены более четко.

До сих пор не могу понять, зачем понадобилось развозить тела по разным районам. Скорее всего, чтобы инсценировать невероятное по своей дикости преступление. Почему они расчленили тела убитых, можно догадаться, – чтобы они поместились на заднее сиденье «Кадиллака», который я смог раздобыть. Иначе я с ними намучился бы. Сделали так, чтобы мне было легче таскать?

На следующий день я не знал, к чему приложить руки. Только думал и думал. Разумеется, к убийству Кадзуэ я никого отношения не имел. Можно, конечно, не переходить опасный мост, на который меня толкают. Наверное, имеются и другие возможности, чтобы выжить в такой ситуации. Но, как я уже говорил,

обстоятельства складывались против меня. Пусть я не убивал Кадзуэ, но у меня с ней была связь. Это факт, и его надо честно признать. Одного его достаточно, чтобы начальство сняло с меня стрижку за поведение, недостойное сотрудника полиции. Шансов доказать свою непричастность к убийству Кадзуэ Канэмото у меня один на тысячу. Но даже если мне и удастся это сделать, в газетах такого напишут, что придется оставить службу под насмешки сослуживцев. Я уж не говорю о семье, которая не устоит под таким ударом.

Тогда же меня обожгла одна мысль. В жизни человека может случиться событие, когда он как бы оказывается на грани жизни и смерти. В тридцать лет меня поставили руководить следственным отделом, после чего я смог вздохнуть спокойно, завести ребенка... Я должен поддерживать не только себя, но еще содержать жену и сына. И ради них готов на все.

Стоит ли говорить, что в 1936 году автомобиль я приобрести не мог. Времена были такие: личных машин не было ни у кого – ни у сослуживцев, ни у бывших одноклассников, имевших доход выше моего. В управлении имелись машины, но за день-два я со своим делом не справился бы, а взять машину на бо́льший срок нечего было и думать.

Где же достать машину? Я всю голову изломал, пока не вспомнил строительного субподрядчика, проходившего у меня по одному делу о мошенничестве. В его фирме было не все в порядке, поэтому он прямо-таки горел желанием мне услужить. Конечно, связываться с таким типом нежелательно, но других вариантов у меня не оставалось.

В управлении я считался сотрудником, с которого следует брать пример, – за все время службы ни одного пропущенного дня. Поэтому когда я обратился к начальству с просьбой дать мне отпуск на неделю, придумав историю о заболевшей жене, которую надо отвезти на лечение на горячие источники Ханамаки неподалеку от дома ее родителей, меня без малейших проблем отпустили. Мой путь действительно лежал в Тохоку. По дороге, подумал я, можно будет остановиться в Ханамаки и купить сувениры для сослуживцев.

4 апреля я сообщил жене, что еду в командировку, и попросил ее приготовить к вечеру рисовых бэнто на три дня. Ночью подъехал к дому, где жила Кадзуэ, выбрал из сваленных там как попало тел два, которые надо было похоронить в первую очередь, завернул их в старую одежду и отправился в Кансай.

В письме содержались строгие указания насчет того, где и в каком порядке хоронить тела. Определять их надо было по одежде и отсутствующим частям, отрубленным или отрезанным. Я будто оказался в морге среди изуродованных трупов.

Надо было спешить, тела могли начать разлагаться, пойдет запах. И потом, в доме Кадзуэ по той или иной причине могли провести повторный обыск. Так что времени оставалось в обрез.

Тогда по ночам машины на дорогах почти не останавливали. Но на крайний случай у меня было служебное удостоверение. Как-нибудь вывернусь. Должен вывернуться.

До рудника Ямато в префектуре Нара в ту ночь я не добрался. Когда начало светать, свернул с шоссе на горную дорогу в районе Хамамацу и немного вздремнул на обочине. Ночи в апреле короткие, для таких дел, как мое, пора неподходящая. Я понял, что в отведенное время могу не уложиться.

Не хочется подробно писать об охватившем меня тогда страхе, хотя я много раз думал, что у меня сердце остановится. Значительную часть пути предстояло преодолеть по горным дорогам, бензина много не сэкономить. Я взял с собой три канистры, но не был уверен, хватит ли этого запаса. Заправок на дорогах тогда было мало, не то что сейчас. Кроме того, на заправке меня могли запомнить, чего мне с таким грузом в машине совсем не хотелось.

После Нары мне предстояло отправиться в Хёго, на рудник Икуно. И дальше по порядку: в Гумму на одноименный рудник, в Акиту, рудник Косака, Иватэ – Камаиси, Мияги – Хосокура.

Позаимствованный мной «Кадиллак» не мог вместить все шесть тел. Сначала я подумывал, не взять ли мне грузовик, но пришел к выводу, что это не самый подходящий вариант для объяснений с полицией, если остановят по дороге. На «Кадиллаке» придется совершить две поездки – на восток и запад от Токио. Если б в первый рейс я загрузил в машину три тела, то после Нары и Хёго одно тело пришлось бы вести в обратную сторону, в Гумму, которая по порядку стояла третьей. В Наре и Хёго я должен был похоронить два тела на большую глубину – полтора метра, а в остальных местах мог копать мельче. То есть по трудозатратам получилось бы примерно одинаково. Вот почему в первый рейс я взял два тела, а не три.

Меня очень тревожил строгий порядок маршрутов, которыми мне предстояло следовать. Нельзя исключать, что по дороге меня могла ждать засада или какая-то западня. Но другого пути все равно не было.

Я добрался до рудника Ямато к двум часам ночи 6 апреля и приступил к работе. Никогда не думал, что выкопать яму глубиной полтора метра – такой тяжелый труд. Управился я только к рассвету и забрался повыше по горной дороге, чтобы поспать.

Ближе к вечеру проснулся от странного чувства. Сердце замерло, когда я увидел перед собой странного человека с обвязанным полотенцем головой, палившегося на мою машину. В голове невольно мелькнуло: «Всё! Конец!» Вскочив на ноги, я понял, что передо мной слабоумный, который случайно наткнулся на меня. Он посмотрел в мою сторону и побрел куда-то, вяло переставляя ноги. Тела лежали под старым тряпьем и еще не издавали запаха. Место было глухое, и, кроме этого чудака, меня никто не видел. Дождавшись сумерек, я отправился дальше.

В Икуно грунт оказался очень тяжелый. Я долбил его лопатой и убеждал себя: «Потерпи; еще немного усилий, и вторая могила будет готова».

7 апреля я отправился в обратный путь. Избавившись от двух тел, мог ехать днем, без опаски. В Осаке заправился под самую горловину и еще налил полную канистру.

Домой вернулся 8-го после обеда. Пока я разобрался только с двумя телами, потратив на это почти четыре дня. Отпуск кончался 10-го. Надо уложиться в отведенное время. Дома я наспех перекусил, попросил жену ни в коем случае не отвечать на телефонные звонки и ночью, забрав оставшиеся четыре тела, опять уехал. К 10-му нужно было добраться до Ханамаки, откуда я собирался отправить письмо или отбить телеграмму в управление: мол, состояние жены ухудшилось, выйду на связь, когда ей станет лучше. К счастью, 11 и 12 апреля приходились на субботу и воскресенье.

9-го, на рассвете, я добрался до Такасаки. Там не было безлюдных горных дорог, поэтому поспать толком не удалось. Вечером с закатом поехал дальше, глубокой ночью достиг окрестностей рудника Гумма и сразу взялся за дело. То, что мне предстояло сделать, не шло ни в какое сравнение с полутораметровыми могилами, которые я вырыл вначале. Согласно полученным указаниям, в Гумме хватило совсем неглубокой ямы, чтобы положить в нее тело и забросать землей. 10-го, когда еще не рассвело, несмотря на тяжелую дорогу по горам, я прибыл в Сиракаву.

10-го, нет, 11-го в три часа утра я наконец доехал до Ханамаки. В местном почтовом отделении бросил в ящик экспресс-почты письмо в управление, сообщив, что предполагаю быть на службе 15 апреля. Раньше я не успел бы. Телеграмму решил не отправлять.

К рассвету 12-го я завершил дело на руднике Косака в префектуре Акита. Правда, пришлось там немного поплутать.

На следующий день до восхода солнца я разобрался с рудником Камаиси в префектуре Иватэ, а поздно ночью 13-го подвел черту в Хосокура, префектура Мияги. Последнее тело было разрешено не закапывать. Я оставил его в лесу, неподалеку от тропинки и еще подумал, что так его быстро обнаружат. Так оно и вышло, уже 15 апреля.

14-го, на рассвете, я был в Фукусиме. Целую неделю почти ничего не ел и не пил, вздремнуть тоже удавалось лишь изредка. Ближе к концу недели я уже действовал как сомнамбула, не помня себя, плохо понимая, что делаю.

Завершив свою миссию, ночью 14 апреля я вернулся в Токио. Рухнул на постель и мгновенно провалился в сон.

С болезнью жены я придумал лучше некуда. Когда я, как и обещал, появился в управлении, меня было не узнать. Ввалившиеся глаза, впалые щеки, похудел, стал тонкий, как былинка. Жена чуть не упала, увидев меня, сослуживцы и подчиненные не знали что и думать. Все поверили, что я довел себя до такого состояния, ухаживая за больной женой.

В то время я был молод и полон сил, но все равно понадобилась неделя, чтобы оправиться от последствий вынужденного автопробега. Силы были на пределе. Будь тел не шесть, а семь, я бы точно сдвинулся или надорвался. Так или иначе, проблему я решил. Справился со всем благодаря молодости. Сомневаюсь, что мне это удалось бы, свались на меня беда в другое время – раньше или позже. Будь я моложе, не справился бы: кто бы дал отпуск недавно поступившему на службу? Старше – элементарно не хватило бы сил. После того случая, до самой отставки, я больше не пропустил на службе ни одного дня.

Восстановившись физически, я, однако, не избавился от тревоги. Более того, когда я немного успокоился, меня стали одолевать сомнения. Не обвели ли меня вокруг пальца? В письме меня объявили убийцей. Не знали ли его авторы, что я ни к какому убийству не причастен? Не подстроили ли они убийство Кадзуэ специально так, чтобы выставить меня преступником? Использовать меня, чтобы развезти тела убитых по разным районам?

Но даже если все так и произошло, что я мог сделать? Тогда другого пути у меня все равно не было. Я и сейчас считаю так же. После того как в управление поступила информация о трупе, обнаруженном 15 апреля в окрестностях рудника Хосокура, сомнения стали закипать во мне вместе с пронзившей меня острой болью, и чем дальше, тем сильнее становилось это смешанное чувство.

Потом одно за другим стали находить другие похороненные мною тела. При каждой новости меня охватывал такой страх, что того и гляди остановится сердце. Как я и предполагал, сначала пошли тела, которые я закопал неглубоко. Второе тело обнаружили, когда я уже знал, что мне пришлось хоронить жертв серийных убийств, получивших название «убийства Азот» или «убийства по Зодиаку». Я был очень занят по службе и не сразу узнал, что Кадзуэ – сестра убитых девушек из семьи Умэдзава. Мужем Кадзуэ был китаец. Это факт. Но подозревать ее сестер в шпионаже в пользу Китая не было никаких причин. Тогда получается, что «Общество фазана» – это элементарная разводка.

В результате я оказался замешанным в серии убийств. Оснований так думать становилось все больше. Моему достоинству нанесли болезненную рану. Ведь я поверил, что в этой истории мною двигало высокое чувство морального долга перед государством.

4 мая был обнаружен труп в окрестностях Камаиси, 7-го – в Гумме; потом, как я и предполагал, наступила пауза – остальные три тела я закопал глубоко. В Косака труп нашли 2 октября, в Икуно – 28 декабря, спустя девять месяцев после моей поездки, и, наконец, в Ямато – 10 февраля 1937 года.

В управлении только и говорили о серийных убийствах, а я себе места не находил. По иронии судьбы, спасло меня другое дело – дело Сада Абэ[40].

Я хорошо помню, как ее арестовывали. Это было в полшестого вечером 20 мая. Сада Абэ взяли в гостинице у станции Синагава, где она зарегистрировалась под именем Нао Овада. Окрестности Синагавы по территориальной принадлежности входили в зону ответственности управления Таканава. В аресте участвовал наш сотрудник по фамилии Андо. Следствие по делу Сада Абэ поручили вести управлению района Огу, но, несмотря на это, в тот вечер сослуживцы поздравляли отличившегося Андо и выпили за его здоровье. Да и потом в управлении еще какое-то время вспоминали это дело. Оно мне здорово помогло, позволило уйти от мрачных мыслей.

В июне я получил возможность ознакомиться с записками Хэйкити Умэдзавы, размноженные на гектографе копии которых следственные органы разослали для изучения во все полицейские управления. Так что планы Хэйкити по созданию Азот были мне известны, однако насчет их реализации у меня оставались

сомнения. Все убитые девушки были небольшого роста, но как человек, развозивший их трупы, я понимал, что, укоротив тела на двадцать-тридцать сантиметров, их легче транспортировать. Преступнику по какой-то причине нужно было развезти тела убитых по разным районам, и чтобы облегчить задачу, он их расчленил. Однако я никак не мог понять, зачем понадобилось разбрасывать трупы по всей Японии.

Эта мысль не давала мне покоя. В конце концов я решил, что все эти убийства совершил маньяк, одержимый идеей Хэйкити сотворить Азот. Ничего другого просто не приходило в голову. Рационального объяснения, зачем надо было расчленять тела и оставлять в разных местах, я найти не мог. Получается, я помогал маньяку!

Но вопросов по-прежнему оставалось много. Выбор мест, где нужно было закопать тела, как-то связан с астрологией, но почему в Ямато и Икуно пришлось рыть могилы глубже, чем в других местах? И почему в Хосокура тело можно было просто бросить, не закапывая? У Хэйкити об этом ничего не говорится, но здесь, видимо, тоже завязана астрология.

Мне вдруг пришло в голову, что преступник хотел поставить время обнаружения тел в зависимость от глубины вырытых для них могил. Однако если это так, зачем ему было нужно, чтобы тела, похороненные в Косака, Ямато и Икуно, нашли позже остальных? На этих телах не было ничего, что их отличало бы. Никаких особенностей или повреждений, которые могло бы скрыть разложение тканей. Я же осматривал тела. Предположим, преступник хотел, чтобы их нашли как можно позже. В таком случае почему бы не похоронить их в других рудниках или где-нибудь подальше? Тогда и глубокие могилы рыть не понадобилось бы. Тела обнаружили сравнительно быстро благодаря запискам Хэйкити. Не будь его записей, отыскать трупы было бы куда сложнее. Даже не закапывая, их можно было спрятать так, что вовек не найдешь. Зачем понадобилось распределять тела по рудникам в строгом соответствии с указаниями Хэйкити? Должно же быть какое-то логическое объяснение. Неужели дело только в фанатичной вере в астрологию, в помешательстве своего рода?

Оставался еще один невыясненный вопрос, еще более важный. Глупо думать, что все женщины из клана Умэдзава – шпионки (Кадзуэ оставим в стороне). Раз так, то человек или люди, назвавшие себя «Обществом фазана», обманом навязали мне грязную работу по уборке трупов. Как с этим связана Кадзуэ? Получается, что именно она заманила меня в ловушку. И это было сделано намеренно. Конечно, нельзя полностью исключать, что преступник мог случайно воспользоваться нашей интимной связью, но такой вариант выглядит совершенно противоестественно. Преступление очень хорошо спланировали. Это видно по всем признакам. С самого начала было ясно, что жертв будет шесть. Потом стали подбирать подходящего человека, который убрал бы трупы. Я на эту роль подходил как нельзя лучше. Водительские права имеются; кому, как не офицеру полиции, легче всего отмазаться, если машину с телами убитых остановят и захотят осмотреть... Никто из гражданских, будь он даже врач или ученый, не смог бы вывернуться. Никому в голову не пришло бы, что полицейский способен на такое преступление. Потому меня и выбрали. Логично полагать, что Кадзуэ была в стоворе с преступником или преступниками.

Но почему тогда ее убили? Чтобы шантажировать меня? Значит, смерть Кадзуэ была запрограммирована с самого начала. Она знала, что будет убита, и, несмотря на это, согласилась пожертвовать собой ради убийцы? Или не

подозревала, какая участь ей уготована, и преступник использовал ее, придумав, для чего требуется заманить меня? Что же ему было нужно? Он знал, что будут трупы, и хотел заставить меня убрать улики. Вот такая была цель. То есть мою связь с Кадзуэ он собирался использовать как средство шантажа?

Можно выдвинуть еще одно, оригинальное предположение. Преступницей является Кадзуэ. Она убила девушек, заранее написала письмо, чтобы шантажировать меня, соблазнила и представила дело так, будто убийства совершил кто-то другой. А потом покончила с собой. Я получил лишь одно письмо. Больше писем не было. Прочитав его, я растерялся и даже собрался написать ответ: мол, я ни в чем не виноват. Но на конверте не оказалось адреса отправителя, так что опровержение посылать было некуда. Может, к тому времени отправительницы уже не было в живых?

Впрочем, ничего такого быть не могло. Прежде всего потому, что Кадзуэ умерла от удара по затылку. Следы крови на трюмо, конечно, можно было нанести заранее (хотя на теле Кадзуэ ран, способных вызвать кровотечение, за исключением смертельной, обнаружено не было), но как можно совершить самоубийство, ударив себя по голове сзади? Тем более что орудием убийства оказалась стеклянная ваза. Как ни посмотри, получается, что Кадзуэ убили.

И, наконец, решающий аргумент, подтверждающий этот вывод: день, когда я повстречал Кадзуэ (он же день ее смерти), – 23 марта, между тем как все шесть погибших девушек утром 31 марта были еще живы. Мертвая Кадзуэ никак не могла их убить.

А когда арестовали Масако Умэдзаву, картина стала еще более запутанной. Я даже за голову схватился. Она вроде как призналась в убийствах, но разве женщина способна на такое? Я хотел посетить ее в тюрьме, чтобы поговорить, но подходящего предлога для этого найти не смог.

Судьба сыграла со мной злую шутку. Я оказался втянутым в ужасное преступление, попался в ловушку, подстроенную убийцей. Но каким бы ни было преступление, даже если речь идет о таких громких делах, как дело Симоямы[41] или дело «Тэйгин»[42], с прошествием времени острота его восприятия людьми обычно ослабевает.

Однако с этим делом все получилось наоборот. Спустя некоторое время после окончания войны о серийных убийствах членов семьи Умэдзава заговорили все, появились публикации на эту тему, в следственные органы стала стекаться разнообразная информация, связанная с «убийствами по Зодиаку». Сослуживцам приходилось прочитывать горы писем, и всякий раз, услышав возглас кого-то из них: «Ого! Здесь есть кое-что стоящее!», я вздрагивал. Страх преследовал меня до самой отставки.

Судьба приготовила мне еще одну неприятность – меня прикомандировали к первому отделу департамента криминальных расследований на Сакурадамон, который занимался делом об «убийствах по Зодиаку». Там волей-неволей постоянно приходилось слышать о том, как продвигается следствие. В такие минуты у меня замирало сердце. Я чувствовал себя поджигателем, которому приходится разбирать завалы на месте сожженного им дома.

В то время в первом отделе числилось всего сорок шесть сотрудников. Сейчас мошенничеством, поджогами, хулиганством занимаются отделы № 3 и № 4, а тогда все это вместе с убийствами и ограблениями было делом первого отдела. В управление Таканава замом начальника назначили господина Кояма. Он наблюдал, как я работаю, убедился, что я человек скромный и рассудительный, и перевел меня на вакантное место в первый отдел, где я стал заниматься делами, связанными с мошенничеством.

Шел 1943 год. Военные действия становились все ожесточеннее. Новое назначение тоже было недобрым знаком судьбы. Мне приходилось снова и снова оказывать услуги тому самому субподрядчику, у которого я одолжил «Кадиллак». Моя тревога продолжала нарастать.

Американская авиация безжалостно бомбила Японию. Главное полицейское управление рассредоточили по разным районам. Наш отдел перебрался в Асакуса, в женскую гимназию № 1. Тогда меня посетила мысль, что чем отсиживаться в тылу, лучше, наверное, сложить голову в бок. Многие мои сослуживцы ушли на войну, но меня не взяли – решили, что на своем месте я принесу больше пользы. Чувство вины перед коллегами стало еще одной причиной моих переживаний.

Моему сыну Фумихико тогда еще не было и года. Он пошел той же дорогой, что и я, дочь Мисако тоже вышла за сотрудника полиции. От этого я страдаю еще сильнее.

Но для других я оставался образцом человека, отдающего службе всего себя, не допускающего промахов (впрочем, так оно и было на самом деле). Ради сына я продолжал подниматься по служебной лестнице, успешно сдавал квалификационные экзамены. Перед отставкой начальство пожаловало мне чин суперинтенданта. Со стороны я выглядел состоявшимся профессионалом, идеальным полицейским, которого невзгоды обошли стороной. Но никто не знал, с каким нетерпением я дожидался отставки. Сослуживцы жалели, что я ухожу, но для меня отставка стала освобождением из тюрьмы.

В 1962 году мне стукнуло пятьдесят семь. Прошло тридцать четыре года с того дня, когда по новому набору я пришел на службу в управление и прожил жизнь полицейского инспектора, полную боли и душевных мук.

За два года до моей отставки в тюрьме умерла Масако Умэдзава, приговоренная к смертной казни за убийство мужа и всех домочадцев. Как раз был самый пик ажиотажа вокруг этих преступлений, получивших название «убийства по Зодиак». Я прочитал все, что можно было достать на эту тему, не пропустил ни одной теле- и радиопередачи, но не узнал ничего нового.

Отдохнув год после многолетней службы, летом 1964 года я почувствовал, что энергия и силы вернулись ко мне. Мне еще не было шестидесяти, способности и навыки розысника никуда не делись, поэтому остаток жизни я решил посвятить разгадке этой драмы.

Я побывал у Умэдзава дома, посетил галерею «Медици», переговорил с людьми, имевшими отношение к семье Умэдзава. Это было как раз во время токийской Олимпиады[43]. К декабрю 1964 года из прямых фигурантов дела об убийствах по Зодиак в живых остались только двое – жена Ёсио Умэдзавы Аяко и Ясуэ

Томита. Как я помню, им было соответственно семьдесят пять и семьдесят восемь лет.

Аяко построила на участке Умэдзава дом на несколько квартир и жила там одна. Ни детей, ни внуков у нее не было. Ёсио во время войны не мобилизовали по возрасту – тогда ему было уже за пятьдесят. Незадолго до моего визита к Аяко он умер.

Ясуэ Томита после войны продала галерею на Гиндзе и открыла ее на новом месте, в Сибуя, под тем же названием – «Медичи», потом передала все дела приемному сыну и поселилась одна в Даэнтёфу. Ее родной сын, Хэйтаро, погиб на войне, и она усыновила мальчика своих дальних родственников, оставшегося сиротой после гибели родителей. Он изредка бывал у нее, но это не могло избавить Ясуэ от одиночества.

С Таэ, первой женой Хэйкити, я поговорить не успел. Она умерла буквально за несколько дней до нашей встречи. После смерти Хэйкити она получила свою долю наследства и, судя по всему, прожила остаток дней в относительном достатке. И Аяко, и Ясуэ, и Таэ в деньгах не нуждались, и по тем временам их вполне можно было отнести к категории обеспеченных.

Ни Аяко, ни Ясуэ никак не подходили на роль убийцы. То же самое, на взгляд многочисленных сыщиков-любителей, можно сказать о Ёсио и Хэйтаро. Мне ничего не оставалось, как согласиться с этим мнением.

Еще во время работы в управлении мою душу тайно грела мысль об одном человеке. Я имею в виду первого мужа Масако, которого упоминал в своих записках Хэйкити.

Сатоси Мураками был еще жив и проживал в Синагаве. Мне казалось, что публика, и в первую очередь полиция, по великодушию его почти не беспокоила. Будь у меня возможность, я постарался бы «прокачать» его как следует. До войны полиция работала с подозреваемыми очень жестко, однако в отношении людей с высоким общественным положением имела обыкновение давать задний ход. Между тем у Мураками был мотив: жена поступила с ним плохо, забрала дочерей и убежала к другому. Оставить это без ответа, на мой взгляд, было бы странно.

Я посетил дом Мураками в Синагаве, представившись суперинтендантом полиции в отставке. Естественно, он уже удалился на покой и по-стариковски возился с растениями в своем большом саду. Лысый, колени не разгибаются. Состояние, что называется, по возрасту. Ему было года восемьдесят два или около того. Тем не менее во время нашего разговора взгляд его в отдельные моменты вдруг приобретал остроту, как бы напоминая о большом уме, отличавшем этого человека в годы расцвета.

Должен признать, что меня ждало разочарование. Ничего, кроме жалоб, я от Мураками не услышал: «Как можно было человека моего положения в чем-то обвинять? Тем более если у него алиби. Пусть не идеальное, но алиби».

Как бывшему суперинтенданту полиции мне оставалось лишь изобразить на лице натянутую улыбку и откланяться. Люди, работавшие в следственных органах до войны, оказались куда более дотошными, чем я предполагал. Для меня встреча с Мураками послужила уроком, я понял: если следствие, отработав какого-то

человека, пришло к выводу, что он чист, значит, его можно смело исключать из разработки.

В общественном мнении прочно укоренилась версия о причастности к делу Умэдзава спецслужб, активно действовавших в предвоенный период. В связи с этим, возможно, надо было еще раз попробовать выяснить, не стояли ли за порученным мне почти тридцать лет назад делом спецслужбы.

Еще вопрос: если среди людей, которых упоминал в своих записках Хэйкити, есть преступник, являются ли все убийства – Хэйкити, Кадзуэ и шести девушек – делом его рук? Или же преступников было несколько?

Поиски Азот активно продолжают и сейчас, хотя я смотрю на это весьма скептически. Насколько мне известно, убийства, совершенные кровными родственниками, довольно часто сопровождаются расчленением тел жертв. Особенно много таких случаев в провинции. Наряду с ненавистью, испытываемой убийцами к своим жертвам, за этим стоит практический расчет – расчлененное тело легче перевезти, спрятать. Думаю, «убийства по Зодиаку» не являются исключением. Хотя, конечно, чтобы разобраться с шестью трупами, пришлось как следует поломать голову.

Чрезмерно увлекаться темой Азот, на мой взгляд, не стоит, и тем не менее, если отсутствовавшие у тел убитых девушек части действительно были собраны в одном месте, вряд ли это все устроили, чтобы сотворить из них какое-то чучело, о чем ходило так много разговоров. Вероятно, они были похоронены где-то в родных местах Хэйкити или на кладбище, где находится его могила. Преступником мог быть земляк либо подражатель Хэйкити, устроивший весь этот кошмар ради своего вдохновителя.

Но, побывав на семейной могиле, в которой покоился прах Хэйкити, я увидел тесно поставленные надгробные камни членов его семьи и зацементированную дорожку. Похоронить там еще кого-то не получилось бы. Можно было сделать это поблизости, на свободном месте, но определить что-либо самостоятельно я не смог.

Итак, предположим, что мы имеем дело с идейным последователем. Хэйкити Умэдзава был не из тех, кто легко сходится с людьми, круг его общения ограничивался посетителями галереи «Медици» и бара «Хурма». В «Медици» он появлялся относительно часто, в «Хурму» заглядывал где-то раз в месяц и к завсегдатаям этого заведения явно не относился. Бывал он в других местах, в районах Химонъя и Дзигуаока, но, похоже, предпочитал пить один и не сближаться ни с хозяевами этих заведений, ни с постоянными клиентами.

По данным следствия, чтобы пересчитать людей, перед которыми Хэйкити мог открыть душу, хватило бы пальцев на руках.

Хозяйка «Хурмы» Сатоко на удивление хорошо ладила с молчаливым Хэйкити. Через нее он познакомился с некоторыми завсегдатаями бара. Один из них упоминается в записках Хэйкити. Это владелец фабрики манекенов Гэндзо Огата.

Принадлежавшая ему фабрика тогда находилась в районе Мэгуро, недалеко от бара «Хурма». Работали на ней человек пятнадцать, а сам хозяин считался в округе человеком достойным. В 1936 году ему было сорок шесть, вдовствующей

Сатоко – тридцать четыре. Скорее всего, Огата имел какие-то виды на нее, поэтому появлялся в «Хурме» почти каждый вечер около восьми.

Похоже, он заинтересовал Хэйкити, недаром после знакомства тот четыре или пять дней подряд кряду навещался в «Хурму». Даже побывал у Огаты на фабрике. Именно от него исходила инициатива. Отношения между ними были не настолько близкими, чтобы Огату могли увлечь идеи, вынашиваемые Хэйкити.

Огата имел склонность выставлять себя перед Сатоко человеком редких качеств, смелым и благородным, состоявшимся бизнесменом, который сделал себя сам, и поглядывал свысока на заурядного тщедушного ремесленника, малевавшего какие-то картинки. Представить, что этот тип ради Хэйкити мог пойти на такое преступление, совершенно невозможно. И уж конечно, Хэйкити не стал бы изливать душу этому человеку, выкладывать перед ним самые потаенные мысли и страстные желания, связанные с Азот.

Помимо всего прочего, во время убийства Хэйкити Огата до глубокой ночи находился у себя на фабрике – поступил срочный заказ. Так что у него было алиби. И решительно никаких мотивов убивать Хэйкити. На день убийства Кадзуэ представить алиби он не смог, зато во время «убийств Азот» был либо на работе, либо сидел в «Хурме». Алиби почти сто процентов.

Больше подозрений вызывал работавший у Огаты человек по фамилии Ясукава. Хэйкити познакомился с ним, когда приходил посмотреть фабрику. Спустя несколько дней Огата привел Ясукаву в «Хурму». Там они встретили Хэйкити, вместе выпили. Таких встреч было всего две. Общался ли Хэйкити с Ясукавой где-то еще, кроме «Хурмы» и фабрики, точно неизвестно, и нельзя исключать, что он мог поделиться с новым знакомым своими горячими чувствами к Азот.

Что касается убийства Хэйкити, то, поскольку Ясукава работал у Огаты, ситуация у него была аналогичная. Отсутствие мотивов и почти стопроцентное алиби. По убийству Кадзуэ с алиби тоже был порядок, а вот с «убийствами Азот» оставались неясности.

Возможно, следствию надо было копнуть поглубже, когда шла работа с Ясукавой. Тогда ему было двадцать восемь. Его призвали на войну, он получил ранение, но выжил. Поселился в Киото. Он – один из немногих еще живых персонажей, имеющих отношение к делу семьи Умэдзава. Адрес его я знал. Надо бы с ним повидаться, пока он не умер, думал я.

Был еще один художник, живший недалеко от «Хурмы» и встречавшийся с Хэйкити. Его звали Тосинобу Исибаси. В 1936 году ему исполнилось тридцать – столько же, сколько мне было тогда. Его семья вела торговлю чаем, поэтому живопись для него служила скорее увлечением, чем профессией. Он торговал чаем, а когда позволяло время, писал картины, участвовал в выставках. Мечтал побывать в Париже. За границу тогда мало кто ездил, поэтому Исибаси часто заглядывал в «Хурму» послушать рассказы Хэйкити о Франции.

Исибаси по-прежнему управлял семейным бизнесом. Его магазин находился в районе Какинокидзака, там же, где была «Хурма». Я посетил его, и он рассказал, что прошел войну, чудом остался жив. Живопись забросил, зато его дочь окончила художественную школу. Он только что вернулся из Парижа – города своей мечты – и отыскивал там ресторан, о котором ему говорил

Хэйкити. «Представляете, он стоит на том же самом месте!» – с волнением сообщил мне Исибаси.

По его словам, он встречался с Хэйкити в «Хурме» несколько раз, однажды заглянул к нему в мастерскую в Охара, но прием ему не очень понравился, и больше он туда не навещался. Хэйкити был неразговорчив, но случалось, в него будто кто-то вселялся, и он говорил без умолку. У художников такое часто бывает, сказал Исибаси.

Он угостил меня чаем. Его подавала милая круглолицая девушка. Время от времени она заглядывала к нам и почтительно выполняла все, что говорил ей Исибаси. Жена его тоже оказалась очень приятной и душевной женщиной. Невозможно подумать, что такой человек мог быть причастен к страшному, темному преступлению, в котором я пытался разобраться. Мотивов у него не было, с алиби – полный порядок. Исибаси пригласил меня заходить к ним, если выберу время. Мне показалось, что он говорил искренне, а не просто отдавая дань вежливости. И я подумал, что не прочь еще как-нибудь заглянуть к нему.

За исключением Огаты, Ясукавы и Исибаси, с посетителями «Хурмы» приятельских отношений у Хэйкити не было. Из этой тройки подозрения у меня вызывал только Тамио Ясукава.

В число подозреваемых, может быть, следовало включить и Сатоко, но у нее было надежное алиби в двух эпизодах дела из трех, кроме убийства Хэйкити. Однако у Сатоко не было ни малейшего повода убивать своего клиента.

Далее идет кафе-галерея «Медици» Ясуэ Томиты. Это место стало своего рода салоном для людей, окружавших Ясуэ с юношеских лет. Здесь, на Гиндзе, встречались средних лет художники, скульпторы, натурщики и модели, поэты, драматурги, беллетристы, киношники – люди в беретах, натуры творческие – и вели горячие споры об искусстве. Собирать таких людей было в характере Ясуэ.

Хотя Хэйкити бывал в «Медици» часто, нельзя сказать, что он чувствовал себя там комфортно. Он терпеть не мог людей, которые лезли с навязчивыми разговорами, и избегал встреч с ними. Особенно часто такие личности попадались среди драматургов и киношников. Из всей компании завсегдатаев галереи Хэйкити доверял от силы трем-четырем.

Среди них самые большие подозрения мог вызвать скульптор Мотонари Токуда. Большущий талант, смотревший на мир глазами, в которых мелькала сумасшедшинка. Токуде перевалило за сорок, он имел свою мастерскую в Митака и имя в среде художников. Хэйкити Умэдзава был очарован работами Токуды, испытал на себе его влияние. Можно предположить, что мысль о создании Азот посетила его под воздействием Токуды.

Естественно, следствие занялось этим скульптором очень серьезно. Случайно мне довелось видеть его в полиции. Впалые щеки, длинные всклокоченные седые волосы... Для создателя Азот вид самый подходящий.

Однако Токуда смог доказать свое алиби, и его освободили. Наверное, при этом большую роль сыграло отсутствие у него водительских прав.

Токуда активно работал до самой смерти. Сейчас в мастерской в Митака музей, где выставлены его работы.

Я собирался встретиться и с Токудой, но в начале 1965 года он скоропостижно скончался. У него совершенно не было мотивов убивать Хэйкити или Кадзуэ, не говоря уже о девушках Умэдзава. В мастерской Хэйкити он не бывал, Кадзуэ никогда в глаза не видел. Что касается «убийств Азот», то у Токуды алиби, которое подтвердила его жена.

Я упоминаю о Мотонари Токуде лишь для того, чтобы показать, какие люди составляли близкое окружение Хэйкити. Конечно же, такой известный человек никогда бы не пошел на такое преступление.

Еще один посетитель «Медичи», которому мог довериться Хэйкити, – художник Годзо Абэ. Он учился вместе с Токудой, только на младших курсах. Абэ – натура широкая, Хэйкити, наоборот, – человек трудный. Может, на почве разницы характеров последний и открылся коллеге?

Абэ был пацифистом и выражал свои идеи в живописи, за что его преследовала тайная полиция. Коллеги отвернулись от него, стали травить. Это сыграло свою роль в его отношениях с Хэйкити, который тоже чувствовал себя одиноким.

С другой стороны, их разделял возраст – Абэ тогда было всего лишь двадцать с небольшим, так что, кроме «Медичи», они больше нигде не общались. Абэ не был у Хэйкити в мастерской и жил очень далеко от Мэгуро – в городе Мусасино, у станции Китидзэджи.

Абэ родился в Цугару и был земляком писателя Осаму Дадзай[44]. В 30-е годы Дадзай тоже жил в Китидзэджи и поддерживал с Абэ дружеские отношения. Но «Медичи» Дадзай, похоже, не посещал и, следовательно, с Хэйкити не встречался.

Абэ не имел никаких причин убивать членов семьи Хэйкити, да он, скорее всего, даже его адреса не знал. Но твердо доказанного алиби у него не было, так что рассчитывать на снисхождение со стороны следствия ему не приходилось.

Во время войны художника мобилизовали и отправили в Китай, где ему пришлось по полной хлебнуть тяготы военной службы. Выше рядового он так и не поднялся – не позволил прилепившийся к нему ярлык неблагонадежного. Жена Абэ осталась в Японии. Вернувшись на родину после войны, он развелся и женился на молоденькой, после чего пара на некоторое время уехала в Южную Америку. Абэ умер в Японии в 1955 году, сумев завоевать себе кое-какую репутацию в художественной среде, но большего не добился.

Его вдова держит артистическое кафе «Грелл» в районе Ниси Огикубо. Я побывал там и беседовал с ней. На стенах кафе она повесила картины мужа, письма Осаму Дадзай. О деле семьи Умэдзава она ничего не знает, ведь они поженились с Абэ уже после войны.

В «Медичи» Хэйкити также познакомился с художником Ясуси Ямада. Отношения между ними нельзя назвать по-настоящему приятельскими. Большого влияния на Хэйкити как художник Ямада не оказал. Но он был человек мягкий, и Хэйкити,

у которого среди завсегдатаев «Медичи», не считая хозяйки галереи, было лишь два близких ему по духу человека (о них я уже сказал), нашел в лице Ямады хорошего собеседника. Но не более того. Ямаде тогда уже перевалило за сорок, точно не знаю. Он жил на станции Омори. Хэйкити встречался с Ямадой в «Медичи», дважды побывал у него дома. И дело тут, скорее всего, не в самом Ямаде, а в его жене Куниэ, которая очень привлекала Хэйкити.

Куниэ, бывшая фотомодель, писала стихи. Ей было около сорока. Хэйкити нравился Рембо, Бодлер, маркиз де Сад. В мастерской он книг не держал, даже по искусству; эти и другие авторы стояли на полках в главном доме. Судя по всему, Куниэ разделяла его увлечение. Знала она и о работах Андре Мийо, который в свое время произвел огромное впечатление на Хэйкити.

Ни у Куниэ, ни у ее мужа не было мотивов убивать Хэйкити. Они не посещали его мастерскую и имели алиби. Якуси и Куниэ умерли в середине 50-х, почти в одно время.

Итак, из постоянных посетителей «Медичи» Хэйкити поддерживал приятельские отношения с четверьмя. Прибавив к ним троих приятелей из «Хурмы», всего получим семь человек. При ближайшем рассмотрении надо признать, что никто из них преступником быть не может. Но даже если допустить, что кто-то из этой семерки все-таки является убийцей, то его жертвами могли стать лишь девушки Умэдзава. Намерения убивать Хэйкити или Кадзуэ у этого человека не было. Кадзуэ эти люди даже ни разу не видели. Если говорить об «убийствах Азот», то основания для подозрений могли быть только в отношении Тамио Ясукавы. Следствие недостаточно глубоко работало с ним, допустило снисхождение? Не думаю.

С самого начала было ясно, что искать преступника среди этой семерки, то есть лиц, напрямую связанных с Хэйкити, бесполезно. Это лишь расширяло рамки следствия, но эффекта не давало. В деле семьи Умэдзава были еще, если можно так выразиться, второстепенные персонажи, и если б следствие нашло убийцу среди главных действующих лиц, второстепенными никто заниматься не стал бы.

Хэйкити трудно сходилась с людьми, приятелей, кроме уже перечисленных, не имел. Или же он тщательно скрывал каких-то своих знакомых, и в поле зрения следствия они не попали.

Что странно во всем этом деле? Оно состоит из трех эпизодов. Нельзя сказать, что во всех них не было лиц, у которых могли быть мотивы для убийства. Но вот что интересно: через какое-то время они сами уходили в мир иной, становясь жертвами убийц.

Возьмем убийство Хэйкити. Были люди, которые могли желать его смерти. Конкретно – все члены его семьи. Предположим, Масако и шесть дочерей семьи Умэдзава приложили руки к убийству Хэйкити. Прошло немного времени – и все девушки были убиты.

В случае с убийством Кадзуэ мотивов не было ни у кого. Единственная версия – ограбление.

С «убийствами Азот» ситуация наиболее удивительная. Мотив для убийства был только у Хэйкити, которого самого прежде убили.

Так или иначе, вывод из всего этого напрашивается один: во всех трех эпизодах преступление совершено разными людьми, но почерк чувствуется один и тот же.

Возможно, человек, которому Хэйкити был дорог, отплатил убившим его женщинам. Способ мести он позаимствовал из его записок. Все сделал, как написано у Хэйкити. Получилось так, будто автором преступления является дух Хэйкити, что, конечно, запутало следствие. Для того чтобы осуществить свой план, преступнику понадобился дом Кадзуэ. Поэтому она и была убита.

Итак, преступник убил, казалось бы, ни в чем не повинную Кадзуэ. Но ведь доказательств, что та ничего не знала о намерениях убить Хэйкити, тоже нет. Положим, Масако решила убить мужа и подключила дочерей. Было бы неестественным не посвятить в этот план старшую дочь. Если так, убийство Кадзуэ для преступника тоже стало частью мести.

Мне известно об этом деле больше, чем обычным людям, поэтому я должен быть ближе к истине. Отсюда все мои мысли и сомнения.

Однако рассуждения и выводы, к которым я пришел, наталкиваются на одно серьезное препятствие. Это препятствие – Кадзуэ. Нельзя исключать, что она стала соучастницей убийства Хэйкити, но «убийства Азот» и убийство Кадзуэ совершены во имя мести. И все же зачем Кадзуэ подставила меня, зачем втянула в это дело? Ведь она сделала это умышленно.

Ответ ясен: чтобы заставить меня разобраться с телами убитых девушек. Тем самым, выходит, Кадзуэ помогла тому, кто хотел отомстить за убийство Хэйкити, в котором она была замешана.

Одно противоречит другому. Это факт. Но есть еще одно противоречие. Если б Кадзуэ осталась жива, шантажировать меня было бы гораздо сложнее. Неужели она знала, что будет убита, и все равно сделала то, что сделала? Если это так, ради кого Кадзуэ принесла себя в жертву?

Все-таки кто же преступник? Предположим, Хэйкити, по мнению следствия, убили Масако и шесть девушек, живших в его доме. Но кто выступил в роли мстителя? Кто ради Хэйкити совершил убийство сразу шести человек? Могло ли одно лишь сочувствие к убитому художнику подвигнуть на такой поступок? Таэ? Ёсио? Аяко? Если убийства – дело рук кого-то из них, значит, мы имеем дело с детоубийством. А может быть, это Ясуэ? Или Хэйтаро?

Таков основной круг лиц, имеющих прямое отношение к делу. Однако надо учитывать решающее обстоятельство: на время, когда, как полагало следствие, произошли «убийства Азот» – между 15.00 и 24.00 31 марта, – практически у всех из них есть алиби.

Мы имеем две пары – мать и сын Томита, Ёсио и Аяко – и одинокую Таэ. Ясуэ и Хэйтаро провели эти часы в своей галерее, где их видели посетители до самого закрытия в десять вечера. После этого со своими постоянными гостями они веселились почти до полуночи. Отлучались максимум на полчаса.

Ёсио Умэдзава в тот день вместе со своим знакомым, редактором Тода, выпивал у себя дома. Это было во вторник. Ночевать Тода не остался, пробыл

примерно с шести до одиннадцати. Они и раньше, бывало, хорошо проводили время вместе. Так что Ёсио и Аяко отпадают.

Таэ просиживала в своей лавке до половины восьмого, но, даже закрыв ее, продолжала торговать через приоткрытые ставни часов до десяти. В день «убийств Азот», в промежутке между половиной восьмого и десятью вечера, она была дома, что подтвердили соседи, покупавшие у Таэ сигареты. Закрывает ставни и легла спать в одиннадцатом часу. Таким образом, к убийству девушек отношения она иметь не могла. Что касается Кадзуэ, то сорокавосемилетняя Таэ добиралась бы до ее дома больше двух часов – сначала пешком до станции Хоя, оттуда на электричке с пересадками до Каминогэ и потом снова пешком. Так что алиби Таэ можно считать доказанным.

Отдельное положение занимает Масако. Она выехала из Аидзувакамацу поездом в 8.47 утра 1 апреля. Ее родные, разумеется, засвидетельствовали, что накануне весь день она провела с ними.

Теперь о семерке косвенных фигурантов. У Сатоко, Огаты и Исибаси имеется алиби в том, что касается «убийств Азот». У Ясукавы алиби нет. Алиби Токуды и Абэ из «Медичи» подтвердили их жены. Ямада с женой и группой «людей в беретах» из четырех-пяти человек до одиннадцати вечера пробыли в галерее Ясуэ Томиты. От Гиндзы до Каминогэ час езды. Из этой семерки наиболее сомнительная фигура – Ясукава, но он встречался с Хэйкити только три раза – дважды в «Хурме» и один раз на фабрике манекенов.

Знакомство Хэйкити с Огатой длилось около года; о времени его встреч с Ясукавой известно точно. Впервые они встретились на фабрике Огаты в сентябре 1935 года, потом в декабре два раза в «Хурме», то есть между сентябрем и декабрем друг друга не видели. А Хэйкити в 1936 году в «Хурме» вообще не появлялся.

Версия, что преступником является Ясукава, предполагает, что в течение трех месяцев он тайно поддерживал отношения с Хэйкити. В это верится с трудом. Ясукава ночевал в общежитии, от которого до фабрики было минут десять пешком. Если верить коменданту общежития и людям, работавшим с Ясукавой, его жизнь проходила между фабрикой и общежитием. Лишь иногда он заходил куда-нибудь выпить, обычно не один, а с компанией. С декабря по конец марта было всего четыре случая, когда Ясукава куда-то отлучался по воскресеньям и товарищи не знали, где он был. Последний раз это случилось как раз 31 марта, однако Ясукава вернулся в общежитие еще до одиннадцати. Он утверждал, что в тот день ходил в кино. Даже если в остальных трех случаях Ясукава где-то крепил дружеские отношения с Хэйкити, вряд ли он смог в этом далеко продвинуться.

Предположим, что девушек убил все-таки Ясукава. В таком случае логично думать, что у него как у мастера, делающего манекены, должен был возникнуть интерес к созданию Азот. Заниматься этим в общежитии невозможно, требовалось другое место. Однако после того как все произошло, он так и остался в своем общежитии. Значит, такого места у него не было.

Есть еще одно обстоятельство, опровергающее версию о виновности Ясукавы. Нет никаких признаков, что он был знаком с девушками из семьи Умэдзава. Теоретически Ясукава мог оказаться с ними за одним столом в кафе или ресторане и подсыпать им яд в напитки, но его неожиданное появление в

компании незнакомых девушек выглядит совершенно неестественно. Такое могло быть, если б Ясукава действовал не один. Известно, однако, что он был человек нелюдимый и приятелей имел только на работе.

* * *

Вслед за следствием я вынужден поднять руки и признать, что это дело оказалось мне не по зубам. Преступника установить не удалось. Следствие пришло к выводу, что все, кто входил в круг знакомств Масако и девушек, непричастны к преступлению. Я согласен с таким выводом.

Все десять лет, что прошли после отставки, я не переставал думать о деле Умэдзава. Силы мои убывают, да и соображать из-за возраста стал хуже. Ловлю себя на том, что мысли бродят по кругу.

Жизнь у полицейского тяжелая, я расплатился за нее язвой желудка. Осталось уже недолго. Скоро я опять уйду в отставку, на сей раз вечную, так и не узнав правду об этом деле.

Если задуматься, я прожил жизнь, все время плывя по течению, и ни разу не пробовал идти против потока. Как самый обыкновенный человек, хотел просто пройти свой путь с миром. Самому пожать посеянные семена и вернуться в ту самую землю, из которой вышел. Но я лишь убедился в собственном бессилии. И это, конечно, оставило осадок в моей душе.

Я хочу, чтобы кто-нибудь раскрыл эту загадку. Это необходимо сделать. стыдно признаться, но мне так и не хватит мужества рассказать сыну о том, что со мной случилось.

Сожгу я эти записи или оставляю – это будет последнее решение в моей жизни. Если после моего ухода в мир иной кто-нибудь прочитает мои каракули, посмеется ли он над моей нерешительностью?

Акт II

Новые догадки

Сцена 1

Немного магии

– Интересно, Такэгоси встречался в Киото с Ясукавой? – тихо спросил Митараи.

– Похоже, что нет.

– Из его записок многое становится ясно. Теперь мы знаем, где находились тела, кто и как их развозил по разным местам. Знаем, что преступнику были не нужны водительские права. И об этом во всей Японии известно только тебе, мне и госпоже Иида!

– Точно... Как же мне повезло, что я с тобой познакомился!

– Хм-м. Если у Ван Гога были друзья, они говорили то же самое, даже не зная цену его таланта. В твоей книге есть что-нибудь о Тамио Ясукаве?

– Есть. Но у Такэгоси гораздо больше подробностей.

– У меня впечатление, что он писал все это, чтобы другие люди прочитали. Кстати, в отношении записок Хэйкити такое же чувство.

– Согласен.

– Такэгоси оставил свои записки. Сжигать не стал, хотя и мог бы. Решил так. – Митараи поднялся и подошел к окну. – У него такая печаль в каждом слове... Читаешь и чувствуешь, как человек кается. Вот я устроился здесь, на грязноватой окраине, повесил на углу табличку: «Предсказываю судьбу». И что, думаешь, я слышу? Голоса, полные горя и печали. Я знаю, что этот город, похожий на гору мусора, на самом деле кричит. Я слышу отовсюду сдавленные крики и думаю: «Может, уже хватит только слушать? Надо кончать с этим. Пришло время хоть кому-то помочь».

Митараи вернулся на диван и продолжил:

– Такэгоси не стал сжигать свои записки. Он очень хотел, чтобы кто-нибудь разобрался в этом деле, даже если в результате будет разрушена его репутация, которую он зарабатывал всю жизнь. Мы должны исполнить его последнюю волю, чтобы мужественный шаг, сделанный им под конец жизни, оказался не напрасным. Согласен со мной? Это наш долг, раз мы прочитали его записки.

– Ты совершенно прав.

– Теперь, когда мы получили такую информацию, самое время поработать головой. Конечно, Такэгоси не специалист по убийствам, но все равно он здорово продвинулся. Однако в одном он меня не убедил. Слушая, как ты говорил об обстоятельствах дела, я подумал об этом, а сейчас, за чтением записок Такэгоси, вспомнил.

– Что ты имеешь в виду?

– Такэгоси придерживается общепринятой версии о том, что Хэйкити убили его женщины. Давай вернемся к запертой мастерской, где нашли его труп. Семь

женщин... нет, шесть, Токико уехала к матери в Хоя. Впрочем, шесть или семь – не имеет значения. Важно другое: все они – члены одной семьи.

В ту ночь в усадьбе Умэдзава находились только убийцы и их жертва. Посторонних, кого надо было опасаться или ввести в заблуждение, не было. В таком случае какая необходимость подвешивать кровать, хитроумствовать с запертой изнутри мастерской? Достаточно просто стовориться как следует.

– Ну как же! В процессе расследования их ложь могла открыться. Были же следы на снегу и прочее...

– Следы... Подумаешь, какая важность! Следов можно каких угодно понаделать. Например, сделать так. Двадцать пятое февраля, ночь, еще идет снег. Три заговорщицы... Хотя нет! Три многовато: будет лишний шум, и еще неизвестно, принял Хэйкити снотворное или нет. И потом, в присутствии натурщицы троих он мог и не пустить. Поэтому одной достаточно. Она направляется в мастерскую. В двенадцать снег перестает, натурщица уходит, и та, кто пришла к Хэйкити, убивает его. Выходит из мастерской и оставляет на снегу следы от мужской обуви – приносит с собой или надевает ботинки Хэйкити. После у нее будет масса времени, чтобы поставить их на место. Потом она выходит на улицу – естественно, через заднюю калитку, – обходит вокруг и возвращается в главный дом. Запирать дверь мастерской нет необходимости. Утром в десять все заговорщицы идут в мастерскую. Одна из них заглядывает в окно, оставляя на снегу следы. Другая заходит в мастерскую, закрывает за собой дверь, задвигает задвижку и вешает замок. Сделав дело, кричит оставшимся снаружи: «Готово!» Те все вместе наваливаются на дверь и ломают ее. Этого было бы достаточно. Зачем кровать-то подвешивать?

– Ну да...

– Еще один момент. В версии с подвешенной кроватью имеется нестыковка. Использовали лестницу, верно? Без лестницы никакая балерина на крышу не взлезет. Но следов, когда несли лестницу, нет. Значит, это было сделано, когда еще падал снег, то есть до половины двенадцатого. Вот следы и замело.

С другой стороны, следы натурщицы, когда она уходила от Хэйкити, остались. Что получается? Семь заговорщиц... ну ладно, пусть не все – приставляют к стене лестницу и взбираются по ней наверх, когда в мастерской еще сидит натурщица?

Вряд ли Хэйкити во время работы включал радио на полную катушку. Он непременно заметил бы, что происходит. Не глухой же. Тем более что ночь на дворе. Никаких звуков, только тихо падает снег. И еще: натурщице, наверное, приставленная лестница показалась бы странной.

– Ну все-таки в мастерской висели шторы. Да и слух у Хэйкити был не как у молодого. Уже пятьдесят стукнуло...

– Скажи это тем, кто полтинник разменял. Посмотрю, что с тобой будет.

– А печка осталась гореть. Если заговорщицы действовали по твоему сценарию, это была очень опасная инсценировка. Им повезло, только поэтому

получилось всех запутать. Каким идеальным ни казалось бы преступление, обязательно найдется что-то такое, что может разрушить весь замысел.

Необязательно, чтобы в убийстве участвовал весь женский клан. Его могли совершить Масако со своими родными дочками – Томоко, Акико и Юкико. Вчетвером. Или даже впятером, если добавить Кадзуэ. Остальные девушки, получается, ни при чем, и с ними надо что-то делать, сочинить что-то, чтобы они ничего не заподозрили...

– Если следовать твоей версии, Юкико оказывается в весьма сомнительном положении. Она – единственная родная дочь Хэйкити от Масако, и ты хочешь сказать, что она присоединилась к заговору против отца? Из всей семерки, включая Кадзуэ, только Юкико и Токико ему по-настоящему родные. Девушки почти одного возраста от разных матерей... Интересно, что они чувствовали? Трудно представить. Вполне может быть, что они любили отца. Хотя, конечно, Масако знала девушек лучше всех – ведь она каждый день с ними общалась. И если все обстояло так, как ты предполагаешь, только Масако могла решить, включать Юкико в число заговорщиц или нет.

Я еще вот что хочу спросить: Бундзиро Такэгоси считал, что «убийства Азот» – это месть за убийство Хэйкити. Ты с ним согласен?

– Ну как бы это... Наверное, он прав.

– Тогда, может, не было смысла убивать всех шестерых? По твоей версии так получается. Или преступник ошибался, думая, что они все вместе убили Хэйкити?

– Да... Возможно, преступник хотел сделать так, чтобы убийства казались делом рук Хэйкити или его идейного последователя. Может, в человека действительно вселился злой дух, после того как он начитался записок художника, и у него возникло желание своими руками сотворить Азот?

– Ха! Мне кажется, сама идея с подтягиванием кровати к потолку не работает. Прodelать все это ночью, на холоде, когда руки коченеют, женщинам, да еще не зная, когда Хэйкити заснет... Как такое возможно? Нет, это совершенно нереально.

– погоди! У нас вроде появилась хоть какая-то ясность, а теперь ты говоришь, что все это ерунда? Получается, мы вообще ничего не понимаем! А как быть с веревкой, со склянкой с ядом, которые нашли в главном доме? Подбросил преступник, чтобы подставить женщин?

– Очень может быть.

– Тогда кто это сделал? Вернее, кто мог это сделать? Нельзя категорически отрицать возможность, что преступник – кто-то, кого мы не знаем. Человек, не связанный напрямую с семейством Умэдзава.

Косвенных фигурантов из «Медици» и «Хурмы», о которых писал Такэгоси, можно исключить. Потому что ни один из семи человек, входящих в эту группу, не был знаком с убитыми девушками. Ясуэ и Хэйтаро тоже ни при чем. Кто подложил веревку и яд? Ёсио? Аяко? Таэ? Кто преступник?

– Возможно, посторонний. Например, какой-нибудь домушник.

– Ты это серьезно?

– Нет. Просто пытаюсь сообразить, кто это мог быть.

– Послушай! Придираться к словам и критику наводить каждый может. Куда сложнее предложить что-то конструктивное. Вполне возможно, что при аресте Масако у полиции были факты, о которых мы не знаем. Ее арестовали после осмотра места преступления, которого мы не видели. Поэтому ничего серьезного ты и не можешь сказать.

Давай пока вернемся к этой троице. Таэ сразу вычеркиваем. После развода вход в дом Умэдзава ей был закрыт. Ёсио и Аяко? Теоретически, конечно, они могли подбросить веревку и яд. Но, как ты уже говорил, у всех троих среди убитых были родные дочери. Как они могли устроить для них ловушку? Представить невозможно.

Даже если кто-то из тройки хотел подставить Масако, подводить родную дочь под подозрение в убийстве?.. Нет, с убийством Хэйкити они никак не связаны. А уж с «убийствами Азот» – тем более. Своих детей убивать? Это кем же надо быть? Нелюдем!

– Тем не менее это совершил представитель рода человеческого. Такой же или такие же, как ты или я.

– В таком случае остается всего два варианта. Первый – это нечто такое, до чего мы не можем додуматься...

– Магия?

– Скажешь тоже! Вот уж куда-куда, а в такие сферы я залезать не собираюсь. Я имею в виду человека извне или какую-то организацию. Возможно, письмо, которое получил Бундзиро Такэгоси, настоящее и эта организация давно положила глаз на семейство Умэдзава и ловко ликвидировала его в полном составе. Если так оно и было, мы ничего не сможем сделать.

– Но мы уже отвергли этот вариант, разве не так? – заметил Митарай.

– Ну... в общем, да... Тогда остается второй вариант. Он интригует меня больше всего. Допустим, Хэйкити Умэдзава не был убит. Как ему это удалось, какой трюк он выкинул – не знаю. Стер себя из жизни. В таком случае все сходится.

Мужские следы на снегу – это следы самого Хэйкити. То, что труп без бороды, тоже понятно. Хэйкити каким-то образом нашел себе двойника, но не заставил его отрастить бороду. Несчастного забили насмерть, у него даже лицо изменилось. Думаю, при опознании семья могла принять его за Хэйкити.

Это объясняет, почему тот последнее время жил затворником, почти не выходя из своей мастерской в глухом углу сада и стараясь не попадаться на глаза домочадцам. Если б он постоянно общался с ними, подмену обнаружили бы сразу. Это была часть плана, который он стал разрабатывать, решив заняться созданием Азот. Для этого прежде всего требовалось исчезнуть.

Замечательно стать призраком, невидимкой! В чем можно заподозрить мертвого человека? Ни в чем, что бы ни случилось. Даже смертная казнь не страшна. После этого можно тайком следить за намеченными жертвами, выбирать благоприятный момент для убийства. А потом, когда дело сделано, – спокойно с головой уйти в работу над Азот.

Исчезнуть – это первая часть плана, который должен был увенчаться появлением Азот. Вот почему Хэйкити, интроверт по натуре, стал активно искать похожего человека, которому предстояло заменить его. В конце концов нашел – и двадцать шестого февраля привел в свою мастерскую, где и убил, инсценировав все так, будто женщины расправились с главой семейства.

Хэйкити боялся, что Масако обнаружит место, где он будет работать над Азот, и успокоился только тогда, когда подстроил ее арест. Вот так! И концы с концами сошлись.

– Что ж, недурно. Поскольку других кандидатов на роль преступника мы не нашли, теория живого Хэйкити легко объясняет все, что связано с «убийствами Азот». Однако есть кое-какие «мелочи», ставящие под вопрос твою версию. Ближайшие родственники не заметили, что тело подменили? Но это же ерунда с точки зрения здравого смысла. Слишком много вопросов остается.

– Какие же?

– Если б он остался жив, то, наверное, захотел бы завершить свою последнюю большую работу. Тебе не кажется? Ты же сам художник. Двенадцатое полотно. Оно должно было подвести итог его жизни.

– Нет... как раз заканчивать эту картину и не следовало. Может, ему и хотелось, но надо было показать следствию, что ему не дали это сделать, убили.

– Ладно, понял... Другой вопрос: зачем понадобилось убивать Кадзуэ?

– Наверное, ему нужно было место, чтобы работать над Азот...

– Ну уж нет! Дом Кадзуэ вроде бы подходит, но только на первый взгляд. У Хэйкити было приготовлено хорошенькое местечко в окрестностях Яхико. В твоей книге об этом сказано. У Кадзуэ было опасно, ведь там произошло убийство. Ты ведь сам говорил, что Хэйкити нашел бы более подходящее место. Помнишь или забыл уже?

Но еще важнее то, что Кадзуэ заманила в ловушку Бундзиро Такэгоси, соблазнив его. Зачем она это сделала?... Нет, не так! Если ее заставил Хэйкити, то с какой целью? Водительские права у него были, мог бы и сам с трупами разобратся.

– Их же надо было развозить по разным местам, далеко друг от друга. Хэйкити тогда уже был не юноша, вот и решил задействовать кого-нибудь помоложе. А полицейский – вообще идеальный вариант.

– Но как он уговорил Кадзуэ? Все-таки отчим, она ему не чужая... И заставил ее лечь под совершенно незнакомого человека?

– У меня это тоже в голове не укладывается. Но он мог соврать ей что-нибудь.

– Есть еще три серьезных вопроса. Первый – это его тетрадь, записки. Какая необходимость оставлять их в мастерской? Если он остался жив и собирался заняться Азот, этого нельзя было делать ни в коем случае. Понятное дело, что содержание записок должно было насторожить девушек. А после их убийства давало ключ к поиску тел.

Кроме того, если б не записки, тела, закопанные на полтора метра, скорее всего, никогда не обнаружили бы. Ведь так? Почему Хэйкити не унес записки с собой?

– Да, это явный промах, недопустимый для столь тщательно проработанного плана.

– Думаешь, это промах? Но почему Хэйкити ничего не написал о плане найти двойника? В записках нет жалоб на то, как трудно подыскать подходящего человека. Ведь двойник, как ты говоришь, важная часть замысла, цель которого – создание Азот.

И еще один большой вопрос. Как Хэйкити удалось выбраться из мастерской, которая была заперта изнутри? Вот уж проблема так проблема.

– Да, тут есть над чем поломать голову... Если мы ответим на этот вопрос, я буду настаивать на том, что Хэйкити Умэдзава не умер. Ты же сам понимаешь: это единственный вариант, который все объясняет. Если все убийства совершил один человек, это мог быть только Хэйкити. Записки Такэгоси еще больше укрепляют меня в мысли о том, что эти преступления – дело рук одного человека. Кто подходит на эту роль? Хэйкити! И никто другой. Все убийства свершились по его воле... Как ему удалось фокус с исчезновением? Я это выясню.

– Надеюсь, – только и сказал Митарай.

Сцена 2

Невежливый визит

Вернувшись вечером домой, я лег в постель, но мысли не оставляли меня. Что бы ни говорил Митарай, объяснить серию убийств в семье Умэдзава можно лишь признав, что Хэйкити остался жив. Есть другое объяснение? Хотелось бы его услышать, хотя я уверен, что другого объяснения быть не может.

Такэгоси, изучая дело семьи Умэдзава, проявил достаточно проницательности, но я хочу попробовать взглянуть на то, что произошло, под другим углом, исходя из предположения, что Хэйкити не умер 26 февраля 1936 года. То есть первое убийство в мастерской совершил сам Хэйкити. Жертвой стал человек, похожий на него как две капли воды. И...

А как же быть с проблемой запертой изнутри мастерской. Ну конечно! Хэйкити подстроил так, что Масако со своими дочками убила не его, а двойника, с которым он заранее поменялся местами! Как они его убили? Подвесив к потолку кровать. Другого способа не было.

Я чуть не подпрыгнул на кровати. Вот оно что! Если Масако и компания отправили на тот свет двойника, у Хэйкити появилась возможность шантажировать этим Кадзуэ. Он сказал: «Твоя мамаша со своим потомством задумала построить в усадьбе дом. Я им мешал, и они решили меня убить. Но я жив, как видишь. Вместо меня убили другого. Теперь спасти их может только мое молчание...» Хотя нет, этого недостаточно.

Если бы втянуть в это дело полицейского... Вот что он наговорил Кадзуэ! И заставил плясать под свою дудку. Теперь все понятно!

Такэгоси думал, что «убийства Азот» стали мстью за убийство Хэйкити. Убийство Кадзуэ не укладывалось в эту схему. А теперь все сошлось. Отчим заставил Кадзуэ подчиниться его воле.

И все же зачем он ее убил? Ведь можно было и без этого обойтись...

Ладно! Хэйкити ненормальный. Может, он решил – зачем ей жить, раз все сестры будут мертвы? Чем гадать, важнее получить доказательства, что Хэйкити не умер. Это в первую очередь.

Наши шерлоки холмсы, отстаивающие версию, по которой Хэйкити не был убит, считают, что он поменялся местами с Ёсио. Но они ошибаются. Выдавать себя за младшего брата не имело смысла. Более того, это было опасно. Если Хэйкити думал заниматься Азот, ему надо было затаиться, и положение невидимки подходило для этого как нельзя лучше.

Сейчас, конечно, бесполезно искать доказательства в пользу моей версии; важнее другое – мне удалось во всем разобраться, думал я. С завтрашнего дня в роли доктора Ватсона будет выступать Митарай, а я буду Шерлоком Холмсом. С этой мыслью я спокойно погрузился в сон.

* * *

– Ну что, есть какой-нибудь прогресс? – поинтересовался я у Митарай на следующее утро и услышал в ответ едва слышный стон, из чего следовало, что ни о каком прогрессе не может быть и речи. И это понятно: над «убийствами по Зодиаксу» сорок лет ломали головы любители разгадывать тайны по всей Японии. Каких только версий и предположений они не придумали! Разве можно

ожидать, что Митарай вдруг разрубит гордиев узел сомнений и установит истину, которую до него никто не смог отыскать? Было бы чудо, если б ему это удалось. Хотя Митарай человек необычный, поэтому я надеялся, что ему хоть в каком-то аспекте этого запутанного дела удастся продвинуться вперед. Уже это стало бы для нас большим достижением.

Учитывая состояние, в котором меня встретил Митарай, я рассказывал ему о посетивших меня мыслях, стараясь сдерживать радостную улыбку. И тут же получил ответ:

– То есть ты по-прежнему считаешь, что женщины смогли подтянуть кровать к потолку? – Голос Митарай звучал устало. – Значит, Хэйкити заранее заманил двойника в мастерскую? Хоть и не знал, когда женщины соберутся подвешивать кровать? Он еще днем туда его привел? А вдруг в мастерскую заглянул бы кто-то из девчонок? Тогда бы весь план рухнул. По твоей теории, ему надо было дожидаться, пока у двойника вырастет борода, да еще учить его рисовать.

– А рисовать-то зачем?

– А как же? Ведь Хэйкити художник. Странно, если человек слоняется по мастерской, не беря в руки ни кисть, ни карандаш. Или станет рисовать огурец, а получится тыква... Ужас!

Его рассуждения стали меня раздражать.

– А как быть с Кадзуэ? Можешь найти другое объяснение? Такэгоси, во всяком случае, не нашел. Пока ты не придумаешь ничего подходящего, я буду придерживаться своей версии.

Мне хотелось, чтобы в моих словах звучала ирония, но на Митарай они не возымели действия. Он молчал. Шерлок Холмс находился в растерянности. Я решил продолжать в том же духе:

– Шерлок Холмс на твоём месте давно бы справился с этим делом и уже растолковывал бы доктору Ватсону, что к чему. А ты?... Ладно, не получается с расследованием, это я могу понять, но все равно надо как-то поактивнее. Нельзя же целый день лежать на диване.

– Холмс? – Митарай изобразил на лице недоумение. – Это тот хвастливый неотесанный англичанин, кокаинист, не способный отличить реальность от своих иллюзий?

Я на мгновение потерял дар речи, не зная, что ответить. Чья бы корова мычала... Я рассердился всерьез:

– Ну конечно! Куда ему до тебя! А я и не знал... Извините! Как можно так говорить о великом человеке, человеке-легенде? С чего ты взял, что он неотесанный? Холмс – настоящий клад знаний, ходячая Британская библиотека. И с какой это стати он хвастун?

– Ты рассуждаешь как типичный японец. Знаешь, какое у японцев слабое место? Они всему дают оценки, основываясь на политических концепциях.

– К чему эти речи? Объясни лучше, почему ты решил, что Холмс хвастун, да еще неотесанный.

– Тому сколько угодно доказательств. Вот, например... Какая у тебя самая любимая история о Шерлоке Холмсе?

– Мне все нравятся.

– Но самая любимая?

– Говорю же: все!

– Ну тогда говорить не о чем.

– Хорошо. Это не мой выбор, а самого Конан Дойля, считавшего лучшей вещью из серии о Шерлоке Холмсе именно этот рассказ. Самый популярный у читателей. «Пестрая лента».

– А-а! Вот уж действительно настоящий шедевр... Про змею, что ли? Надо сказать, что если держать змею в сейфе, она задохнется. Предположим, это была особенная змея, которая могла жить без кислорода, но как можно поить ее молоком? Молоком питаются только млекопитающие и кормят им свое потомство. Змеи относятся к классу пресмыкающихся и молоко не пьют, если только это не какие-нибудь мутанты. Это все равно что нас кормить лягушками или жабами.

Пошли дальше. Змея в этом рассказе откликается на свист, которого она слышать не может, потому что не имеет ушей в обычном понимании этого слова. Это в школе на уроках биологии проходят.

Я думаю, все эти небылицы – творчество Ватсона. В свободное от работы время, как говорится, он сидел и слушал, что ему рассказывал Холмс, а потом сочинял истории в приключенческом жанре, не стесняясь расцвечивать их красочными подробностями от себя лично. Впрочем, рассказы Холмса, скорее всего, тоже представляли собой фантазии, навеянные кокаином. Любителям белого порошка часто мерещатся змеи. Поэтому я и говорю: хвастун и фантазер.

– Зато Шерлок Холмс с первого взгляда мог определить, чем человек занимается, какой у него характер... Тебе это не по силам.

– Чего он там угадывал! Не смеши меня! Возьмем историю про желтое лицо. Сцену, где Холмс рассматривает трубку, оставленную посетителем, и рассуждает о ее владельце. Он говорит, что человек, которому принадлежит трубка, очень ею дорожит, иначе он не потратил бы на починку трубки почти столько же, сколько она стоит. Трубка обгорела с правой стороны – значит, владелец левша. У него привычка разжигать трубку не спичками, а от лампы. Он подносит лампу к трубке, которую держит в левой руке. Если трубка так дорога владельцу, почему бы ему не быть поосторожнее и не уродовать ее огнем лампы? И еще вопрос. Вот ты правша. В какой руке ты держал бы трубку? Скорее в левой. Правой мы пишем, что-нибудь делаем... А когда держим трубку, ничего не делаем. Чтобы просто что-то держать, правая рука не нужна. Многие, поднося к трубке огонь, держат ее в левой. Тебе не кажется?

Выходит, мы не можем с уверенностью сказать, был ли посетитель левшой. Только Ватсон мог попасться на удочку Холмса. Ну и что после этого ты будешь мне говорить? Хвастун – он и есть хвастун. Впрочем, очень может быть, что Холмс со скуки просто разыгрывал простодушного Ватсона.

Что еще?.. Холмс считался мастером переодевания. Он часто бродил по городу, нарядившись старухой, – напяливал седой парик, приклеивал густые брови, брал в руки зонтик от солнца. Знаешь, какого роста был Холмс? Почти метр девяносто. Представляешь такую старушку? Это или переодетый мужчина, или какой-то оборотень. В Лондоне все покатывались со смеха, глядя на это зрелище: «А-а! Шерлок Холмс идет!» И только Ватсон ничего не замечал.

Вот до чего доводит кокаин! У Холмса мозги плавились от игры в угадайку. Я еще удивляюсь, как он совсем не спятил. С ним же случались припадки. Ватсон писал, что Холмс был классным боксером, с ним мало кто мог соперничать. Думаю, когда на него находило, он не раз посылал своего друга доктора в нокаут.

А вот Ватсон послать Холмса не мог, потому что тот давал ему материал для историй. Поэтому старался не портить ему настроение, проявлял о нем трогательную заботу. Всякий раз, когда Холмс, замаскированный под старушку, возвращался домой, Ватсон делал вид, что не узнает его, хотя все в округе знали об этом маскараде. Происходило это так. Хозяйка, у которой жили Холмс и Ватсон, заглянув к доктору, объявляла: «Мистер Холмс явился!». Ватсон выходил к своему другу с непонимающим лицом и, услышав: «А вот и я!», изображал неописуемое удивление и бурную радость. Вот что приходилось претерпевать Ватсону... Что с тобой, Кадзуми?

– О боже! Как у тебя только язык поворачивается! Невероятно! Смотри, отсохнет у тебя язык!

– Жду не дождусь... Вот ты сказал, что Холмс лучше меня мог определить, что за человек перед ним, что мне до него далеко. Но ты сильно ошибаешься. Я изучал астрологию, науку, лучше всего разбирающуюся в людях, позволяющую многое узнать о характере человека, с которым прежде ты никогда не встречался. Занимался и более рациональной наукой – психопатологией. Ну и астрономией, конечно.

Самый быстрый способ понять, что представляет собой человек, – выяснить, когда он родился. Но некоторые клиенты не знают, во сколько они появились на свет. Число и год, конечно, знают, а точное время – нет. При общении с ними я могу его определить, это несложно. Ты же сам не раз видел, как я это делаю, верно? А уж располагая этой информацией, в характере человека разобраться можно.

Твой любимый Холмс родился в Англии и в астрологии, извини, разбирался как свинья в апельсинах. Поэтому он и в людях разбираться не умел. Я вспоминаю себя, когда не знал астрологию. Ходил как слепой.

– В психопатологии ты действительно силен, я знаю. А как насчет астрономии?

– С астрономией тоже порядок. Как может быть по-другому у астролога?.. А-а, ты сомневаешься, потому что не видел меня смотрящим в телескоп.

Телескоп у меня есть, но что толку в него глядеть? Из-за смога все равно ничего не видно. Тем не менее я владею самой последней информацией. Вот, например: есть в Солнечной системе планеты с кольцами? Кроме Сатурна, разумеется.

– Вроде нет. Только Сатурн.

– Я так и думал! Твои знания находятся на послевоенном уровне. Из учебников, отредактированных пламенем пожаров. Еще там написано про зайца, который на Луне готовит тесто для рисовых лепешек[45].

Я не удостоил Митараи ответом.

– Ты не обиделся? Да ладно тебе, Кадзуми... Просто наука все время развивается. Она не может топтаться на месте. Рано или поздно в начальной школе детей будут учить тому, как распространяются в космическом пространстве электромагнитные волны, как гравитация искривляет пространство и замедляет время, а мы будем казаться детям динозаврами, обитателями дома престарелых.

Вернемся, однако, к кольцам. Кольцо есть у Урана и у Юпитера, только тонкое. Об этом стало известно совсем недавно, буквально на днях. Меня об этом специально проинформировали.

Хотя голос Митараи и звучал серьезно, мне казалось, что он изрядно преувеличивает.

– Все ясно. Что касается Холмса и астрономии, ты большой специалист. И все же кого ты можешь признать авторитетом? Отца Брауна?

– Кто это? К церкви я никакого отношения не имею.

– Фило Ванса?

– Никогда о таком не слышал.

– Джейн Марпл?

– Это что, марка кленового сиропа?

– Инспектора Мегрэ?

– Он служит в Мэгуро?

– Эркюля Пуаро?

– Только с похмелья можно придумать такое имя.

– Ты, кроме Шерлока Холмса, больше никого не знаешь?! И даже его не признаешь! Невероятно! То есть Холмс на тебя вообще никакого впечатления не производит?

– Разве я это говорил? Мы все несовершенны. Такие люди, как Холмс, как раз меня и привлекают. Потому что он – человек, а не компьютер. Я больше всего люблю именно этот тип людей. Он – замечательная личность.

Митарай меня удивил. Я даже был немного тронут. Мой друг был скуп на похвалу, и я впервые слышал от него такие слова. Заметив на моем лице улыбку, Митарай тут же поспешил добавить:

– При этом есть один вопрос, по которому я с Холмсом категорически не согласен. Я имею в виду его работу на британское правительство во время Первой мировой войны. Он оправдывал аресты немецких шпионов, видел в них справедливость. А английские шпионы по определению оставались в стороне. Ты видел фильм «Лоуренс Аравийский»? Там хорошо показана тайная дипломатия Англии в отношении арабов. Англия была очень коварной державой в те годы.

А как англичане себя вели по отношению к Китаю во время Опиумных войн! Как можно считать справедливыми такие действия? Это же чистая политика! Холмс не должен был в нее влезать. Надо было оставаться в стороне.

Скажешь, им двигал чистый наивный патриотизм? Он не разбирался в политике, если верить Ватсону? Но преступления случаются и в политике тоже. Подлинная справедливость должна стоять выше патриотизма. В последние годы Холмс подорвал свою репутацию. Это факт. Лучше б он погиб, когда свалился в водопад с профессором Мориарти. А воскресший Холмс уже оказался другим человеком. Британское правительство создало его тень, чтобы использовать знаменитого Шерлока Холмса в своей пропаганде. Свидетельство тому... Это еще кто?

В дверь кто-то постучал. Стук был какой-то особенный, угрожающий. Не дожидаясь нашего ответа, дверь резко распахнулась, и на пороге возник хорошо сложенный здоровяк лет сорока, облаченный в неброский, скромный костюм.

– Вы Митарай? – обратился ко мне незнакомец.

– Нет, – растерянно ответил я.

Тогда вошедший повернулся к Митарай и жестом, каким скороспелые богачи достают из кармана пачку денег, извлек черную корочку с полицейским значком.

– Моя фамилия Такэгоси, – глухо представился он.

– Редкий гость к нам пожаловал, – невозмутимоотреагировал Митарай. – Кто-то неправильно припарковался? В первый раз вижу настоящий полицейский значок. Можно посмотреть, раз уж выпала такая возможность?

– А ты, похоже, не из тех, кто умеет разговаривать со старшими, – с редко встречающейся у полицейских едкостью парировал нежданный гость. – Нынешняя молодежь не знакома с хорошими манерами и доставляет нам много хлопот.

– Хорошие манеры – подождать ответа на стук в дверь, а не врываться без приглашения. Надеюсь, вы это запомните. Так какое у вас к нам дело? Давайте поторопимся, чтобы не занимать чужое время.

– Ну ты даешь! Хочешь сказать, что не знаешь, кто я? Ты со всеми так разговариваешь?

– Нет, только с такими великими людьми, как ты. Хватит болтовни! Что тебе надо? Если хочешь узнать свое будущее, скажи, когда родился.

Полицейский, представившийся Такэгоси, явно не ожидал такого приема. Несколько секунд он не мог подобрать слов, чтобы сбить спесь со стоявшего перед ним молокососа. Все это время с его лица не сходило угрожающее выражение.

– Сюда моя сестра приходила? – наконец произнес полицейский. – Я знаю, что Мисако была здесь. – Было видно, что он еле сдерживается.

– А-а! – с насмешкой протянул Митарай. – Так это твоя сестра? Я не сразу понял. Ничего общего. Совершенно другой человек. Вот какое влияние оказывает на людей среда... Скажи, Кадзуми?

– Не могу понять, зачем сестра потащилась к такому недоделанному звездочету. Мисако приносила тебе записки нашего отца? Только не надо отпираться!

– А я и не отпираюсь.

– Мне свояк сегодня сказал. Ее муж. Это очень важный документ для полиции. Прошу вернуть!

– Мы уже с ним ознакомились, так что нет проблем. Только не знаю, как к этому отнесется твоя сестра.

– Ее это не касается, раз старший брат сказал вернуть. Она не будет в претензии. Как я сказал, так и будет. Так что выкладывай поскорее!

– Выходит, мнения сестры ты не спрашивал и все слышал только от ее мужа? Ты ставишь меня в затруднительное положение. Я не знаю, хочет ли она, чтобы я отдал тебе записки. Отвечает ли это воле вашего покойного отца? И вообще, где ты так замечательно научился просить?

– Тебя, конечно, следовало бы поучить вежливости. Потому что ты нахал. Ничего! Есть у меня кое-какие мысли...

– Это какие же? Многообещающее заявление. Очень хотелось бы послушать. Как думаешь, Кадзуми, может, он собирается нас арестовать, заковать в наручники?

– Ну ты и наглый тип, как я погляжу! Что за молодежь пошла... Только и можете хамить.

– Я не такая уж молодежь, как тебе кажется, – проговорил Митарай, позевывая.

– Больше я с тобой шутить не собираюсь. Отец перевернулся бы в гробу, если б узнал, что ты разыгрываешь из себя детектива, используя его записки.

Расследование преступления – это не игра. Это тяжелейшая работа, сбор сведений, и всё ножками, ножками, пока подметки не сотрешь...

– Имеется в виду расследование «убийств по Зодиаку»?

– «Убийства по Зодиаку»? Это еще что? Для комиксов название в самый раз. Профаны вроде тебя падки на все, что хоть чуть-чуть пахнет сенсацией, и сразу начинают изображать из себя сыщиков. Детективное расследование – не веселая прогулка, а серьезное дело. Настоящие детективы не жалеют ног, добиваются результата потом и кровью... Короче, эти материалы необходимы для расследования. Это ты способен понять?

– Тебя послушать, так самые лучшие детективы получаются из сыновей сапожников... Но ты забываешь одну вещь. Что самое важное для детектива? Мозги. Судя по тому, что я вижу, ты от их избытка явно не страдаешь. Для таких, как ты, эти записки – бесполезное сокровище. Я подумаю, отдавать их тебе или нет, хотя, бьюсь об заклад, это дело тебе не по зубам, с записками или без них. Как ты собираешься расследовать преступление сорокалетней давности? Ножками, пока подметки не сотрутся? Тебе такие дела еще не встречались. Готов им заняться? Смотри не опозорься.

– Что-о? Кому ты это говоришь?! У нас и подготовка, и опыт. Мы – профессионалы. Дилетантам вроде тебя тут вообще делать нечего.

– Ну сколько можно повторять одно и то же? Разве я говорил, что расследование – ерунда? А вот ты считаешь, что головой работать легче, чем ногами.

– У меня с головой тоже всё в порядке! – прорычал полицейский, явно не собираясь уступать. – Таких уродов, как ты, я еще в жизни не встречал. Ты – типичный люмпен, мелкий гадалишка, которого никто не признает. Только и можешь, что языком чесать, как баба. За счет этого и живешь. А мы себе такого позволить не можем. От нас требуются точные факты, а не болтовня. У нас есть ответственность перед обществом. Если ты такой умный, скажи: ты разобрался в этом деле?

Впервые в этой словесной дуэли Митарай замялся. Я понял: в душе он сожалел, что разговор принял такой оборот.

– Пока нет.

На лице Такэгоси тут же появилось победное выражение, и он впервые улыбнулся.

– Ха-ха! Ничего другого я и не ждал. Только говорить умеешь, и больше ничего. Зелен ты еще для таких дел!

– Ты лучше на себя посмотри, бездарь! Отдам я тебе эти записки, ты их прочитаешь – и что толку? Все равно что дать обезьяне калькулятор и ждать, что она на нем решит задачу. Кончится тем, что ты принесешь записки к себе в управление, и вы всем коллективом станете ломать над ними голову. Ты же на службе, по-другому поступить не можешь... А в управлении народ вроде тебя, особым умом не блещет. И дело, скорее всего, кончится позором для твоего отца. Молодые сотрудники узнают, что с ним произошло. Не вижу в

этом никакого смысла. Твоя сестра с ума сходит, думая, как избежать позора. Ваш отец ведь мог сжечь свои записки, но не сделал этого. Выходит, он ошибся.

Записки Бундзиро Такэгоси – ключ к разгадке всего дела, и не будет большим преступлением, если мы их больше никому не покажем. Предположим, сегодня я отдам тебе записки, и ты завтра же побежишь с ними в управление? Опозоришь отца? Несколько дней ничего не решают. Прочитай, что написал отец, и попробуй подумать. Сколько дней ты можешь продержать у себя записки?

– Ну дня три...

– Там много страниц. Едва успеешь прочитать, а подумать времени не останется.

– Неделю. Больше не могу. Кроме свояка, еще есть тип в управлении, который догадывается об их существовании. Так что больше никак невозможно.

– Неделя? Понятно.

– Постой, постой! Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, что через неделю раскрою это дело. Или, по крайней мере, продвинусь вперед настолько, что можно будет не выставлять записки твоего отца на широкий суд.

– Ничего не выйдет. Ты же понятия не имеешь, кто преступник.

– Ты слышал, что я сказал? Раскрыть дело – это и значит установить преступника. Хотя вряд ли я смогу доставить его к тебе на порог... Сегодня пятое, четверг. Можешь подождать неделю, до следующего четверга?

– Тринадцатого я отнесу записки в управление.

– Тогда не будем терять время. Где дверь, ты знаешь. Кстати, ты родился в ноябре, верно?

– Верно. Это сестра сказала?

– В этом не было необходимости, я и так знаю. Скажу больше: между восемью и девятью часами вечера. Вот бумаги, смотри не потеряй. В следующий четверг мы должны будем их сжечь.

Дверь захлопнулась. Шаги Такэгоси прогрохотали по лестнице и стихли.

– С тобой всё в порядке? Что ты ему наговорил? – встревоженно поинтересовался я у Митарай.

– А что?

– Ты в самом деле собираешься вычислить преступника до следующего четверга?

Митарай молчал. Вид у него был торжественный. Это добавило мне волнения. Иногда из-за чрезмерной самоуверенности ему изменяло чувство реальности.

– Я, конечно, признаю, что голова у тебя работает лучше, чем у этого полицейского. Но что ты имел в виду, когда говорил о ключе к разгадке?

– Понимаешь, еще когда я расспрашивал тебя об обстоятельствах этого дела, меня что-то зацепило и не отпускает. Сейчас не могу сказать, что именно, словами не передать... Но не идет из головы. Что-то напоминает... Что-то мне известное, совсем простое. Если бы вспомнить... Хотя, может быть, я ошибаюсь и все совсем не так... Ну да ладно! Хорошо, что у нас есть неделя. Можно хотя бы попробовать. Кстати, у тебя кошелек с собой?

– С собой, а...

– Значит, деньги есть?

– Ну есть.

– Много? На несколько дней хватит? Я сейчас еду в Киото. Ты со мной?

– В Киото? Прямо сейчас? Но у меня дела, по работе позвонить надо... Так сразу я не могу.

– Тогда пока. Меня не будет дня четыре или пять. Жаль, конечно, что ты не можешь.

С этими словами Митарай повернулся ко мне спиной и вытащил из-под стола сумку, которую обычно брал с собой в поездки. Мне ничего не оставалось, как крикнуть ему в спину:

– Еду! Я с тобой!

Антракт

Бактерия в скором поезде

Я думаю, что именно с той минуты Митарай занялся этим делом по-настоящему. Как только он чем-то загорался, тут же начинал действовать быстро, как молния. Мы, а точнее я, схватили карту Киото, книжку «Семейство Умэдзава и убийства по Зодиаку» и через полтора часа сидели в вагоне скоростного поезда, направлявшегося в Киото.

– Почему все же этот Такэгоси явился к тебе?

– Думаю, Иида-сан почувствовала угрызения совести из-за того, что показала записки отца только мне, ничего не сказав мужу, и в конце концов все ему

рассказала. Мужа, честного малого, тоже стала мучить совесть. Вот он и не стерпел – рассказал свояку.

– Да уж, действительно честный малый...

– Или испугался, что эта обезьяна прижмет его как следует по службе. Ведь муж Иида-сан тоже в полиции служит.

– Этот Такэгоси – надутый индюк.

– «Фараоны» все такие. Думают, стоит помахать у человека перед носом черной корочкой, так тот сразу же упадет на колени и начнет вилять хвостом. Уже двадцатый век кончается, а они все не меняются...

Младшенький догадывался о содержании отцовских записок, и его возмутило, что сестра показала их совершенно незнакомому человеку, почти люмпену, открыв ему позор семьи. Но, так или иначе, у этого типа остались повадки времен тайной полиции, заправлявшей в Японии до войны. Так что у нас сейчас не демократия, а одни слезы.

– Да уж, похвастаться особо нечем. Полиция привыкла чваниться, задирать нос перед простыми смертными...

– Таких еще много осталось, но Такэгоси выделяется даже на их фоне. Редкий экземпляр! Глядя на него, хочешь не хочешь, а вспомнишь, что такие, как он, вытворяли в свое время. В музей его надо, под стекло, под охрану государства.

– Неудивительно, что сестра, как и отец, не хотела ему показывать записки. Я ее понимаю.

Митарай посмотрел на меня.

– В самом деле? Понимаешь? И что же она чувствовала, как думаешь?

– То есть?

– Я хочу знать, что она подумала, прочитав записки отца.

– Разве не понятно? Отдай она их своему заносчивому братцу, тайна Бундзиро Такэгоси стала бы известна в полицейском управлении, и он был бы опозорен. Не зная, что делать, Мисако пришла за советом к тебе в надежде, что дело будет решено тихо, чтобы ее отец покоился с миром.

Митарай презрительно усмехнулся и негромко вздохнул:

– Эх, когда же ты наконец научишься разбираться в людях? Почему все-таки она обо всем рассказала мужу? Сначала показала записки именно ему – вдруг он сможет в одиночку раскрыть это дело... Но у него, понятно, ничего не получилось. После этого Мисако отправилась ко мне, услышав от подруги, что я вроде занимаюсь подобными делами. Расчет был такой: если мне, на ее удачу, удастся разгадать загадку, они могут присвоить успех себе, а не получится – они ничего не потеряют. О позоре их отца никто лишний не узнает, потому что я не такой человек, чтобы звонить о таких вещах

направо-налево. Короче, если б мне сопутствовала удача, Мисако планировала представить дело так, будто все заслуги принадлежат ее муженьку. Дело настолько важное, что оно открыло бы этому заурядному типу путь вверх по карьерной лестнице. Вот какой у нее был расчет.

– Неужели... – начал было я и запнулся. – Ты уж чересчур... Чтобы она да так...

– Хочешь сказать, что она не производит такого впечатления? Так в ее плане нет ничего особенно дурного. Для замужней женщины совершенно нормально.

– Тебя послушать – все женщины расчетливы. Это несправедливо.

– А то, что мужики одержимы мыслью, что женщина должна быть воплощением скромности и добродетели, справедливо?

Я не нашел что ответить.

– И спорить на эту тему бесполезно, – продолжал Митарай. – Все равно что пытаться убедить сёгуна Иэясу Токугава в пользу кондиционеров.

– Значит, ты считаешь, что все женщины меркантильны и корыстны?

– Почему же все? Раз на тысячу может попасться замечательный экземпляр, который не только заботится о своей выгоде, но и думает о других.

– На тысячу?! – возмутился я. – Не многовато ли? Может, согласишься на одну к десяти? Не возражаешь?

– Не возражаю, – рассмеялся Митарай.

Мы помолчали. Мой друг был прав: дальше говорить на эту тему не имело смысла. Наконец, оканчивая паузу, он спросил:

– Теперь мы знаем все об этом деле? У нас в руках все необходимые ключи? Как думаешь?

– Думаю, еще не все.

– Мы вроде разобрались с Масако, второй женой Хэйкити Умэдзавы. Она родом из Аидзувакамацу. Когда произошли интересующие нас события, ее родители были живы. О братьях, сестрах и других родственниках информации нет; да, думаю, она нам и не понадобится. А вот первая жена, Таэ... Что ты о ней знаешь?

– Ее девичья фамилия Фудзиэда. Родилась в Сагано, на окраине Киото, в местечке Ракусися.

– Вот так совпадение! Мы как раз в те места едем.

– Единственный ребенок в семье. Ни братьев, ни сестер. Когда Таэ подросла, семья переехала в Имадэгава в районе Каминогё и открыла лавку традиционных тканей. Однако то ли им не сопутствовала удача, то ли у родителей предпринимательской жилки не оказалось, но дела у них пошли неважно. Стало еще хуже, когда мать заболела и слегла. Помочь было некому

– родня жила далеко. У отца семейства был старший брат, но он проживал в Маньчжурии.

В итоге мать Таэ умерла, лавка прогорела, жить стало не на что. Отец повесился, посоветовав перед смертью дочери обратиться за помощью к маньчжурскому дяде. Печальная история. Таэ, однако, не поехала в Маньчжурию, предпочла Токио. Как она разобралась с долгами родителей, не знаю. Ей тогда было двадцать лет.

– Она могла отказаться от права наследования.

– А есть такая возможность?

– Есть. Она предусматривает отказ от любых наследственных прав и обязательств, включая долги.

– Понятно. Я не знал. В Токио Таэ устроилась в магазин кимоно, хозяин которого познакомил ее со случайно заглянувшим туда Ёсио Умэдзавой. Таэ тогда было года двадцать два – двадцать три. Хозяин жалел девушку, очень добрую и порядочную, хорошую работницу. Это лишь мое предположение, но он, видимо, устроил ей смотрины, как бы в шутку. И получилось так, что Ёсио решил познакомиться с Таэ старшего брата.

– Казалось, счастье наконец улыбнулось ей, но кончилось все разводом, – заметил Митарай.

– Да, бывают такие несчастливые люди. Рок, что ли, над ними висит? Значит, это ее судьба – всю жизнь продавать сигареты в своей лавчонке в Хоя.

– Так оно и есть. Расположение звезд изначально предполагает, что судьба у людей разная. Что еще ты можешь сказать о Таэ?

– Пожалуй, добавить особо нечего. Впрочем... хотя, наверное, это не имеет отношения к делу... Таэ с детства собирала сингэны – такие маленькие сумочки или кошельки из парчи, которые женщины носят с кимоно. Ну ты знаешь! Они затягиваются шнурком, чтобы из них ничего не выпало. У нее их много набралось. Так вот, говорят, она мечтала делать такие сумочки и продавать. Вернуться на родину, в Ракусися, открыть там магазинчик. Она соседям об этом рассказывала. Судя по всему, все добрые воспоминания у Таэ остались там.

– Но после всех этих убийств и когда кончилась война, ей досталось приличное наследство. Авторские гонорары от проданных картин. Разве не так?

– Таэ этим наследством не очень дорожила. К старости она ослабела, много лежала, редко выходила из дома. На себя почти не тратила. Если ей что-то было надо, обращалась к соседям и никогда не забывала их отблагодарить. Жила как хотела, без родных и близких. Деньги у нее водились. Наверное, она отдала бы почти все человеку, который отыскал бы Азот.

– Но с деньгами она же легко могла открыть в Сагано магазин, исполнив свою мечту...

– Могла, конечно. Но здоровье было уже не то. В Хоя Таэ замечательно сошлась с соседями, и перебираться в Сагано, где у нее никого не осталось, она не решилась. Да и возраст уже не позволял. Так что она никуда не поехала. Так и умерла в Хоя.

– Вот оно как... А что стало с ее имуществом, деньгами?

– О! С этим интересно получилось. Когда Таэ уже лежала при смерти, откуда ни возьмись появилась родственница, внучка того самого брата отца Таэ, который жил в Маньчжурии. Что называется, выбрала подходящий момент. Ей все и досталось. Таэ вроде написала завешание в ее пользу, и та еще успела поухаживать за больной.

Таэ охотно делилась деньгами с соседями. Неудивительно, что многие в округе плакали, когда она умерла.

– Может, ее тоже убили? Кто-нибудь из тех, кому денег не досталось... Шутка! Ладно, с Таэ разобрались. А что еще ты знаешь о Ясуэ Томите, владелице «Медичи»?

– Больше ничего. Известно только, что она из хорошей семьи.

– Тогда расскажи о жене Ёсио Умэдзавы.

– Аяко? Девичья фамилия Ёсиока. Родилась в Камакуре, у нее был старший брат. Ёсио познакомился с ней через своего коллегу, которому был обязан. Этот человек вышел из семьи священника. Что-нибудь еще хочешь знать?

– Думаю, достаточно. То есть ничего драматического в прошлом, верно?

– Ну да. Самая обыкновенная женщина.

Подперев подбородок ладонью, Митарай долго смотрел в темноту за окном экспресса и о чем-то думал. Вагон был ярко освещен, и в темных окнах, как в зеркале, четко отражались и мы, и все, что нас окружало. То, что мчавшийся поезд оставлял позади, разглядеть было невозможно. Прижавшееся к оконному стеклу лицо Митарай с моего кресла напоминало очертаниями вход в таинственную пещеру.

– Выходит Луна, – вдруг заговорил Митарай. – И звезды здесь видны. Стоило только отъехать от города с его знаменитым на весь мир смогом... Видишь рядом с Луной немерцающую звездочку? Это не звезда, а Юпитер. Планеты легче искать, когда Луна на небосводе. Каждый человек ее видит.

Сегодня пятое апреля, и Луна находится в созвездии Рака. Скоро перейдет ко Льву. Юпитер тоже в созвездии Рака, в двадцать девятом градусе, и скоро встанет с Луной в один ряд, близко к ней. То есть Луна движется по небу так же, как планеты.

Мы живем, а у нас над головой, не останавливаясь, движутся планеты. И ты понимаешь, как на этом фоне мелки и незначительны все наши дела и поступки.

Возомнившие о себе бог знает что люди, теряя голову, бьются за то, чтобы стать хоть немного богаче, обойти конкурентов любой ценой. А Вселенная тем временем работает четко и размеренно, словно механизм гигантских часов. Наша планета – всего лишь маленький зубчик в одной из его шестеренок, а люди – не более чем бактерии, приютившиеся где-то в уголке.

Эти никчемные существа радуются, страдают, всю жизнь проводят в непрестанной суете. Они настолько малы, что не могут охватить взглядом часов Вселенной, самодовольно полагая, что никак не зависят от этого механизма. Ситуация комическая! Когда я об этом думаю, меня разбирает смех. Предположим, накопит такая бактерия ничтожный капиталец. А зачем он ей, если она все равно не успеет им попользоваться как следует, умрет раньше? К чему все это бессмысленное мельтешение? – усмехаясь, говорил Митарай.

– И вот одна такая бактерия всполошилась, вскочила в поезд и мчится в Киото, чтобы утереть нос жирной бактерии по имени Такэгоси... – Я громко рассмеялся.

– Человек идет по жизни от одного грехопадения к другому, – констатировал мой друг.

– Что мы будем делать в Киото?

Я сам удивился, почему до сих пор не задал этот важный вопрос.

– Повидаемся с Тамио Ясукавой. Ты ведь хотел бы его увидеть?

– Да, хотелось бы попробовать добаться до него.

– В тридцать шестом году ему было под тридцать, значит, сейчас около семидесяти. Если, конечно, он еще жив. Время-то бежит.

– Да уж... И это всё? Других целей нет?

– В первую очередь – Ясукава. Потом, я уже давно в Киото не бывал, с другом надо встретиться... Хороший малый. Я тебя с ним познакомлю. Мы с ним созванивались недавно. Он должен нас встречать. Он – шеф-повар в ресторане «Дзюнсэй», как раз возле храма Нандзэндзи. Сегодня переночуем у него.

– Ты часто ездишь в Киото?

– Ага. Я там раньше жил. В этом городе мне приходят в голову замечательные идеи.

Акт III

В погоне за Азот

Сцена 1

Ходы на шахматной доске

Выходя из вагона на платформу, Митараи вдруг крикнул во весь голос:

– Эй, Эмото!

Стоявший привалившись к столбу высокий парень будто проснулся и не торопясь двинулся к нам.

– Давненько не виделись, – проговорил он, пожимая руку моему другу. – Как дела?

– Рад тебя видеть. Дела?... Так себе.

С этими словами Митараи представил меня приятелю.

Эмото было двадцать пять лет. Высокий парень – сто восемьдесят пять сантиметров, с короткой стрижкой, как почти у всех поваров.

– Где твои вещи? Что-то ты совсем налегке...

– Так вышло. Времени на сборы не нашлось.

– В хорошее время приехали. Сакура в самом цвету, – сказал Эмото.

– Что? Сакура? – Было видно, что сакура – последнее, что могло прийти в голову Митараи в этот момент. – Ну да, конечно. Исиока будет рад посмотреть.

* * *

Эмото жил в районе Нисикёгоку, в юго-западной части города. Если посмотреть на карту – в левом нижнем углу.

Пока он вез нас к себе, я рассматривал в окно автомобиля вечерний город. Надеялся увидеть типичные для Киото старые улочки, но они остались где-то в стороне. Вместо них мимо проплывали неоновые вывески и современные здания, из окон которых струился мягкий свет. Все как в Токио, ничем не отличается. В Киото я оказался впервые.

Квартира Эмото состояла из небольшой гостиной и двух спален. Мы с Митараи разместились в одной комнате.

- Завтра много дел, надо поспать, - сказал Митарай, ныряя под одеяло.
- Тебе понадобится машина? - поинтересовался из-за перегородки Эмото.
- Нет, - отозвался Митарай.

* * *

На следующее утро мы сели в электричку и по линии Ханкю отправились в район Сидзё Каварамати. Из записок Бундзиро Такэгоси мы знали, что Тамио Ясукава жил в двух шагах от станции Каварамати.

- Его адрес: Тюкё-ку, Томинокодзи, Роккаку-агару. Ты знаешь, как в Киото искать дом по адресу?

- Нет. Не так, как в Токио?

- По-другому. Сейчас расскажу. В Киото улицы спланированы как шахматная доска. Дом Ясукавы стоит на улице Томинокодзи, которая идет с севера на юг, а улица Роккаку - с востока на запад. Их пересечение нам и нужно. А «агару» означает, что дом расположен «выше» Роккаку, то есть немного к северу.

- Ага!

- Сейчас сам увидишь.

На конечной станции мы вышли на платформу и стали подниматься по лестнице.

- Сидзё Каварамати - самый шумный и многолюдный район Киото. Все равно что Гиндза и Яэсу в Токио. Особенно если идти от станции в ту сторону. Еще это место мне напоминает Хиросиму. Но те, кто от Киото без ума, его не любят. Считают самым плохим районом после телебашни.

- За что же он такое заслужил?

- Они считают, что район не соответствует традиционному имиджу Киото.

Преодолев ступеньки, мы оказались на улице, и вместо старых деревянных построек я увидел современные здания, напомнившие мне Сибую. Где же старый Киото, который я видел на фотографиях и открытках?

Митарай быстро зашагал вперед, я последовал за ним. Перейдя на перекрестке на другую сторону улицы, мы продолжили путь вдоль узкой речушки, такой мелкой, что можно было пересчитать камни на дне. То тут, то там в потоке колыхались водоросли. Вода в речке оказалась на удивление чистой.

Такого в Токио точно не увидишь. Чистых речушек не найти ни на Гиндзе, ни в Сибуе. Солнечные блики, отражаясь от поверхности воды, весело прыгали по каменистой насыпи.

– Речка называется Такасэгава, – сообщил Митарай.

По его словам, вообще-то это была не речка, а канал, вырытый в старину купцами, чтобы перевозить по нему грузы. Уж больно мелкий канал, подумал я. Погрузишь на лодку три мешка риса, и она уже днищем по дну чертит будет. Или каналом уже давно не пользовались и он из-за этого обмелел?

Митарай вдруг остановился:

– Пришли!

– Что здесь?

– Китайская кафешка. Надо подкрепиться.

За едой я думал о Тамио Ясукаве. Ему сейчас за семьдесят, так что, должно быть, уже удалился на покой. Можно подозревать его сколько угодно, но клейма преступника на нем нет. Живет себе, наверное, старичок тихо-мирно и ничем не заморачивается. Однако в моем воображении он почему-то представлял в виде запущенного бродяги, спящего в грязной съемной комнатухе прямо в одежде и в обнимку с бутылкой.

О существовании Ясукавы я узнал из книжки «Семейство Умэдзава и убийства по Зодиаку». Думаю, до нас его посетило немало непрошенных гостей. Это меня не смущало. Я просто-таки горел желанием вытянуть из Тамио Ясукавы доказательство того, что Хэйкити Умэдзава не умер в ту февральскую ночь 1936 года. Интересно, а что хочет спросить у Ясукавы Митарай?

Нужный нам адрес был совсем недалеко от кафе.

– Вот Томинокодзи... В той стороне Роккаку... Значит, где-то здесь, – говорил Митарай. – Туда нам не надо – там уже другая улица. Точно здесь. Жилой дом тут только один... Наверное, он снимает квартиру.

Продолжая говорить, Митарай стал подниматься по металлической лестнице. На первом этаже дома располагался бар под названием «Бабочка». В этот час, конечно, он был закрыт. Выкрашенная белой краской дверь с отслоившимся внизу декоративным шпоном ярко сверкала под лучами утреннего солнца.

Рядом, почти вплотную к дому, была еще какая-то забегаловка. Лестница больше походила на щель, карабкаться по ней приходилось по одному.

Поднявшись, мы оказались в коридоре, где висели почтовые ящики. Мы проверили их, но фамилии Ясукава не обнаружили.

На лице Митарай появилось выражение растерянности – неужели я ошибся? Но он тут же взял себя в руки и с прежней уверенностью постучал в ближайшую дверь.

Реакции не последовало. Наверное, еще спят, подумал я. Стук в следующую дверь – результат тот же.

– Вот черт! – выругался Митарай. – Наверное, думают, что мы хотим им впарить что-нибудь. Сейчас торговые агенты повадились ходить по домам... Давай зайдем с другого конца.

Он направился в дальний конец коридора и постучал еще раз. На этот раз за дверь кто-то зашевелился, дверь приоткрылась и показалась голова.

– Извините. Мы торговлей не занимаемся. Разыскиваем господина Тамио Ясукаву. Пожилой такой. Он в вашем доме не проживал?

– А-а, Ясукава-сан? – протянула обладательница головы, пожилая толстуха. – Так он уже давно съехал.

Митарай бросил на меня быстрый взгляд, как бы говоря: «Я так и думал».

– Вот оно что!.. А куда он переехал, не знаете?

– Хм-м, так это когда было! Вы лучше соседа спросите. Он наш домовладелец. Хотя, может, его дома нет... Тогда ищите его в Кита Сиракава. Там он еще пивную держит.

– А как называется?

– «Белая бабочка». Если он не тут, то там. И наоборот.

Поблагодарив толстуху, Митарай закрыл дверь. Соседа, как и следовало ожидать, дома не оказалось.

– Что ж! Едем в Кита Сиракава. Как зовут этого домовладельца?.. Окава! Поехали.

* * *

Пока мы тряслись в автобусе, я смог разглядеть из окна несколько храмов под черепичными крышами. Миновали тянувшуюся вдоль улицы глинобитную стену. Наконец-то я увидел то, что хотел. Старый город. Неплохо было бы пожить тут немного.

Сойдя с автобуса в Кита Сиракава, мы сразу увидели «Белую бабочку». Она находилась совсем рядом с остановкой. Мы приехали вовремя – из двери вышел мужчина лет сорока.

– Окава-сан?

Мужчина сразу остановился и по очереди обвел нас взглядом.

Митарай вкратце объяснил цель нашего визита и спросил, не знает ли Окава, куда переехал Тамио Ясукава.

– М-м... Дайте подумать. Столько времени прошло... Так прямо не скажу. Надо посмотреть журнал, а он дома. А вы, случаем, не из полиции, раз спрашиваете?

В Японии, пожалуй, трудно найти людей меньше похожих на полицейских, чем мы с Митарай. Женщин, разумеется, в расчет не берем. Я уловил в вопросе Окавы некую иронию.

Митарай невозмутимо усмехнулся:

– А что, похоже?

– Можно ваши визитки посмотреть?

У меня внутри что-то сжалось, а Митарай нахмурился так, что между бровей залегла складка, и тихо, почти шепотом, проговорил:

– В таких делах, Окава-сан, мы не имеем права раздавать визитки. В иных обстоятельствах, возможно, было бы по-другому. Вам доводилось слышать об Агентстве общественной безопасности? Есть такая контора при кабинете министров...

Лицо Окавы вдруг разом побелело.

– Да я только имя... – выдавил он из себя.

Я впервые слышал о такой организации.

– Я вам ничего не говорил. Забудьте, – многозначительно предупредил Окаву Митарай. – Так когда у нас будет адрес?

Окава переменился в лице.

– Вечером... Да-да, к пяти часам. У меня сейчас неотложное дело в Такацуки. Я должен ехать... одна нога здесь – другая там. В пять нормально будет? Может, раньше получится... Вам удобно будет мне позвонить?

Мы записали его телефон и немедленно удалились. Едва перевалило за полдень, оставалось еще пять часов. Конечно, хотелось получить адрес Тамио Ясукавы поскорее, но что поделаешь?

Мы вышли к реке Камогава.

– Ну ты даешь! У тебя прямо талант. Настоящий аферист. – Мне захотелось подколоть Митарай.

Он усмехнулся в ответ. Было видно, что у него нет ни малейшего желания раздумывать над тем, как он повел себя с Окавой.

– Считаешь, надо было честно признаться ему, что мы частные детективы, да еще визитки вручить?

Шагая по берегу реки, Митараи наверняка тоже думал, что мы теряем драгоценное время. Уже 6 апреля, пятница; не успеешь глазом моргнуть, как неделя пролетит.

– Как ты? – неуверенно спросил я.

– Нормально, – ответил мой друг.

Мы долго шли рядом в молчании, пока впереди не показался мост, по которому торопливо катили машины.

Я узнал высокое здание у моста. Мы вернулись в Сидзё Каварамати, туда, где утром сошли с электрички. Я немного устал – да и в горле пересохло – и собрался уже предложить зайти в кафе, выпить чего-нибудь прохладительного, но в этот момент Митараи заговорил:

– Чего-то во всем этом не хватает. Какой-то очевидной мелочи. – Он опустил глаза, сведя брови к переносице. – Это дело напоминает мне искусство авангарда, гротескную фигуру из металлолома. Ситуация кажется абсурдной, потому что в какой-то точке чего-то не достает. Мы вытягиваем булавки по одной, поэтому топчемся на месте. И всем всё понятно, все довольны.

К этому делу мы с самого начала подошли недостаточно серьезно. Следствие изначально совершило недопустимый промах. Вот именно: изначально! Без этого рокового промаха дело, которое мы пытаемся распутать, не заслужило бы репутацию невероятного, беспрецедентного преступления. Сорок лет детективы всей Японии миллион раз повторяли одну и ту же ошибку. И я – один из них...

Сцена 2

Профанация

Мы сидели в кафе, не спеша потягивая заказанный сок. Торопиться некуда, надо было как-то убить время. До пяти оставалось уже немного. Наконец Митараи резко поднялся и подошел к розовому телефону.

Разговор занял несколько секунд. «Понял!» – бросил мой друг и подошел к нашему столику.

– Перерыв окончен. Пошли! – не присаживаясь, скомандовал он.

Улица была запружена народом – как раз кончился рабочий день. Пробравшись сквозь толпу, Митараи направился к мосту, за которым находилась железнодорожная станция. Теперь нам была нужна другая линия – Кэйхан.

– И где же он живет? – спросил я.

– Префектура Осака, город Нэягава, район Коямати. Линия Кэйхан, станция Кориэн. Нам туда. – Он махнул рукой в сторону станции на том берегу Камогавы.

– Кориэн... Красивое название[46], – заметил я.

Станционная платформа вытянулась вдоль реки. Стоя на ней в ожидании поезда, мы наблюдали, как вода у нас под ногами медленно окрашивалась в цвет вечерних сумерек.

На станцию Кориэн электричка прибыла, когда уже смеркалось. Название станции не имело ничего общего с тем, что мы увидели: сплошной ряд сверкающих огнями и вывесками питейных заведений. Для отработавших целый день наступал час развлечений.

Уже появились первые шатающиеся личности. Их уверенно обгоняли спешившие на работу «ночные бабочки».

Когда мы нашли нужный нам дом, солнце уже скрылось. Постучали в дверь с табличкой «Администрация», ответа не было. Поднявшись на второй этаж, стукнули в первую попавшуюся дверь. Из нее выглянула средних лет женщина, заявившая, что никакого Ясукавы она не знает.

В другой квартире нам повезло больше. «Съехал тут от нас недавно один. Может, он Ясукава и есть, – сказал жилец. – Но я с ним не общался, и куда переехал, не знаю... Спросите лучше внизу у управляющего».

Митарай не скрывал разочарования. Пока нам приходилось только ногами работать.

Мы снова направились в администрацию. Теперь, на нашу удачу, управляющий оказался на месте. Выслушав нас, он подтвердил, что Ясукава уехал из их дома. На вопрос «куда» ответил:

– Я не спрашивал. Они вроде не хотели рассказывать. Чего я буду лезть с вопросами... Им вообще было не до меня, дед-то умер.

Мы воскликнули в один голос:

– Умер?! Тамио Ясукава?!

– Тамио? Ну да, вроде так его и звали...

Итак, Тамио Ясукава мертв. Я почувствовал, как меня покидают силы. Оставалось лишь догадываться, как, уехав из Токио, он прожил эти сорок лет, на которые выпала война. Это старый, выкрашенный растрескавшейся известкой дом в Нэягаве стал его конечной остановкой.

Неожиданно управляющий поведал нам кое-что, чего мы не знали. Выяснилось, что Тамио Ясукава жил не один, а с дочерью, которой было уже за тридцать. Она вышла замуж за плотника, родила двух детей. Один ребенок ходил в школу, другому исполнился то ли год, то ли два.

Лампочка перед входом в помещение администрации то и дело мигала. Пора менять. Управляющий с досадой перевел взгляд на потолок.

Выйдя на улицу, я обернулся и еще раз посмотрел на дом, в котором жил Ясукава. Трудно передать, какие чувства я испытывал. На душе было горько, как в детстве, когда меня наказывали за озорство. Не оставляла мысль, что мы развернули охоту на человека, пытались сквозь шелку подсматривать за его жизнью и тем самым осквернили память о нем.

Митарай тоже, похоже, колебался: стоит ли теперь заниматься дочерью Ясукавы?

Прощаясь с нами, желавший нам как-то помочь управляющий добавил:

– Если вы в самом деле хотите знать, куда они переехали, обратитесь в транспортную компанию, которая их перевозила. Это было месяц назад. Фирма называется «Нэягава унсо». Аккурат возле станции.

– Который час? – обратился ко мне Митарай.

– Десять минут девятого.

– Еще есть время! Летим в «Нэягава унсо»!

Мы вернулись на станцию Кориэн и доехали до Нэягавы. Найти транспортную компанию не составило труда, но рассчитывать на многое не приходилось – было уже поздно.

Митарай подошел к входу и списал с вывески номер телефона. За стеклянной дверью, украшенной надписью: «ПЕРЕВЕЗЕМ БЕЗ ПРОБЛЕМ», теплился рассеянный свет. Мы хором крикнули «Добрый вечер!» и уловили за дверью какое-то движение.

Того, что сказал появившийся на пороге старикан, можно было ожидать. «Ничего не знаю. Приходите завтра утром, у молодых спросите. Может, кто и помнит».

Мы извинились и отправились на электричке в свое гнездышко в Нисикёгоку. Правильно ли мы все делаем? Пятница, 6 апреля, заканчивалась. Наверняка Митарай думал о том же самом.

Сцена 3

Мост через Луну

На следующее утро меня разбудил доносившийся из-за перегородки голос Митарай. Он разговаривал по телефону. Эмото поднимался рано и, судя по всему, уже ушел. Я встал, убрал постель и отправился на кухню выпить кофе.

Когда я вошел с чашкой в гостиную, Митарай как раз положил трубку на рычаг.

– Есть! – сказал он, резким движением вырывая из блокнота листок, на котором только что записал что-то. – Осака, район Хигаси Ёдогава. Точного адреса нет, но где-то рядом с автобусной остановкой Тоёсатотё. Это конечная. Там есть круг для разворота автобусов. От него должно быть видно лавчонку с дешевыми сладостями под вывеской «Омития». В сторону по переулку – и там ее дом.

У дочери Ясукавы фамилия по мужу Като. До Тоёсатотё ходит автобус от Умэда. Или можно по линии Ханкю до станции Камисиндзё, а там на автобус пересесть. Едем?

* * *

От Нисикёгоку до Камисиндзё – прямая линия, без пересадок. Добравшись на автобусе до Тоёсатотё, мы увидели далеко впереди металлический мост через реку Ёдогава.

Перед нами была неухоженная деревня – заросшие сорняками пустыри, брошенные тут и там использованные автомобильные шины. Дорога, на которой нас высадил автобус, вела в направлении моста. К ней претензий не возникло – асфальт положили совсем недавно, бетонные отбойники по обочинам еще не потеряли белой краски. По округе были разбросаны убогие старые постройки, больше напоминавшие руины и совершенно не вязавшиеся с проложенной рядом новой дорогой. «Омития» ничем не выделялась на их фоне. Мы зашагали к лавке.

Дома тоже бывают поношенными, как старые шины. Обойдя «Омития» сбоку, мы заметили, что задняя стена лавки обита оцинкованным железом.

Тут же теснились жилые дома на несколько квартир. Проверив почтовые ящики, мы без труда нашли фамилию Като.

По видавшей виды деревянной лестнице поднялись на второй этаж. На длинной открытой галерее сушилось белье. Нагибаясь, чтобы не задеть его, мы наконец добрались до двери с табличкой, на которой мелкими иероглифами значилась фамилия хозяев квартиры – Като.

Из приоткрытого маленького оконца, выходящего на галерею, доносились звуки льющейся воды – в квартире мыли посуду – и плач ребенка.

На стук Митарай кто-то отозвался, но дверь долго не открывали. Не иначе как тарелки вытирают, подумал я.

Наконец на пороге возникла женщина, без следов косметики на лице, с растрепанными волосами. Похоже, она махнула на себя рукой. Митарай начал объяснять, зачем мы пришли. С каждым его словом на лице женщины все яснее читалось сожаление, что она открыла нам дверь.

– Мы хотели немного поговорить о вашем отце...

– Не о чем нам разговаривать! – отрезала женщина. – Отец ничего не сделал! Сколько раз к нему приходили... Оставьте нас в покое!

Дверь с грохотом захлопнулась у Митарай перед носом, ребенок за стеной снова заплакал.

Мой друг не сдержался – закатил глаза и простонал:

– Пошли отсюда!

Меня удивило, что дочь Ясукавы говорила на классическом токийском диалекте, без местного кансайского говорка[47], который слышался здесь со всех сторон. Кансай-бэн так сильно резал ухо, что, казалось, все окружающие нарочно ломают язык, уподобляясь актерам-комикам. Я не ожидал встретить в этих местах человека, говорящего нормально.

– В общем-то, другого я и не ожидал, – заявил Митарай, не желавший признавать поражения. – Да мы и вряд ли многого добились бы от Тамио Ясукавы, будь он жив. Чего уж о дочери говорить... Просто я считал, что в Киото съездить надо, раз у Бундзиро Такэгоси не получилось. Так что забудем о Ясукаве и его дочери.

– И что дальше?

– Надо думать.

Мы вернулись на станцию и сели в электричку.

– Ты вроде говорил, что был в Киото только студентом? – спросил Митарай.

Я кивнул.

– Тогда я посоветую тебе сойти на станции Кацура. Она как раз следующая. Там сделаешь пересадку на Арасияму. Посмотри Арасияму и Сагано. Вот тебе путеводитель. Сейчас сакура в полном цвету. А я займусь другими делами. Надо побыть одному, подумать... До Эмото один доберешься?

* * *

Я сошел с электрички в Арасияме и, влившись в поток людей, не спеша двинулся вперед. Митараи был прав – сакура в этих местах действительно цвела роскошно.

Открылся вид на реку. В Арасияме Кацурагава была широкой. Через реку был перекинут длинный деревянный мост, где я увидел девушку-майко[48] в компании светловолосого юноши, у которого на груди болтался фотоаппарат. Ее обувь на толстой деревянной подошве (не помню, как она называется) мягко постукивала при каждом шаге.

Перейдя мост, я заглянул в путеводитель. Тогэцукё... «Мост через Луну». Откуда такое название? Наверное, когда в реке отражается лунный свет, у людей возникает чувство, будто они проплывают над Луной.

Возле моста стоял деревянный домик, который я сначала принял за храм. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это телефонная будка. Мне даже захотелось позвонить из нее кому-нибудь, но знакомыми в Киото я еще обзавестись не успел.

До Рокусиса было далековато, поэтому, быстро перекусив, я решил прокатиться на трамвае. В Токио трамвай уже не увидишь. Вымирающий вид транспорта.

Я читал в каком-то детективном романе (названия уже не припомню) про одного сыщика, которого в трамвае осенила блестящая идея. У меня такое ощущение, что вместе с исчезнувшим из Токио трамваем канули в Лету и добрые старые детективы.

Куда направляется трамвай, я толком не знал. Сошел на конечной остановке и увидел перед собой железнодорожную станцию Сидзё Омия, от которой начиналась оживленная улица. Пройдя по ней немного, я понял, что уже бывал здесь. Да это же Сидзё Каварамати! Неужели в Киото все дороги ведут в этот район?

Я решил пройти еще немного, посмотреть храм Киёмидзу[49]. «Здорово, что мы сюда приехали», – думал я, шагая к храму по выложенной камнем мостовой улочки Саннэндзака. Потолкавшись в сувенирных рядах, заглянул в чайный домик с низко нависающей крышей, чтобы выпить чашечку сладкого сакэ.

Женщина в кимоно подала мне сакэ и стала разбрызгивать воду по мостовой. Она делала это очень аккуратно, чтобы ни одна капля не попала на стоявшую тут же сувенирную лавку.

Прогулка по Киото порядком меня утомила, и я решил возвращаться в Нисикёгоку.

Сцена 4

На берегу реки

Эмото встретил меня вопросом:

– Ну как тебе Киото?

– Замечательно!

– Где был?

– В Арасияму съездил, посмотрел Киёмидзу.

– А Митараи куда подевался?

– Не знаю. Мы в электричке расстались. Бросил меня.

Эмото посмотрел на меня с сочувствием.

Мы стали готовить на ужин тэмпура, и в это время на пороге появился Митараи. Взглянув на его отсутствующее лицо, я подумал, что так, наверное, должны выглядеть лунатики. Втроем мы уселись за скромный ужин.

Только тут я заметил, что на Митараи пиджак его друга.

– Может, снимешь пиджак? – обратился я к нему. – Чего ты в нем сидишь? Не жарко?

Митараи будто не услышал моих слов. Он сидел не двигаясь и рассеянно глядел на какую-то точку на стене.

– Да сними ты пиджак! – повторил я, на этот раз громче.

Мой друг медленно поднялся со стула и через несколько минут вернулся. Я посмотрел на него: он был в пиджаке, только теперь в своем собственном.

Тэмпура удалась на славу – Эмото действительно был первоклассным поваром. Однако Митараи, кажется, даже не понял, что он ел.

– Завтра воскресенье, – проговорил Эмото, обращаясь к приятелю. – У меня выходной. Я хотел свозить Кадзуми в Ракухоку. Как вам идея?

Я, конечно, обрадовался, но вида не подал.

– Кадзуми рассказал мне: ты все думаешь, уже голову, наверное, сломал, – продолжал Эмото. – Почему бы тебе тоже не прокатиться? Если, конечно, других планов нет.

Митараи послушно кивнул:

– Хорошо. Только я на заднем сиденье. Посижу, помолчу.

* * *

Пока мы ехали в Охару – северный пригород Киото, где расположен храм Сандзэнъин, Митарай, как и обещал, не проронил ни слова. С каменной беспристрастностью он восседал на заднем сиденье, словно Будда.

В Охаре пообедали. Эмото приправлял каждое блюдо остроумными профессиональными комментариями, но Митарай по-прежнему оставался ко всему безразличен.

Мы с Эмото замечательно поладили. Хороший он парень – показал нам университет Досия, университет Киото, замок Нидзё, храм Хэйан, императорский дворец и киногород Удзумаса. Мы объехали с ним почти весь Киото. В Каварамати, как мы ни отказывались (точнее, отказывался только я один), Эмото еще и суси нас накормил, а потом угостил кофе в уютной кофейне, где играла классическая музыка.

Это был замечательный день – воскресенье, 8 апреля. Единственное что – в своем расследовании мы не продвинулись ни на йоту.

* * *

Проснувшись на следующее утро, я не застал в квартире ни Митарай – его постель уже была холодная, – ни Эмото.

Проголодавшись, я вышел на улицу, перекусил в кафе и, переходя от одной книжной лавки к другой, миновал станцию, перешел мост, перекинутый через какую-то речушку, и оказался в спортивном городке, в центре которого красовалась бейсбольная площадка. Мимо, переговариваясь между собой, пробежали джоггеры в тренировочной форме. Я вернулся мыслями к делу, которое мы расследовали.

После того как Митарай от меня отделился, мы не сделали ни шагу вперед. Но дело это никогда не выходило у меня из головы.

Дело семьи Умэдзава имело какую-то магическую силу. В посвященной ему книге я прочитал про человека, который потратил все свои сбережения на расследование убийств. Другой на этой почве свихнулся: одержимый женщиной-призраком, он покончил с собой, прыгнув с утеса в Японское море. И я могу понять настроение людей, горевших желанием хотя бы одним глазом взглянуть на фантом, называемый Азот.

Я не заметил, как снова оказался у станции, только на этот раз подошел к ней не с фасада, а с тыла. Окрестности Нисикёгоку я исходил вдоль и поперек. Настала очередь Сидзё Каварамати. Мне понравилось кафе с классической музыкой, куда мы заходили накануне. Плюс там рядом

«Марудзэн»[50], где я хотел поискать американский иллюстрированный альманах.

Присев на лавочку на платформе на станции Нисикёгоку, я стал дожидаться электрички в Каварамати. До часа пик было еще далеко. Я поглядел вокруг и увидел всего одну старушку, устроившуюся на освещенной солнцем скамье. Загудели рельсы, я поднял голову в надежде, что подходит моя электричка, однако увидел на приближающемся головном вагоне красные иероглифы «экспресс». Поезд пролетел, закручивая порывы ветра. Со стоявшей на солнце лавочки сорвалась кем-то оставленная газета и перелетела в тень, где сидел я. В эту минуту перед моими глазами неожиданно возник пейзаж, открывшийся перед нами в Тоёсатотё, куда мы с Митараи приехали на автобусе: насыпь вдоль реки, пустыри, валяющиеся тут и там старые шины. Эта неприглядная картина ассоциировалась у меня с дочерью Тамио Ясукавы, ее классическим токийским диалектом.

Чем сейчас занимается Митараи? Впрочем, что бы он ни делал, остается вопрос: как вести дальше расследование, не поговорив с ней? Я вскочил с лавки и перешел по лестнице на противоположную платформу. Теперь мне нужна была электричка до Камисиндзё.

Когда я сошел с поезда, часы на платформе показывали начало пятого. Сначала я думал пересесть на автобус, но в конце концов решил прогуляться по незнакомому месту пешком.

В Камисиндзё признаки оживления можно было наблюдать только на прилегающих к станции улочках. Но стоило отойти немного в сторону, как жизнь сразу замирала. По пути попадались закусочные, где прямо на улице готовили пельмени с вареным осьминогом и лепешки окономияки с самой разной начинкой. Мне вспомнилась Осака, где эта еда считается фирменным блюдом.

До знакомого места пришлось идти прилично. Наконец вдалеке снова показался мост через Ёдогаву. А вот и автобусный круг, а за ним лавчонка со сладостями.

Уверенности, что дочь Тамио Ясукавы захочет со мной говорить, у меня не было. И все же я надеялся, что у нее сохранился хотя бы небольшой интерес к делу семьи Умэдзава. Все-таки ее отец имел к нему некоторое отношение. А если рассказать ей о записках Бундзиро Такэгоси, она обязательно должна откликнуться на мою просьбу. Такой у меня был расчет.

Во-первых, я не полицейский. Во-вторых, для оправдания непрошеного визита можно попытаться схитрить – сказать, что я давний друг дочери Бундзиро и поэтому у меня была возможность прочитать записки ее отца.

Не будет ничего страшного, если я назову имя Такэгоси. Дочь Ясукавы говорила, что из-за отца ей порядком досталось. Так что она имеет право знать содержание записок Такэгоси.

Я хотел заполучить хоть какой-то ключ, любой намек на то, что Хэйкити Умэдзава остался жив. И еще очень интересно, как Тамио Ясукава жил после гибели практически всей семьи Умэдзава. А вдруг между ним и Хэйкити была какая-то связь?!..

На этот раз белья на галерее никто не сушил. Я постучал, дверь отворилась. Увидев меня, женщина помрачнела.

– Э-э... вот... – заторопился я, изо всех сил стараясь протолкнуть в дверную щель несколько слов. – Сегодня я один. У меня есть информация по этому делу, о которой еще никто не знает. Мы узнали о ней случайно, и я хочу вам рассказать...

Вид у меня, наверное, был такой серьезный, что дочь Ясукавы неожиданно улыбнулась и сделала шаг мне навстречу.

– Мне надо посмотреть, чем ребенок на улице занимается. Пойдемте к реке? – предложила она.

Второй ребенок, совсем маленький, сидел у нее за спиной. «Мы всегда здесь гуляем», – сказала она, поднимаясь по насыпи, которая сдерживала Ёдогаву в берегах во время разливов. С насыпи открывался вид на широкое речное русло. Дочь Ясукавы обвела его взглядом, но старшего отпрыска нигде видно не было.

Она замедлила шаг, и я стал торопливо излагать то, что мы узнали от Бундзиро Такэгоси. Ожидания мои не оправдались – мой рассказ особого интереса не вызвал. Она слушала меня молча, и, когда я кончил, заговорила:

– Я выросла в Токио. Мы жили в районе Камата, у станции Хасанума. Камата от нас следующая остановка по линии Икэгами. Мама всегда ходила туда пешком, чтобы не платить за электричку. – Дочь Ясукавы улыбнулась. Улыбка показалась мне горькой. – Что касается отца... это же давно было, до войны, я тогда еще не родилась и мало что знаю. Поможет ли это вам...

Отца после трагедии с Умэдзава забрали в армию. На войне его ранили, повредили правую руку. Когда он вернулся, они с мамой поженились. Отец был добрый, ласковый. Но со временем все изменилось, и кончилось тем, что ему пришлось жить на пособие. Он был игрок, каждый день пропадал в Омори на лодочных гонках или на ипподроме в Ои. Денег стало не хватать, маме пришлось работать.

Постепенно ей все надоело, она не могла больше терпеть. Эту жизнь в двадцатиметровой комнате, побои – отец, выпив, стал поднимать на нее руку. Потом у него с головой начались проблемы – начал выдумывать, что видел людей, которых уже давно не было на свете...

Я напрягся.

– Кого он видел? Кто были эти люди? Не упоминал ли он Хэйкити Умэдзаву?

– Да, я слышала от него эту фамилию. Но мне кажется, он просто хотел, чтобы ему дали денег. К тому же он много пил, а может, еще и морфий употреблял... Так что ему что угодно могло померещиться.

– Однако нельзя совсем исключать, что ваш отец действительно видел Хэйкити Умэдзаву. Значит, тот остался жив. А если так, в этом запутанном деле многое становится ясным, – возбужденно проговорил я.

Становится понятно то, о чем мы много говорили с Митараи: почему у трупа Хэйкити не было бороды, почему Кадзуэ, заманив в ловушку Бундзиро Такэгоси, была убита... И то, что, кроме Хэйкити, больше ни у кого не было мотива убивать девушек.

Но мое воодушевление не произвело большого впечатления на дочь Ясукавы. Ребенок у нее за спиной все время беспокойно возился. Ветер с реки играл ее волосами, выбившимися из уложенного на затылке пучка и падавшими на лоб и щеки.

– А ваш отец говорил что-нибудь об Азот? Что он ее видел, например...

– Вроде что-то слышала, но ведь я тогда маленькой была... Вот про Хэйкити Умэдзаву я от него слышала не так давно, однако мне все это было неинтересно. Не мое дело. Мне это имя неприятно. Добрых воспоминаний у меня с ним не связано.

Как только о деле Умэдзава заговорили, к отцу повалили разные странные люди. Как-то раз прихожу из школы, а у нас дома сидит совершенно незнакомый человек. Ждет, когда отец вернется. В квартире всего одна комната, повернуться негде, а «гость» все сидит и глазеет. Невыносимо! Я до сих пор помню этот момент. Вот почему мы в Киото переехали.

– Да уж... досталось вам, конечно... Я не знал. Извините за беспокойство, пожалуйста.

– Ну что вы! За что тут извиняться... Это вы меня извините, что я вас так приняла вчера.

– А что ваша мама?

– Они с отцом развелись. Для него это был такой удар... Мама хотела забрать меня, но он не отпустил. Я его жалела и решила остаться с ним. Отец был очень добрый, ни разу меня пальцем не тронул. Я очень жалела, что ему пришлось оставить любимую работу. Жизнь у нас была не приведи господь, но тогда все так жили, а некоторые семьи – еще хуже.

– А у отца были близкие друзья?

– На бегах и в пивных он столько знакомых завел! Но близкий друг у него только один. Сюсай Ёсида. Отец не просто считал его другом, он его по-настоящему почитал.

– Что за человек этот Ёсида?

– Он – специалист в китайской астрологии. Предсказывает судьбу. Лет на десять моложе отца. Они познакомились в Токио, в каком-то баре.

– В Токио?

– Да.

– Значит, отец интересовался гаданием?

– Как сказать... Не думаю. В Ёсиде отца привлекало его хобби – изготовление кукол.

– Кукол?!

– Ну да. Они на этом и сошлись. А когда Ёсида-сан почему-то перебрался в Киото, отец последовал за ним.

Итак, появился еще один человек, на которого стоит обратить внимание. Сюсай Ёсида...

– С полицией вы об этом говорили?

– С полицией? Нет, с полицией об отце я не беседовала ни разу.

– То есть полиции о Ёсиде ничего не известно? А частным детективам? Им вы не говорили?

– Я с этими людьми дела не имею. Вы – первый.

Мы шли рядом по берегу реки. В лучах солнца, быстро клонившегося к западу, я мог видеть лишь контур лица женщины, по которому прочитать выражение самого лица было невозможно. Я понял, что разговор надо заканчивать.

– Мне хотелось бы знать ваше мнение. Последний вопрос. Хэйкити Умэдзава действительно умер, как вы думаете? И была ли создана Азот? Что думал об этом ваш отец?

– Даже не знаю, что вам ответить. Мне совсем не хочется об этом думать. А отец? Что ж отец... Когда он пил, смотреть на него было тяжело. Что он мог думать? Я уже говорила: мне кажется, это всё пьяные бредни, и принимать их всерьез... Вы бы меня поняли, если б видели отца в то время... Почему бы вам не поговорить об этом с Ёсида-сан? Ему отец полностью доверял и мог рассказать все.

– Ёсида... Как его имя?

– Сюсай его зовут.

– А где он живет?

– Точного адреса и телефона я не знаю. Я видела-то его всего один раз. Отец говорил, что он живет в северном районе, недалеко от гаража Карасума. Это место вам любой покажет. В самом конце улицы Карасума.

Попрощавшись с дочерью Ясукавы, я прошел немного по насыпи и спустился к реке. Обернулся назад и увидел, как женщина, покачивая младенца, растворялась в сумерках. Она ни разу не оглянулась.

Я решил попробовать пройти через заросли тростника, облюбовавшего себе русло реки. Подойдя ближе, убедился, что тростник здесь рос гораздо выше, чем я предполагал, – верхушки двухметровых стеблей раскачивались у меня над головой. Узкая, протоптанная кем-то тропинка углублялась в заросли,

будто в туннель. Земля под ногами становилась топкой. Пахло сухим тростником.

Я неожиданно оказался у самой кромки воды, ласково набегавшей на затверделую черную почву у меня под ногами. Слева вдалеке темнели в сумеречном свете очертания металлического моста, на котором поблескивали фары проезжавших автомобилей.

Я был погружен в мысли, думал о том, что теперь у меня в руках важный ключ, о котором не знают ни полиция, ни Митараи.

Сюсай Ёсида... О чем говорил с ним Тамио Ясукава? Не было ли в их разговоре доказательств того, что Хэйкити Умэдзава, скорее всего, не умер? Такую возможность никто отрицать не может.

Дочь Ясукавы упорно пыталась меня убедить, что упоминание ее отцом о Хэйкити – это пьяный бред. Но у меня не было сомнений: Тамио считал, что Хэйкити остался жив. Вряд ли это пьяные бредни.

Я взглянул на часы. Пять минут восьмого. Сегодня понедельник, 9 апреля. То есть, можно сказать, день прошел. В четверг – крайний срок. Осталось всего три дня. Прохлаждаться времени нет. В пятницу Бундзиро Такэгоси будет опозорен, не побоюсь этого слова, на всю страну. Продираясь сквозь тростниковые джунгли, я ускорил ход.

Дождавшись автобуса, доехал до Камисиндзё, где сел на электричку. Сошел на конечной станции – Сидзё Каварамати, а оттуда – опять на автобус до гаража Карасума. Как потом выяснилось, я выбрал не лучший маршрут и потерял много времени на пересадках. В результате добрался до Карасума, когда было уже почти десять.

Спросить, где живет Ёсида, было не у кого – вокруг ни души. Я прошелся вокруг гаража вдоль сложенной из блоков стены, отгораживавшей его от остального мира, но таблички с именем нужного мне человека так и не увидел. Делать нечего – я вышел на широкую улицу и отыскал полицейскую будку.

Наконец я стоял перед воротами дома, где жил Ёсида. Но было уже совсем темно, и жильцы, похоже, уже спали. Номера телефона я не знал, так что ничего не оставалось, как отложить визит до завтра.

Вообще-то я не ставил перед собой цель обязательно добраться до Ёсиды именно тем вечером. Я особенно не рассчитывал, что он будет бодрствовать в такое время. Сегодня достаточно того, что я нашел, где он живет. А вот завтра утром первым делом сюда. Приеду пораньше, и вряд ли мы с Ёсидой разминемся, даже если он соберется куда-то.

Успев на последний автобус и последнюю электричку, я вернулся в Нисикёгоку. Митараи и Эмото уже спали. Митараи разложил для меня постель. И хотя он сделал это, больше заботясь о себе – чтобы я не шебуршал рядом с ним постельным бельем посреди ночи, чем из сочувствия ко мне, – я все равно был ему благодарен. Стараясь не издавать лишних звуков, я юркнул под одеяло.

Сцена 5

Кукольник

Пробудившись на следующее утро, я опять не застал Митараи и Эмото. Тьфу ты, уже ушли! Так я и не рассказал своему другу, что удалось вчера узнать у Като-сан, дочери Тамио Ясукавы. Ну что поделаешь! Подустал вчера, вот и проспал.

Хотя ничего страшного. Все равно мы с Митараи в одной команде.

Я встал, оделся и сразу отправился в Карасума. Скоро я уже стоял перед домом, где, как показало мое вчерашнее расследование, должен проживать Сюсай Ёсида. Часы показывали начало одиннадцатого.

Я отодвинул стеклянную входную двери: «Извините, можно?» Из глубины дома, семеня, появилась одетая в кимоно пожилая женщина – видимо, жена Ёсиды. «Ваш муж дома? Мне к вам посоветовала зайти дочь Тамио Ясукавы».

Услышав в ответ: «Он вчера уехал», я был близок к отчаянию.

– Ой! Куда же?!

– В Нагою. Обещал сегодня вернуться. Думаю, к вечеру.

Я попросил разрешения позвонить, чтобы зайти потом, когда Ёсида будет дома. Женщина продиктовала мне номер.

Я был обескуражен – придется ждать до вечера. Не зная, как убить время, дошел до Камогавы и зашагал вдоль реки на юг до слияния с Таканогавой. Место, где сливаются эти две реки, называется Имадэгава. Где-то здесь родители Таэ, первой жены Хэйкити, открыли лавку, которая потом прогорела.

Все мои ассоциации, естественно, были связаны с делом, которое мы взяли расследовать. Митараи самоуверенно заявил младшему Такэгоси, что раскроет загадку, но пока ничего не понятно. Сумеет ли мы во всем разобраться и вычислить преступника? Не думаю, что Такэгоси удовлетворится, если мы просто укажем на кого-то, кто, по нашему мнению, совершил эти убийства. Во-первых, наше заключение будет трудно доказать. Если даже этот человек еще не умер, что мы можем сделать? Узнаем его адрес и придем к нему, дабы убедиться, что он до сих пор жив?

Между тем наступило уже 10 апреля, вторник. Впереди всего три дня, считая сегодняшний, поэтому если мы сегодня не определим преступника, надежд почти не останется. Преступник может жить где угодно: в Вакканай[51], на Окинаве, а то и вообще за границей. Разве сможем мы отыскать его за два дня?

Времени может не хватить. Что ни говори, а преступления были совершены сорок лет назад. Но если у нас все-таки получится, лучше всего действовать так: вернуться в четверг в Токио, в тот же день рассказать Такэгоси и его сестре, что мы установили по делу, и постараться убедить их сжечь записки отца. А если ключ к разгадке удастся найти завтра, в среду, – уехать в Токио завтра же вечером.

Что могу сделать я? Предположим, из слов Ёсиды станет ясно, что Хэйкити жив. Из этого следует одно: преступником является именно он. Однако вовсе не обязательно, что мне удастся выяснить его нынешний адрес. Я узнаю, где Ёсида виделся с ним в последний раз, поеду туда, узнаю, где можно найти Хэйкити, и на следующий день отправлюсь на его поиски. Успею ли я до истечения установленного срока? Большой вопрос.

Время тянулось, как резина. Не в силах больше ждать, в два часа я позвонил домой к Ёсиде из телефонной будки. «Он еще не вернулся, – вежливо ответила жена. – Извините, пожалуйста». Я решил не беспокоить ее какое-то время, подождать до пяти.

Немного посидел в парке, разбитом вдоль Камогавы, заглянул в книжный магазин и наконец зашел в кафе, откуда можно было наблюдать за прохожими. Просидел там почти два часа, остававшиеся до контрольного звонка. Не дотерпев до пяти часов минут пять-десять, бросился к телефону.

Сюсай Ёсида был дома. Только вошел. Я сказал, что немедленно еду к нему, и бросил трубку.

* * *

Ёсида встречал меня на пороге. По словам дочери Ясукавы, ему должно было быть около шестидесяти, однако мне он показался гораздо старше. Глядя на его отливавшую серебром седую голову, я бы дал ему все семьдесят.

Я начал тут же, в прихожей, многословно объяснять, зачем пришел, но хозяин остановил меня: «Пойдемте в гостиную, там все и расскажете». Присев на предложенный диван, я объяснил Ёсиде суть дела. Начал с того, что у моего старинного приятеля недавно умер отец. Разбирая его кабинет, тот нашел какие-то бумаги. И я кратко изложил содержание записок Такэгоси, не называя его имени.

Я сказал, что хочу разобраться в этом деле во имя отца своего друга, и познакомил Ёсиду со своей теорией, согласно которой Хэйкити Умэдзава остался жив, потому что другого объяснения всего происшедшего быть не может.

– Я встретился с дочерью Тамио Ясукавы и из ее рассказа понял, что Ясукава-сан, похоже, склонялся к мысли, что Хэйкити Умэдзава жив до сих пор. Поскольку он делился своими мыслями с вами, я решил, что нам надо

встретиться. Что вы об этом думаете, Ёсида-сан? И еще. Как вы считаете, мог ли Хэйкити в самом деле сделать Азот?

Сюсай Ёсида слушал меня, утопая в удобном, с пастельной обивкой диване. «Очень интересно!» – оценил он мой рассказ. Я посмотрел на него. Серебристая седина, тонкий нос с высокой переносицей, слегка впалые щеки, глаза, то вдруг загоравшиеся пронзительным огнем, то снова наливающиеся мягкостью. В лице Ёсиды чувствовалась какая-то сила, притягивавшая к нему людей. Прямой и стройный, без капли лишнего жира. Я не знал, что он за человек, какой у него характер, но Ёсида не производил впечатления закрывшегося в себе одиночки.

– Я давно и много думал над этим делом, пытался подойти к нему с точки зрения астрологии, но четкая картина у меня так и не сложилась. Здесь где-то пятьдесят на пятьдесят, хотя сейчас, пожалуй, я дал бы шестьдесят процентов за то, что Хэйкити мертв.

Теперь что касается Азот. Я занимаюсь изготовлением кукол. Для удовольствия. Хобби, так сказать. И я бы сказал так: если человек дошел до такого, совершил ради своей идеи столько убийств, он, наверное, довел бы дело до конца.

В этот момент в гостиную вошла жена Ёсиды с подносом, на котором были чай и печенье. Я в смущении поклонился ей несколько раз и тут вспомнил, что пришел в их дом, не купив никакого угощения, как это полагается. Краска залила мое лицо. Неужели я набрался плохих манер у Митарай?

– Извините, что я с пустыми руками. Очень торопился, совсем из головы вылетело...

– Ну что вы, не беспокойтесь.

Теперь у меня появилась возможность осмотреться. Когда я вошел в гостиную, мне было не до того – кровь прилила к голове, как у быка, которому предстоит поединок с тореадором. На полках стояло много книг, судя по корешкам, в основном по астрологии и гаданию, а также целый отряд удивительно реалистично выполненных кукол самых разных размеров, из дерева и синтетической смолы.

Впечатленный качеством работы (куклы и в самом деле были замечательные), я решил немного поговорить на эту тему:

– Это пластмасса?

– Не совсем. Этот материал называется FRP[52], армированный стеклопластик.

– Ого!..

Ёсида меня немного удивил. Он что, английский знает?

– Как получилось, что вы увлеклись куклами?

– Хм-м... Так просто не скажешь. Наверное, это возникло из-за того, что мне интересны люди. Человеку, который не заболел этим делом, объяснить сложновато.

– Вы только что сказали, что на месте Хэйкити Умэдзава сделали бы Азот. Создание кукол имеет такую притягательную силу?

– Наверное, правильнее сказать – магическую. Кукла – это копия человека, его отражение. Это трудно объяснить, но когда делаешь куклу и у тебя получается, чувствуешь, как предмет, которому ты своими пальцами придаешь форму человека, постепенно обретает душу. Я испытывал это чувство много раз. В каком-то смысле в процессе создания куклы заключено что-то пугающее. Ты как будто создаешь мертвую плоть, мертвеца. Так что «притягательная сила» – слишком слабое слово, на мой взгляд.

Японцы традиционно не очень любят делать кукол. Это видно из нашей истории. В древности для погребальных обрядов изготавливали фигурки ханива, которые, по замыслу их создателей, полностью заменяли людей. Это имело лишь символический смысл, не было задачи передать облик человека в скульптуре.

В Японии очень мало статуй и даже портретных изображений людей, в то время как в Греции или Риме они встречаются на каждом шагу, изображая государственных деятелей и разных героических личностей. Статуи, бюсты, барельефы... Облик большинства известных людей сохранен. А наши государственные мужи? Как они выглядели? Ну портреты кое-какие остались, а статуи? Кроме Будды, других статуй в старые времена не ставили.

И дело не в том, что японцы технически не могли их сделать. Они боялись. Им казалось, что статуя или портрет вынимает из человека душу. Поэтому у нас даже живописи так мало.

Изготовление кукол – работа, которую японцы выполняют, стараясь держаться в стороне от чужих глаз. Это не просто увлечение, а серьезный процесс. В нем тело и дух сливаются воедино, и мастер ставит на карту свою жизнь. Когда на изготовление кукол стали смотреть как на хобби? Лишь где-то в конце 20-х годов.

– Получается, Азот...

– Конечно, это чудовишно. Я имею в виду саму идею. Материал для куклы может быть любой, но не человеческое тело. Это совершенно недопустимо. Однако, как я уже говорил, если заглянуть в историю, кукольники изначально работали в мрачном иррациональном духовном мире. Поэтому я понимаю, как мог родиться подобный замысел. Я же японец. Это способны понять люди моего поколения, которым хотя бы раз довелось вложить душу в свою куклу. Понять и прочувствовать. Но совершить такое самому – это совсем другое дело. Для такого должна быть совсем другая мораль... Нет, этот замысел не имеет ничего общего с работой мастера-кукольника.

– Очень интересно, Ёсида-сан. Насчет Азот я понимаю, но почему вы считаете, что Хэйкити умер?

– Я же кукольник. Одно время это дело очень меня интересовало. И потом, я был знаком с Ясукава-сан, который встречался с Хэйкити Умэдзавой, хотя в подробности всей этой истории я не вдавался. Поэтому скажу так: это всего лишь мое предположение. Мне так казалось. А сейчас вы хотите добиться от меня ответа, и мне приходится снова ломать голову... Мне уже нелегко теоретизировать на эту тему, и объяснить вам что-то логически я вряд ли сумею.

Хорошо. Будем исходить из того, что Хэйкити тогда не умер. Но сколько уже лет прошло, а он ведь все это время жил. Вряд ли он умудрился совсем ни с кем не общаться. Даже если укрылся где-то в горах, сделать это гораздо труднее, чем сказать. Человеку нужна еда. Рано или поздно его заметили бы, пошли бы разговоры о каком-то скрывающемся в горах отшельнике. На этом свете человек не может быть свободен. Чтобы не бросаться в глаза, надо жить так, как живут все. Человеку, к примеру, захочется иметь жену, и ее родственники могут что-нибудь пронюхать. Я думаю, в нашей маленькой Японии стать невидимкой невозможно.

Не исключено, что, закончив работу над Азот, Хэйкити сразу же покончил с собой. В таком случае кто-то должен был обнаружить его труп, и тут же пошли бы разговоры. Еще не придумали способ, с помощью которого умерший мог бы утилизировать свое тело. Обязательно нужен еще кто-то, чтобы закопать или сжечь труп. У меня все это в голове не укладывается.

– Ну да, понимаю... А с Ясукава-сан вы говорили на эту тему?

– Говорил.

– И что он сказал?

– Не стал меня слушать. Вообще он был слегка не в себе. Верил, что Хэйкити Умэдзава жив, и нисколько в этом не сомневался.

– А Азот?..

– Он говорил, что Хэйкити сделал ее и спрятал.

– А где, не сказал?

– Сказал, – со смехом ответил Ёсида.

– И где же?

– В Мэйдзи-мура[53].

– Мэйдзи-мура?

– Знаете это место?

– Нет. Только название слышал.

– Это тематический парк, построенный железнодорожной компанией «Мэйтэцу» в городе Инуяма, к северу от Нагои... Вот уж совпало так совпало! Я ведь только что вернулся именно из Мэйдзи-мура.

– Вот это да! И где же Азот? Хэйкити ее где-то закопал?

– Ничего подобного. В Мэйдзи-мура есть здание почты из Удзи Ямада, а в нем музей с панорамой, рассказывающей об истории почтовой службы. Там фигуры почтальонов разных исторических периодов.

– Ну да...

– А в глубине панорамы, в самом уголке, притулилась женская фигурка. Ясукава говорил, что это и есть Азот.

– Что-о?! Это невозможно! Как она там оказалась? Откуда взялась эта фигура?

– Тут какая-то тайна. Хотя я хорошо знаю человека, который в этом участвовал. Да и как мне не знать самого себя...

Я делал фигуры для Мэйдзи-мура. Работал вместе с мастерами фирмы «Овари манекен» из Нагои. Я тогда курсировал между Киото и Нагоей, а команда из «Овари» навевдалась ко мне в мастерскую. Так что фигуры на почте – наших рук дело. Но на открытии экспозиции, к нашему общему удивлению, обнаружилось, что к изготовленным фигурам прибавилась еще одна. В «Овари» о ней ничего не знали. Я – тоже. Мы ее не делали. Во времена Мэйдзи на почте как-то ухитрились обходиться без женщин. Мы подумали, что женскую фигуру добавили по распоряжению кого-то из организаторов экспозиции. То есть здесь какая-то тайна, что-то неприятное, если не сказать злое. Неудивительно, что Ясукаве пришла в голову мысль об Азот.

– Ух, как интересно! Вы из-за этих кукол ездили в Нагую?

– Нет. Навещал друга. Мы с ним давно сошлись на почве увлечения куклами. И еще, мне нравится Мэйдзи-мура. Поэтому даже в моем возрасте я не жалею времени на автобус и электричку, чтобы туда добраться. Мне там как-то спокойно. Мое детство прошло в Токио. Я хорошо помню полицейский участок у Токийского вокзала, железнодорожные мастерские на Симбаси. Добрые старые времена. Мост через Сумидагаву, гостиница «Империял»... Все это теперь там, в Мэйдзи-мура. В будни там посетителей мало, приятно просто спокойно прогуляться. Вот друг туда переехал, и я ему завидую. Токио уже не для меня. По возрасту не подхожу. Киото, пожалуй, в самый раз, хотя Мэйдзи-мура мне больше нравится.

– Там так хорошо?

– Мне нравится. А как вам, молодежи, – не знаю.

– Давайте вернемся к этой фигуре. Мы знаем мнение Ясукава-сан. А что вы думаете? Есть такая возможность, что это Азот?

Сюсай Ёсида снова негромко рассмеялся:

– Это все фантазии. Разве можно относиться к ним всерьез?

– Я слышал, Ясукава-сан последовал за вами, когда вы переехали в Киото.

- Хм-м... Думаете, это он из-за меня?

- Вы же были близкими друзьями, разве не так?

- Он часто ко мне заглядывал. И сюда, и в мастерскую. О мертвых, конечно, плохо не говорят, но в последнее время он действительно стал очень странный... Убийства по Зодиаксу стали у него навязчивой идеей. Она преследовала его неотступно. Возможно, в Японии много людей с отклонениями, но у Ясукава-сан развилась настоящая мания - он искренне верил, что должен во что бы то ни стало установить истину, ибо эта миссия возложена на него небесами. Стоило ему с кем-то познакомиться, как он тут же начинал излагать существо угнетавшего его дела, спорить... Он был уже болен.

Ясукава-сан всегда носил в кармане маленькую бутылочку дешевого виски. Я много раз говорил ему, что пить надо бросать - годы уже не те. Но он отмахивался, говорил: достаточно того, что я не курю. Когда у меня собирались друзья, Ясукава-сан тоже приходил и все время прикладывался к своей бутылке. В итоге все стали его избегать.

Незадолго до его смерти я уже перестал делать вид, что меня все устраивает, и он стал приходить все реже. Но стоило ему увидеть интересный сон, как на следующий день он появлялся и начинал его рассказывать во всех подробностях. Всегда кончалось тем, что сон в его рассказе смешивался с реальностью, и все запутывалось так, что ничего нельзя было понять.

Кончилось тем, что однажды - приснилось ему или еще что-то - Ясукава-сан указал на сидевшего у меня приятеля и объявил: «Вот Хэйкити Умэдзава!» И никто не мог его переубедить. В следующий раз, когда они встретились снова, Ясукава-сан упал перед ним на колени и подобострастно воскликнул: «Как давно мы с вами не виделись!» У моего приятеля над бровью шрам от ожога, что послужило для Ясукава-сан окончательным доказательством его правоты.

- Почему он так решил?

- Понятия не имею. У него была своя, одному ему понятная логика.

- Вы с этим приятелем поддерживаете отношения?

- Конечно. Он даже не приятель, а самый близкий друг. Тот самый, к кому я ездил в Мэйдзи-мура.

- А как его зовут?

- Хатино Умэда.

- Умэда?!

- Погодите! У Ясукава-сан тоже была такая реакция. Умэдзава и Умэда - первый иероглиф в обеих фамилиях один и тот же. Но разве это что-то доказывает? В Осаке привокзальный район называется Умэда. В Кансае эта фамилия не редкость.

«Все это так, – думал я, – но...» Возбуждение у меня вызвала не фамилия, а имя – Хати́ро. «Хати» значит «восемь». Ровно столько жертв в деле об «убийствах по Зодиаку»: Хэйкити – вернее, человек, на него похожий, – шесть девушек и Кадзуэ.

– Насколько мне известно, – продолжал Ёсида, – Умэда-сан никогда не жил в Токио. Кроме того, он младше меня. Молод для Хэйкити.

– Чем он занимается в Мэйдзи-мура?

– Там есть здание седьмого полицейского участка, которое раньше стояло в Киото. Тоже из тех времен. Так вот, мой друг выполняет в нем роль полицейского из девятнадцатого века. У него бакенбарды под Джона Булля, сабля на боку...

Я подумал, что должен непременно поехать в Мэйдзи-мура. Сюсай Ёсида будто читал мои мысли.

– Конечно, вы можете туда поехать, но я хочу еще раз подчеркнуть: Умэда-сан не имеет к Хэйкити никакого отношения. Он по возрасту не подходит, как я уже сказал. Хотя Ясукава-сан считал, что Умэда очень похож на молодого Хэйкити, но просто упускал из виду разницу в возрасте. Я уже не говорю о том, что по характеру они совершенно разные люди. Хэйкити – интроверт, личность мрачная, а Умэда-сан – весельчак, любит пошутить. Для него самое большое удовольствие – рассмешить собеседника. Плюс ко всему Хэйкити левша, а Умэда-сан, наоборот, правша.

Я горячо поблагодарил Ёсиду и стал прощаться. Его жена, кланяясь, вышла меня проводить.

Ёсида, постукивая гэта[54], вышел со мной на улицу. «Если соберетесь в Мэйдзи-мура, учтите, пожалуйста, что они уже работают по летнему расписанию, до пяти вечера. Некоторые, кто едет из Киото или Осаки, добираются до парка только часам к трем-четырем. Смысла нет. Открытие в десять, имейте в виду. Чтобы все посмотреть, минимум пару часов нужно».

Я отвесил низкий поклон и зашагал к автобусной остановке. Солнце садилось, автомобилисты включали подфарники. Вторник, десятый день апреля, подходил к концу. Оставалось всего два дня.

* * *

Вернувшись в квартиру Эмото, я застал хозяина дома. Поставив пластинку, он с отсутствующим видом слушал музыку. Я присел рядом, мы немного поговорили о событиях прошедшего дня.

– А где Митарай? Видел его? – поинтересовался я.

– Да, встретил на улице.

– Ну как он? – быстро спросил я.

Эмото замялся.

– Он так на меня посмотрел... Сказал: «Я это дело раскопаю. Обязательно!»

Я помрачнел. Но как бы там ни было, надо биться дальше. Я вкратце рассказал Эмото, как идут дела, и спросил, можно ли завтра позаимствовать его машину, чтобы съездить в Мэйдзи-мура. По скоростному шоссе Мэйсин это много времени не займет. Эмото сразу же согласился.

Завтра подъем в шесть – и в путь, думал я. Накопилась усталость, надо лечь пораньше. Не знаю, как в Киото, а в Токио уже в семь утра на улицах полно машин. Здесь, если выехать в шесть, должно быть свободно.

Совсем не было времени переговорить с Митарай, но тут уж ничего не поделаешь. Он действует по своему сценарию, а я завтра не могу ждать, пока он проснется. На дорогах начнутся пробки. Вернусь из Мэйдзи-мура – тогда и поговорим.

Я расстелил на полу свой футон[55], рядом разложил еще один – для Митарай – и юркнул под одеяло.

Сцена 6

Манекен

То ли я воспринимал все слишком близко к сердцу, то ли по какой-то другой причине, но проснулся, когда только начало светать. Глаза открылись сами собой. На раздвижной перегородке у меня под носом играли янтарные лучи утреннего солнца.

Мне что-то приснилось, но я никак не мог вспомнить, о чем был сон. Осталось лишь какое-то неясное ощущение.

Сон был ни хороший, ни плохой, но то, что от него осталось, будоражило, раздражало. Чувство тяжелое, неприятное, но какое-то неглубокое, несерьезное.

Митарай спал. Выбираясь из постели, я услышал, как он постанывает.

Я спустился по лестнице и вышел на свежий воздух. Утро выдалось прохладное, даже был виден пар от дыхания. И тело, и голова еще до конца не проснулись, но чувствовал я себя превосходно. Спал почти восемь часов, достаточно, чтобы отдохнуть.

Шоссе, как я и думал, оказалось пустым. Я был в дороге уже два часа; перестроился, чтобы обогнать автобус, и, вернувшись в свою полосу, посмотрел налево. Посреди поля стоял большой рекламный щит. Девушка с широкой улыбкой рекламировала холодильник. Ее волосы развевались на ветру. Посмотрев на нее, я тут же вспомнил свой сон.

Морское дно. Обнаженная девушка с такими же длинными волосами колышется в воде, пронизанной зелеными лучами. Ее грудь, живот и колени, сверкающие белизной кожи, туго перетянуты какими-то нитями.

Глаза девушки открыты, она смотрит прямо на меня, и в следующий миг мне кажется, что вместо лица у нее пустое место. Губы не шевелятся, она как бы манит меня рукой и медленно погружается в темноту. Я все вспомнил! Красивый, страшный, непонятный сон...

Я почувствовал, как мое тело покрывается мурашками. Вдруг этот сон дает понять: «Я там, куда ты сейчас направляешься»? Он напомнил мне о Тамио Ясукаве и человеке, который сошел с ума и бросился в Японское море. Неужели я тоже подошел к этой грани?

Хотя я и выехал рано, на парковку Мэйдзи-мура заехал только в одиннадцать. Дорога заняла почти пять часов, потому что, съехав в Комаки со скоростного шоссе, я угодил в пробку.

На парковке выяснилось, что до входа в Мэйдзи-мура надо еще ехать на специальном автобусе. Он полз на подъем по неширокой дороге. По обе стороны рос лес, ветви деревьев скользили прямо по окнам. Кричали вороны. Вскоре деревья расступились, и впереди открылась голубая водная гладь.

По размерам водоем до озера не дотягивал. Он назывался пруд Ирука. Перед ним был разбит парк, где разместился музей под открытым небом – Мэйдзи-мура. Время было еще раннее, и я решил пройти по проложенному для туристов маршруту.

Я шел по улице, выглядевшей как сто лет назад, и у меня возникло странное ощущение, будто я оказался где-то в американской глубинке. Европейская и американская архитектура за прошедший век, в принципе, не очень изменилась, а вот японская трансформировалась весьма заметно.

Взять, к примеру, англичан. Они по-прежнему живут в домах, подобных тому дому на Бейкер-стрит, где квартировал Шерлок Холмс. И мебель в домах осталась та же. В Японии совсем не то. Со времен Мэйдзи образ жизни японцев радикально изменился. Япония сейчас совсем не такая, как сто лет назад.

Вопрос в том, правильный ли выбор был сделан. Бетонные стены, ограды из керамических блоков, безликие неинтересные окна... Впечатление такое, словно японцы вдруг все дружно решили переехать на кладбище.

Стоило ли в период Мэйдзи напрямую копировать европейские и американские образцы? Очевидно, что стиль европейцев и американцев, обеспечивающий личное пространство, не подходит для Японии, где жарко и высокая

влажность. И теперь, с распространением кондиционеров, японцы возвращаются в архитектуру к традиционному стилю.

Японская архитектура и городское планирование идут круглым путем. В Мэйдзи-мура мне очень нравилось, я ощущал здесь себя совсем по-другому, в первую очередь потому, что не видел перед собой надоевших оград и заборов из серых блоков. Японцы стали жить в достатке. Во всех домах теперь кондиционеры. Переселимся обратно в традиционные дома – и заборы, наверное, постепенно отомрут. Вот какие мысли навеяла мне прогулка по Мэйдзи-мура.

Пройдя мимо мясной лавки Ои и церкви Святого Иоанна, я поднялся на открытую галерею дома, в котором жили Огай Мори и Сосэки Нацумэ[56]. На табличке значилось, что Нацумэ написал в этом доме своего «Кота»[57]. Мужчина из состава оказавшейся впереди меня небольшой группы туристов, сидя на галерее, громко звал: «Кис-кис-кис!» Будь здесь Митарай, он непременно присоединился бы к этому шутнику. Думаю, услышать в этом месте какие-нибудь другие шутки шансов мало.

Но мне в голову пришел не «Кот», а маленький кусочек из другой книги Сосэки – «Подушка из травы»: «Будешь жить только умом – прослывешь неуживчивым. Будешь вести свою лодку в потоке эмоций – унесет течением. Непросто жить в нашем мире...»

Образец человека, не боящегося прослыть неуживчивым из-за своего ума, – это Митарай. В мире не найдешь человека, который больше, чем он, подходил бы под такое определение.

Противоположный типаж – человек слабый, руководствующийся в жизни симпатиями и эмоциями, – это не иначе как я. Судя по тому, что и Митарай, и я – представители разных человеческих типов – все время сидим без денег, жизнь в нашем мире и в самом деле нелегкая штука.

Бундзиро Такэгоси тоже принадлежал к людям, живущим эмоциями. Я не мог отнестись к его запискам с безразличием. Окажись на его месте, я действовал бы так же. Ему было тоже очень непросто жить в этом мире.

Спускаясь по каменным ступенькам мимо дома Сосэки Нацумэ, я увидел перебежавшего мне дорогу белого кота и улыбнулся. Кто бы ни притащил его сюда – скорее всего, кто-то из сотрудников Мэйдзи-мура, – он точно обладал чувством юмора.

Кошкам здесь, похоже, раздолье, думал я. Машин нет. Место действительно замечательное.

Ступеньки привели меня на площадь, по которой неспешно катил старый, из тех времен, трамвай. Услышав звонкие девичьи голоса, я посмотрел в ту сторону и увидел группу школьниц, фотографировавшихся с немолодым мужчиной щеголеватого вида, в черных брюках с золотым кантом, и, судя по всему, с наклеенными бакенбардами, как у Джона Булля. Но боку у него поблескивала сабля.

Девчонки по очереди, по двое-трое, позировали с ним. Звучали радостные голоса и смех. Человек в черных брюках стоял на месте, стоически перенося выпавшее на его долю испытание.

Это, должно быть, и есть Хати́ро Умэда, подумал я и решил, поскольку фотосессия явно затягивалась, пока проехаться по парку. Впрочем, мне хотелось не столько прокатиться на старом трамвае, сколько поскорее увидеть почтовое отделение.

В Мэйдзи-мура, спору нет, есть что посмотреть, достопримечательностей много, однако туристы здесь толпами не бродили. Не знают еще, что ли, люди это место? Работали в парке в основном пожилые (молодежи почти не было видно), которые относились к посетителям очень душевно. Может, потому, что посетителей было немного?

Я забрался в трамвай. Такие вагоны раньше ходили в Киото. Немолодой вагоновожатый прокомпостировал мой билет и со словами «На память!» приложил к нему специальную печать. Как человек, проживший в Токио достаточно много лет, я был поражен: насколько все это отличалось от столичных электричек, где в часы пик тебя все время толкают.

Еще более сильное впечатление произвел старик-кондуктор. Дождавшись, когда трамвай тронется с места, он взял на себя роль гида и говорил не умолкая: «Направо вы видите маяк, который перевезли из Синагава[58], налево – дом, где жил Рохан Кодэ...»[59] Голос у кондуктора оказался поставленный, как у профессионального чтеца или актера. Не жалея горла, он громко, на весь вагон, рассказывал о достопримечательностях парка. Голос говорил сам за себя – его обладатель уверен в себе.

К сожалению, в трамвай вместе со мной загрузилась группа женщин среднего возраста и довольно диких. Следя за объяснениями кондуктора, они металась по вагону от одного окна к другому, как стадо буйволов, от чего древний, заслуженный вагон грохотал, как спичечный коробок.

Старик-кондуктор удивил меня не только своим громогласным голосом. Когда трамвай, преодолев свой маршрут, остановился, кондуктор, до этого сидевший спокойно, вдруг выпрыгнул из вагона, словно заяц, спасавшийся от охотников. Я проводил его глазами через окно: что случилось?

С крыши трамвая, где был установлен пантограф, свешивалась веревка. Щуплый с виду старичок подскочил к веревке, подпрыгнул как лягушка и схватился за нее. Под тяжестью его тела пантограф опустился. Не выпуская веревку из рук, кондуктор обежал вагон, поворачивая пантограф в противоположную сторону, бросил веревку и снова заскочил в трамвай, который сразу отправился в обратный путь с черепашей скоростью, явно не соответствующей прыти, с которой кондуктор проделал эту операцию.

Не думаю, что у трамвая в Мэйдзи-мура очень строгое расписание движения, как у токийского метро или электричек. Никто и слова не скажет, если он опоздает на несколько минут. Да и есть ли у этого трамвая расписание? Тогда откуда у кондуктора такое рвение? Он поразил меня до глубины души. Вот уж кто совсем не похож на старика.

Но одновременно я и волновался за него. Что сказали бы домашние, увидев, как он себя не жалеет? Раз человек так работает, значит, скорее всего, ему неведома невралгия и он хорошо спит по ночам. Но что, если у него на работе случится сердечный приступ? Может, все-таки не стоит так напрягаться?

И все же это замечательно. Лучше, наверное, умереть, сжимая в руке веревку пантографа, чем превратиться в немощного старика, обузу для детей и внуков. Думаю, любой мужчина предпочел бы такую смерть. Я вспомнил, как Сюсай Ёсида говорил, что завидует своему другу, работающему в Мэйдзи-мура. С ним трудно не согласиться.

* * *

Сойдя с трамвая, я прошел железнодорожные мастерские Симбаси, стекольную фабрику Министерства промышленности, которую перевезли из Синагавы, и оказался перед зданием почты. Вот оно! Почтовое отделение Удзи Ямада! Я еле сдержался, чтобы не пуститься бегом.

Поднявшись на несколько каменных ступенек, отделявших улицу от входа, я очутился внутри. Под ногами был пол из светлого, будто полированного или смазанного маслом дерева. Сердце громко забилося.

В помещении ни души, из высоких окон на пол лился свет послеполуденного солнца, в его лучах танцевали пылинки.

Я сразу увидел фигуру разносчика почты. Дальше стоял первый в Японии почтовый ящик, за ним выстроились в ряд другие ящики. В самом конце помещался ящик на красном столбике. Такие я уже помнил. Тут же стояли почтальоны в форменной одежде разного времени. А где же Азот?! Я жадно искал глазами ее фигуру.

Вот она! Я не сразу ее заметил из-за яркого солнечного света, заливавшего помещение. В темном углу стояла женская фигура в кимоно, прямые черные волосы свисали на лоб.

Неужели это Азот?!

С трепетом, словно ребенок, боящийся темноты, я приблизился.

Красное кимоно. Девушка просто стояла, опустив руки вдоль туловища. На волосах и плечах я заметил тонкий слой пыли. В этом было что-то жуткое, намек на события сорокалетней давности. Выглядывавшие из-под челки стеклянные глаза, глубокие как ямы, пусто смотрели на меня. Она совершенно не походила на девушку из моего сна.

Вспомнился фильм об обитателях морского дна, который я видел в детстве, и поразившие меня тогда глаза акулы, неожиданно вынырнувшие из мрака в луче фонаря.

Мне вдруг показалось, что, кроме меня, в этом огромном парке никого нет и я остался один на один с этой куклой (или кто она там!). У меня появилось предчувствие, что окружающая меня со всех сторон тишина вот-вот трансформируется в такой же всеохватывающий страх.

Надо собрать все мужество, подумал я и облокотился об ограждение, чтобы рассмотреть фигуру поближе. Вытянул шею. Тело словно одеревенело – мне показалось, что стоящее передо мной нечто сейчас шевельнется.

Я вытягивал шею все дальше, и все равно между мной и фигурой девушки оставалось еще метра полтора-два. Мне показалось, что я вижу вокруг ее глаз мелкие морщинки. Но глаза у нее стеклянные. Совершенно точно. Руки?.. Нет, это не человеческие руки. Отсюда как следует не разглядишь, но все равно они какие-то ненастоящие. Как у куклы. А вот лицо...

Что с лицом? Эти маленькие морщинки?!

Ничего не видно. Я обернулся на дверь. Никого. Но только я занес ногу, чтобы перелезть через ограждение, как услышал стук, от которого сердце чуть не ушло в пятки. Уборщица! В руках у нее были щетка и металлический совок-ящичек на длинной ручке. Это им она громыхала, так испугав меня.

Женщина начала уборку. Смела в кучку окурки, мелкие камешки, со стуком пододвинула к ней совок...

Мне ничего не оставалось, как выйти наружу. Конечно, зайду сюда еще, думал я, нетвердой походкой спускаясь с холма.

Слева показался киоск, где торговали всякой снедью. Неожиданно я почувствовал, что страшно проголодался. Столовых и кафе в Мэйдзи-мура нет. У главного входа я видел какой-то ресторанчик, но чтобы туда пойти, надо было выходить из парка. Пришлось довольствоваться хлебом и молоком, купленными в киоске. Я устроился на скамейке, откуда был виден центральный вход отеля «Империял». Скамейка стояла у моста, который раньше находился в Токио и соединял берега реки Сумидагава.

Я сидел в самом дальнем конце Мэйдзи-мура. Здесь обычно осмотр заканчивался, и посетители поворачивали к выходу. Через пруд был перекинут двухарочный мост, напоминавший своей формой очки. По пруду плавали белые лебеди. Было тихо и спокойно, вокруг ни души. Вдруг над деревьями показалось облачко то ли дыма, то ли пара. Через минуту на мосту, переброшенном через глубокий овраг, показался паровой локомотив, тянувший за собой три вагона.

С точки зрения здравого смысла эта кукла не могла быть Азот. Ее выставили в почтовом отделении на глазах у большого количества людей, везли откуда-то, проверяли... Нужно все узнать: откуда привезли куклу, где и кто ее сделал, а потом уже отрицать возможности. Если выяснится, что ее никак не могли подменить во время транспортировки, тогда об этой кукле можно забыть.

Я встал со скамейки и снова направился к почтовому отделению. Если уборщица ушла, можно будет перелезть через ограждение и рассмотреть куклу

поближе. Однако меня ждало разочарование. На этот раз в помещении почты оказалось несколько посетителей, и на подходе я увидел еще людей. Ничего не получится.

Я бросил взгляд на куклу, и мне показалось, что она пристально смотрит на меня через плечо одного из посетителей.

Выйдя из здания почты, я сразу, не глядя по сторонам, поспешил к 7-му полицейскому участку. На площади перед ним Хати́ро Умэда подметал щеткой каменные плиты. Школьницы, которые с ним фотографировались, с криками «до свидания» двинулись к выходу. Умэда ответил им тем же и шутливо отдал честь. Чувствовалось, что он хорошо освоился в роли полицейского, которую играл весьма умело. (Хотя, если подумать, мне не доводилось видеть полицейских, отдававших честь простым смертным.)

Подойдя ближе, я отметил про себя, что у Умэды спокойное приветливое лицо, и он производит впечатление человека, с которым легко разговаривать. Поэтому я без опаски обратился к нему:

– Извините, вы Хати́ро Умэда?

– Точно.

Судя по тому, что Умэда не удивился, услышав свое имя из уст незнакомца, он считал себя в Мэйдзи-мура личностью известной.

– Мне о вас рассказал Ёси́да-сан. Моя фамилия Исиока. Я приехал из Токио.

При упоминании имени Ёсиды на лице Хати́ро Умэды промелькнуло удивление. Сначала дочь Ясукавы, потом Сюсай Ёси́да, теперь Умэда... В третий раз я начал пересказывать одну и ту же историю, напоминая себе продавца, рекламирующего свой товар.

Не выпуская щетки из рук, Умэда, поддакивая, слушал мой рассказа какое-то время и наконец предложил мне пройти в полицейскую будку. Усадив меня на стул, сам устроился на сером офисном кресле на колесиках и заговорил:

– Так вот вы о ком... Ясукава... Как его звали? Тот самый пьющий старичок... Ну как же, помню, конечно. Но он уже умер. Надо было ему сюда приехать, он бы здесь еще пожил... А что? Воздух чистый, простор, продукты замечательные. Ему бы тут понравилось, а если б еще выпивать разрешали, то вообще рай.

Как вам моя форма? С детства о такой мечтал. Мне страшно нравилась форма, а если еще саблю прицепить, то вообще слов нет. Ради этого я был готов на все, пусть даже только ради рекламы. Поэтому я по-настоящему загорелся, когда мне предложили здесь работать. Можно было вагоновожатым, кондуктором, но я упросил, чтобы меня назначили полицейским.

Слушая Умэду, я не мог избавиться от чувства разочарования. Он не производил впечатления умного человека. Его восторги по поводу полицейской формы... Вряд ли это игра; скорее всего, он говорил искренно. Добрый, жизнерадостный человек, но – да простят меня за такие слова – судя по его интеллектуальному уровню, трудно поверить, что он мог спланировать целую

серию кровавых убийств и хладнокровно их совершить. И потом, он слишком молод, ему не дашь и шестидесяти. Или здешние условия его так омолодили?

Я спросил, слышал ли он такое имя – Хэйкити Умэдзава.

– Хэйкити Умэдзава... А-а! Это меня тот самый пьяница так окрестил. Спятил, похоже. Я сказал, что он меня с кем-то перепутал, а он не поверил. Может, я действительно похож, кто знает. Но ведь этот Умэдзава плохой человек, так ведь? Мало радости, когда тебя принимают за преступника. Вот если б я был похож на генерала Ноги или императора Мэйдзи[60], тогда другое дело. Было бы чему радоваться... Ха-ха-ха!

– Скажите, а где вы жили в тридцать шестом году? Я понимаю, уже сорок лет прошло...

– Это вы интересуетесь насчет ари... али... Как оно там?

– Алиби? Вы хотите сказать – алиби? Нет, что вы! Я просто так спросил.

– Сорок лет назад мне было двадцать лет. Еще до войны, значит... Ага! Я еще жил на Сикоку, в Такамацу[61]. Работал в винной лавке. В учениках ходил.

– Вы и родились в Такамацу?

– Точно так.

– А откуда же у вас осакский акцент?

– Потому что я долго жил в Осаке. Пришел с войны, надо было где-то работать, поехал в Осаку. Тогда многие туда ехали. Там тоже устроился в винную лавку, но она прогорела. Потом я много всяких работ перепробовал. Продавал в ларьке лапшу, работал в мастерской, где делали манекены...

– И там вы познакомились с Ёсида-сан?

– Нет-нет. Мы познакомились гораздо позже. Я тогда работал в Осаке охранником. Уже лет десять прошло... нет, наверное, почти двадцать... В нашем здании... ну которое я охранял... снимал помещение один скульптор. Он устроил там свою мастерскую. И еще делал манекены. Он и предложил мне съездить в Киото, где его приятель организовал что-то вроде клуба любителей кукол. Ну я и съездил. Организатором клуба как раз и оказался Сюсай-сан.

Потом я устроился охранником в Киото и стал помогать Сюсай-сан делать куклы. Он говорил, что это для него просто хобби, но он скромничает. В Японии он самый лучший мастер, тут и говорить нечего. Не только я так считаю, все известные мастера вам скажут то же самое. Он любую куклу может сделать. Особенно у него получается европейский тип лица. Куклы как живые. В Японии больше никто так не может. Гарантию даю.

Когда мы с ним познакомились, он только-только переехал из Токио, и я, как мог, помогал ему устроиться на новом месте. Мы с ним по-настоящему подружились, когда он выполнял заказ для всемирной выставки. Да уж, поработали мы тогда, ночами сидели, есть что вспомнить...

Сюсай Ёсида, несомненно, обладал определенной харизмой, иначе как объяснить, что и Тамио Ямукава, и Хати́ро Умэда переехали за ним в Киото. Что касается Умэды, он показался мне человеком легким и, судя по всему, прожил такую же жизнь. Интересно, есть у него семья?

– Семья?.. Была когда-то... жена. Давным-давно. Погибла во время войны, попала под бомбежку. Муж повоевал и вернулся, а жену, оставшуюся дома, убили... И вот с тех пор живу один, наслаждаюсь свободой, привык. Была бы семья, разве б я сюда попал? Сидел бы сейчас на Сикоку, забавный такой старичок...

Может, так и вышло бы. А может, как-то по-другому. Я еще молод. Что я могу сказать по этому поводу?

– Ёсида-сан приезжал к вам вчера?

– Было дело. Он часто у меня бывает. Ему здесь нравится. Раз в месяц обязательно навещает. И я всегда ему рад. Места себе не нахожу, если его долго нет.

Чем же Сюсай Ёсида его так приворожил? Тем, что предсказывает судьбу? Художественным талантом? Где он овладел таким мастерством? А с Хати́ро Умэдой они не так уж давно знакомы..

– О Сюсай-сан я вам много не скажу. Другие, что ходят в клуб, тоже мало что о нем знают. Слышал, что он из богатой семьи, что еще в молодости у него был свой дом и мастерская. Жил в Токио, а мне какая разница? Для членов клуба он настоящий авторитет. Большой человек. Когда его вижу, у меня душа спокойна. И не только у меня, у всех. Я его просил погадать – и все сходится. Все угадал! Нет, не угадал. Он знает. Он все знает...

«Все знает...» Меня будто молнией поразило. Как я раньше не обратил на это внимания?! Подозревал Хати́ро Умэду, когда есть человек куда более подозрительный... Человек с потрясающей харизмой, недюжинного острого ума, превосходно владеющий мастерством изготовления кукол и обладающий даром предсказывать судьбу.

Сюсай Ёсида?!

Если он, то все сходится! Говорит, что ему шестьдесят, а выглядит на все восемьдесят. Но еще важнее его слова, мелькнувшие у меня в голове: «Хэйкити левша, а Умэда, наоборот, правша».

Но ведь даже в книге о семействе Умэзава и «убийствах по Зодиаку», прочитанной мной от корки до корки, не сказано, что Хэйкити был левша. Откуда же Сюсай Ёсида мог это узнать?!

Как он убеждал меня, что человек, который должен быть мертв, не может быть жив! Когда мы говорили о Хэйкити, он описывал все так живо, будто делился собственным опытом. А его краткий экскурс о куклах в японской истории вполне укладывается в содержание записок Хэйкити...

Теперь Тамио Ясукава. С чего это он метнулся из Токио в Киото вслед за Ёсидой? Не было ли какой-то другой причины, кроме ёсидовской харизмы?

От охватившего меня возбуждения в желудке случился спазм. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выскочит из груди.

Между тем Хати́ро Умэда, не замечая смены моего настроения, продолжал осыпать похвалами Ёсиду. Теперь, когда стало ясно, что Умэда не преступник, оставалось только расспросить его о загадочной кукле. Поддакивая его славословию, я дождался, когда этот поток наконец иссякнет, и быстро спросил, что ему известно о куклах в почтовом отделении.

– Куклы, что на почте? Их делали Сюсай-сан и ребята из фирмы «Овари»... Ах, вы уже знаете... Что? Кукла, о которой никто ничего не знает? Я тоже не знаю. В первый раз слышу. Сюсай-сан тоже не в курсе, откуда она взялась? Ого! Хм-м... Если хотите разобраться, сходите в администрацию. Там, у главного входа. Найдите директора музея. Муруока его фамилия. Уж он-то должен знать.

Я горячо поблагодарил Хати́ро Умэду и ушел. Действительность не совпала с моими ожиданиями – он оказался добрым, отзывчивым человеком. Может, это странно, но мне было жаль с ним расставаться, хотя наше знакомство было таким скоротечным. Скорее всего, мы больше не увидимся. И, похоже, Умэда ни капельки не жалел, что остаток его жизни пройдет в Мэйдзи-мура, где он так и будет изображать полицейского с золотым галуном на форменных брюках и саблей на боку.

В администрации меня проводили в кабинет директора. Получилось неудобно – он протянул мне свою визитку, а у меня карточки не было. Визитки нет, не журналист, куклы не делает... Зачем тогда явился?

Я рассказал директору то, что услышал о загадочной кукле на почте от Сюсай Ёсиды, и спросил, как она попала в Мэйдзи-мура.

Директор рассмеялся и сказал, что никакой загадки тут нет.

– Мы с одним человеком из «Мэйтэцу» осматривали экспозицию перед открытием, и тому показалось, что получилось скучновато. «Возьмем в нашем универмаге манекен и завтра привезем», – сказал он.

Я поинтересовался, как зовут сотрудника «Мэйтэцу» и где я смогу его увидеть. Оказалось, что он работает в Нагое, офис в районе центрального вокзала. Сегодня уже поздно туда ехать. Я покинул Мэйдзи-мура за несколько минут до закрытия.

Я ехал в направлении скоростного шоссе и думал. Фамилия человека из «Мэйтэцу» была Сугисита. Если переночевать в Нагое, нет гарантии, что мне удастся встретиться с ним на следующее утро. Но завтра уже 12-е, четверг – последний день. Ну как я могу не встретиться утром с Митарай? С 7 апреля, когда мы расстались в электричке, у нас никак не получалось толком поговорить, хотя мы каждую ночь спали рядом, в метре друг от друга. Необходимо обменяться информацией, которую мы насобирали в эти дни. Завтра очень важный день, и будет странно, если такой день (пусть даже не весь, а половину) я проторчу в Нагое.

Впереди показался въезд на шоссе. Не раздумывая больше, я направил машину туда. От встречи с Сугисита придется отказаться. Вряд ли он сможет рассказать что-то интересное. Не больше того, что я услышал от директора Мэйдзи-мура.

В последний день ставку надо делать на Сюсай Ёсиду. Именно ему главное внимание. Ёсида что-то скрывает. Подозрительная личность. В любом случае здесь что-то есть.

Дорога вошла в плавный поворот и влилась в скоростную двухрядку. Я ехал в первом ряду вместе с грузовиками, никого не обгоняя, погруженный в раздумье.

Размышлял я о том, что мне удалось выяснить. Сюсай Ёсида допустил оплошность – увлекшись разговором, неосмотрительно обмолвился о том, что могло быть известно только преступнику. Его оговорка свидетельствовала, что он и есть преступник, и что бы он после этого ни говорил, уже ничего не исправишь. Как он так оплошал?

Убийство было подстроено, чтобы Хэйкити мог исчезнуть. Если Сюсай Ёсида и есть Хэйкити, этим фокусом он поставил последнюю точку в деле семьи Умэдзава. Если Митарай, паче чаяния, не продвинется вперед по своей линии поиска, надо будет вместе обо всем подумать и решить, что делать дальше. Ведь Митарай – большой мастак устраивать разные инсценировки и запросто может придумать что-то стоящее.

А вдруг он откажется, предпочтет действовать в одиночку? Главное – выяснить, является ли Сюсай Ёсида преступником, а с куклой из почтового отделения Удзи Ямада и всем прочим можно разобраться потом.

Может статься, что моя поездка в Мэйдзи-мура не имела смысла. Приди мне в голову эта мысль вчера вечером, сегодня я мог бы еще раз встретиться с Сюсай Ёсидой и сэкономил бы один день.

С другой стороны, поездка имела свой резон. У меня был один-единственный ключ – Тамио Ясукава, и я связывал с ним большие надежды. Мне даже казалось, что он должен знать, кто преступник. Ясукава, как с большим трудом удалось выяснить, утверждал, что Азот находится в Мэйдзи-мура, а Хатири Умэда и есть Хэйкити. Оказалось, что Умэду надо искать в Мэйдзи-мура. Любой на моем месте подумал бы, что Умэда – создатель Азот, что он прячет ее в Мэйдзи-мура и живет там рядом. Как я мог туда не поехать? Все равно в сердце остался бы осадок и не давал мне покоя.

Кроме того, именно после слов Хатири Умэды я заподозрил, что под личиной Сюсай Ёсиды может скрываться Хэйкити. Основания для подозрений дал наш разговор с Умэдой, сообщившим, что о прошлом Ёсиды никто толком ничего не знает. Все подозрения в отношении него были бы сняты, если б появился человек, который знал его в 1936 году и мог засвидетельствовать, что Ёсида отсутствовал в доме Умэдзава в то время, когда произошло убийство Хэйкити. Судя по словам Хатири Умэды, такого человека нет. Так что моя поездка в Мэйдзи-мура не была напрасной хотя бы потому, что мне удалось установить этот факт.

На шоссе я попал в затор. Солнце садилось; завершив дневные дела, все возвращались домой. Я решил переждать час пик в придорожном кафе и заодно перекусить.

Мысли не оставляли меня и за столиком кафе. Сюсай Ёсида допустил промашку, но это не значит, что поединок с ним будет легким. Он человек умный, с ним будет совсем не так, как с Хати́ро Умэдой. Я должен представить такое доказательство, о котором не знает никто, кроме самого преступника.

Однако у Ёсиды был друг, Тамио Ясукава, который был знаком с Хэйкити. Как много Ясукава знал о Хэйкити, мне неизвестно, но Ёсида всегда может сказать, что слышал о нем от Ясукавы, и возразить будет нечего. Ясукава для Ёсиды очень хороший щит.

Покинув кафе, я двинулся дальше и был в Нисикёгоку в начале одиннадцатого. Митарай еще не возвращался. Эмото в одиночестве смотрел телевизор. Я вручил ему сувенир из Мэйдзи-мура, поблагодарил за машину. Сил подробно рассказывать о поездке не было, глаза слипались. Я отправился в спальню, быстро расстелил два фута́на и забрался под одеяло.

Сцена 7

Тропа философа

«Стоит раз проснуться в шесть утра – и что? Теперь всегда так будет?» – думал я, открывая глаза на следующее утро в тот же час, что накануне. И сразу вспомнил: «Сюсай Ёсида!» Спать мгновенно расхотелось. Я повернулся туда, где должен лежать Митарай. Если он уже проснулся, самое время рассказать друг другу о том, что удалось узнать за эти дни. В следующий миг я проснулся уже окончательно. Постель Митарай была пуста.

Надо же! Уже встал и ушел. Вот это человек... Нет, стоп! Футон, который я, уже засыпая, кое-как постелил вчера вечером, так и лежал криво, не тронутый. Где же Митарай, думал я, тупо разглядывая его постель. Понятно, что дома он не ночевал.

Где же он? Неужели вышел на след преступника и попал в беду? Может, его где-нибудь заперли? Прямо какое-то кино получается, честное слово... Не знаешь что и думать.

Все же, наверное, Митарай удалось что-то нарыть. Если он не пришел ночевать, значит, есть на то причина. А причина может быть только одна – Митарай узнал что-то важное. Сегодня 12-е, четверг, последний день. Он это понимает и должен использовать каждую минуту.

А может быть, его вообще нет в Киото. Уехал куда-нибудь еще... Наверняка так и есть. Иначе почему он не пришел ночевать? Я немного успокоился, но

желание как можно скорее обменяться с Митараи новостями стало только сильнее. Так много хотелось ему рассказать...

Усилия, которые я потратил за эти дни, были не напрасны. А то, что удалось разведать Митараи, наверняка как-то связано с результатами моего расследования. И если он еще не пришел к окончательному заключению, информация, которой я готов с ним поделиться, вполне может стать ключом к решению стоящей перед нами задачи.

В любом случае Митараи должен позвонить. Надо ждать. Я попробовал снова прилечь, но сон не шел. Надо чем-то себя занять. С этой мыслью я снова поднялся.

Эмото еще спал; до подъема ему оставалось еще около часа. Стараясь его не разбудить, я вышел на улицу. Если Митараи позвонит, ничего страшного. Эмото же дома. А убежит на работу до моего возвращения – обязательно оставит мне записку.

Район Нисикёгоку, где прежде я никогда не бывал, теперь был мне знаком как свои пять пальцев. Дойдя до спортивного парка, я развернулся и двинулся обратно. Эмото уже пора было собираться на работу. Когда я открыл дверь, он как раз чистил зубы в ванной. Митараи не звонил.

В восемь часов Эмото перед уходом спросил меня:

– Что, пойдём вместе?

– Нет, я побуду здесь. Митараи может позвонить.

– Ну как знаешь. Я пошел.

Дверь за Эмото закрылась, я услышал, как он затопал по лестнице. «Ага! Уже на улицу вышел», – подумал я, и тут же громко и тревожно зазвонил телефон. Я схватил трубку.

– Кадзуми... – донеслось до меня. Я узнал Митараи с большим трудом. Его было едва слышно. Он не говорил, а издавал какой-то жалкий хрип. Я даже подумал, что Митараи, по своему обыкновению, решил отмочить глупую шутку.

– Что случилось?! Где ты?! С тобой всё в порядке? – Я не заметил, как перешел на крик.

– М-м... хреново мне...

И после паузы:

– Я сейчас сдохну... приезжай за мной скорее...

Я понял, что дело плохо.

– Ты где?! Что происходит?!

Второй вопрос был глупый. Сначала надо понять, где он находится. Голос Митараи все больше слабел. Я почти не слышал, что он шепчет. Из трубки

доносился шум проезжавших автомобилей и голоса детей, направлявшихся в школу. Митараи звонил с улицы, наверное, из автомата.

– Что происходит?.. – прохрипел он. – Я сейчас не могу..

– Хорошо, хорошо! Я еду! Где тебя искать?

– Я у самого входа... Тропа философа...[62] только не со стороны Гинкакудзи...[63] у противоположного входа...

Я был в замешательстве: какая еще Тропа философа? Никогда о такой не слышал. Наверное, Митараи немного не в себе, вот и заговаривается.

– Это улица так называется? Что? Есть такая? Таксисты знают?

– Знают... И по дороге купи какую-нибудь булку и молока... приезжай...

– Булку? Молоко? Куплю, конечно, но зачем тебе?

– Есть... что с ними еще можно делать?..

Что за человек! Еле дышит – и все равно норовит подпустить яду. Такой вредный характер...

– Ты не ранен?

– Нет...

– Хорошо! Еду! Жди там!

Бросив трубку, я выскочил из квартиры и помчался на станцию Нисикёгоку. Что все-таки случилось с Митараи? Такое впечатление, что он при смерти. Временами этот человек становился несносным, но ведь он мой единственный друг! Конечно, он норовит меня уколоть, но это еще не говорит о том, что с ним все в порядке.

В Сидзё Каварамати я купил булочек, молока и поймал такси. «Вам туда, в конец улицы», – сказал водитель, высаживая меня. Схватив пакет с провизией, я пустился бегом под уклон. Ага! Вот камень! На нем иероглифы: «Тропа философа». Тут же был разбит маленький скверик. Вокруг ни души.

Тропа философа начиналась сразу за сквером и шла вдоль реки. Пройдя немного, я увидел скамейку, на которой лежал заросший щетиной бродяга. Возле него, махая хвостом, крутилась черная псина. Я чуть не прошел мимо; мне поначалу в голову не пришло, что этот бомж и есть мой друг.

Я заглянул ему в лицо и услышал: «А-а... это ты?..» Митараи попытался сесть, но силы, казалось, оставили его. Мне пришлось поддержать его за спину.

Когда наконец он принял сидячее положение, я был поражен происшедшей с ним переменой. Отросшая щетина, всклокоченные волосы, провалившиеся красные глаза, впалые щеки. Кожа приобрела серо-зеленый оттенок. Настоящий бродяга, оказавшийся на дне люмпен.

– Поесть принес?

Сейчас это интересовало Митарай в первую очередь. Я быстро протянул ему пакет.

– Я уже забыл, когда ел нормально. Зачем человеку есть, спать? Жалко на это время тратить. Сколько всего можно было бы сделать!

С этими словами Митарай открыл пакет и набросился на булочки.

Плохо дело, подумал я, глядя на него. Мой друг явно был на взводе и никак не мог успокоиться. Когда у него все ладилось, он излучал спокойствие и уверенность в себе. Сейчас я этого не ощущал. У меня появилось нехорошее предчувствие: все ли у него в порядке с головой? Я постарался прогнать эту мысль. Просто он так увлекся расследованием, что забыл о еде.

Глядя, как Митарай, словно недокормленный ребенок, жадно поглощает булочки, я испытывал одновременно разочарование и жалость.

– Когда ты ел в последний раз?

– Как-то не до того было... Вроде позавчера или позапозавчера... Забыл, короче.

Митарай был очень истощен. Нужно, чтобы кто-то был с ним рядом, чтобы напоминать ему вовремя, что надо поесть или поспать, иначе, боюсь, мой друг долго не протянет.

Но несмотря ни на что, мне очень хотелось рассказать Митарай все, что удалось узнать за эти дни, но сначала, решил я, он должен поведать, что с ним произошло. Подождав, пока Митарай доест (я несколько раз просил его жевать хорошенько и не глотать куски), я наконец поинтересовался, смог ли он продвинуться в расследовании. При этом я изо всех сил старался не вызвать у него раздражения.

– Выжимка из вчерашнего дня – вот что такое утро! – вдруг ни с того ни с сего провозгласил Митарай.

Я онемел от изумления.

– Мечешься по Токайдо, по ночам не спишь... но почему, когда все говорят: «Доброе утро!», вспоминаешь только то, что произошло вчера и ушло в прошлое?

Глаза Митарай бегали, он словно помешался.

– Бессонные ночи, если немного, это ничего... Даже полезно. Сопротивляемость организма понемногу снижается, и начинаешь видеть то, что должен видеть. Ага! На поле рапс цветет, поле до самого горизонта... А-а! Город... горбатые крыши как перевернутые обложками вверх книжки. Много книжек. Тормоза скрипят! Скрип отовсюду! Слышишь? Как тебе это?! С ума можно сойти, верно?

А вот и нет! Это космея. Поле космеи. Точно! Космеи. Я хулиганил – шел по полю и рубил цветы деревянным мечом. Без этого я превратился бы в

безвредную тварь. У меня ни шипов, ни когтей, ни клыков, и меч куда-то запропастился...

Мох! Я весь порос мхом! Или плесенью. Классное зрелище. Может сфотографироваться? На память...

Крот! Крот... Точно! Надо раскопать это быстрее! Другого варианта нет. Помоги мне. Если быстренько не выкопать яму, мы его не поймем.

«Всё! Спятил!» Я быстро схватил за плечи пытавшегося встать Митараи, повторяя: «Ты устал, устал! Успокойся!» Он действительно устал. Приговаривая «Я здесь, рядом», я медленно усадил его обратно на холодную каменную скамью.

Покончив с этим делом, я почувствовал, как мною снова овладевает отчаяние; в глазах потемнело. Дело не только в том, что Митараи несет абсолютную чепуху, но и в том, что происходило в реальности. А тут ошибки быть не может: мой друг не продвинулся в своем расследовании ни на шаг!

Может, наши усилия с самого начала были обречены на неудачу, потому что все началось с митараевской депрессии? В любом случае соревнование с Такэгоси-младшим Митараи проиграл (конечно, соревноваться пришлось не на равных, но Киёси сам виноват – никто не заставлял его очертя голову лезть в это дело, ни с кем не посоветовавшись).

Эта война была безнадежной изначально. Противнику достаточно было просто ничего не делать, в то время как Митараи принял вызов и взялся за решение загадки, над которой сорок лет безуспешно ломала голову вся Япония. И даже найди мы на нее ответ, толку все равно не будет. Даже если мы установим, кто преступник, времени на его поиски уже не останется. Никто не знает, где он сейчас. Митараи проиграл.

Оставался еще луч надежды – информация, которую удалось собрать мне. Возможность, что Сюсай Ёсида и есть Хэйкити Умэдзава. Вероятность невелика, но я почему-то был уверен в этом шансе. В Ёсиде определенно что-то есть. Проблема в том, что у нас почти не осталось времени. Я должен действовать немедленно, даже если придется оставить Митараи в таком состоянии. Это последняя надежда. У нас есть всего несколько часов.

Стоит ли сейчас, когда Митараи в полном раздрае, рассказывать о моих результатах? Как бы хуже не сделать. Похоже, он всю ночь пролежал на этой скамье. Несет какую-то бредятину... Может, хотел таким образом наказать себя за собственную беспомощность? А если б ночью дождь пошел?

Я посмотрел на часы. Десятый час. Надо же что-то делать, мы не можем просто так здесь сидеть. Если Митараи нельзя оставить одного, надо позвонить Эмото, а самому ехать к Ёсиде. Других вариантов нет. В этот момент Митараи открыл рот и заговорил. Теперь уже членораздельно, понятно для простого смертного.

– Не следовало мне говорить гадости о Шерлоке Холмсе. Ты был прав. За это я и поплатился. Надо знать свое место. Я думал сразу расколоть эту загадку – и почти с ней справился. Во всяком случае, мне так показалось. Не хватало одной маленькой детали, чтобы картинка сложилась и я понял, кто

преступник. Всего одной детали! Черт! Я бы распутал этот клубок! Недостает какой-то мелочи. Самой маленькой мелочи...

Митарай обхватил голову руками и продолжал:

– Эх! Ты был прав: во всем виновата моя гордость. У меня губы распухли. Правда! Еле шевелятся, говорить невозможно. Я сбился с шага, от меня никакого толку. Зато с тобой, похоже, всё в порядке. Давай рассказывай. Какие у тебя успехи?

В эти минуты Митарай являл собой воплощение скромности. Что же получается? Человеку время от времени надо испытывать крушение надежд и планов? Но он должен получить большую компенсацию за свой провал. Я не мог допустить, чтобы мой друг встал на колени перед спесивым копом. Митарай надо куда-нибудь спрятаться, а я буду готов в одиночку противостоять младшему Такэгоси.

И я стал рассказывать о том, что мне удалось сделать: о повторном визите к Сато-сан, дочери Ясукавы, рассказавшей мне о Сюсай Ёсиде, о поездке в Карасума для встречи с Ёсидой, о вчерашней поездке в Мэйдзи-мура, где я повстречался с Хатино Умэдой, которого Тамио Ясукава принял за Хэйкити, и видел куклу, о которой мне рассказал Ёсида.

Пока я говорил, Митарай лежал на скамье лицом кверху и смотрел в небо отсутствующим взглядом, в котором не было ни малейшего интереса. Разве это нормально? Или дело в другом? Митарай сдался, решил все бросить? Было от чего прийти в отчаяние.

Митарай вроде успокоился. Я решил оставить его и отправиться к Ёсиде. Надежды, что этот ход сработает, не было, но что оставалось делать? Что-то да получится. Сегодня же последний день, разве мог я тратить его на пустые разговоры со спятившим человеком?

Неожиданно этот спятивший принял на скамье сидячее положение и проговорил сонным голосом:

– Скоро откроется Някуодзи...

– Някуодзи? Что это? Храм?

– Храм... нет, я не это имел в виду! Вон.

Я перевел взгляд туда, куда указывал палец Митарай, и увидел между деревьями верхушку башенки с часами, выстроенной в европейском стиле.

Тропа философа пролегала по насыпи вдоль русла неглубокой речушки. Насыпь была очень высокая, и все постройки в округе стояли на четыре-пять метров ниже тропы. К башенке с часами надо было спускаться по каменным ступенькам.

– Что там? Кафешка?

– Ага! Мне нужно выпить чего-нибудь теплого.

Я ничего не имел против. Мы поднялись со скамьи и стали спускаться по ступенькам.

Башенка стояла напротив дома, принадлежавшего известному артисту, который выделил под нее часть собственного сада. Одна из стен башенки была застеклена, и, присев внутри постройки, можно было смотреть на сад с каменным колодцем в испанском стиле и несколькими статуями. Лучи утреннего солнца освещали наш столик. Мы оказались единственными посетителями этого очень уютного заведения.

– Приятное местечко, – проговорил я, наслаждаясь спокойствием и заказанным кофе.

– Угу, – рассеянно буркнул Митарай, еще не вышедший из транса.

– Я думаю сейчас поехать к Сюсай Ёсиде. Тому самому. Я тебе о нем рассказывал. Ты как? Может, вместе?

– М-м... Может, и правда... – протянул Митарай после затяжного раздумья.

– Тогда поехали, времени-то нет! Сегодня мы должны определиться – либо черное, либо белое.

Я быстро допил кофе и решительно поднялся, схватив со стола счет. Солнце, проникавшее в помещение через большое стекло, вдруг в одну минуту застлало облака. Я даже ахнул от неожиданности. Только что небо было ясное... Видно, погода портится, подумал я.

Митарай не спеша вышел из кафе первым. Я достал кошелек, чтобы расплатиться, но мелких денег там не оказалось, одни десятичные [64]. Кафе только что открылось, и сдачи у официанта не было. Он удалился куда-то разменять деньги, и мне пришлось его ждать.

Я быстро стреб сдачу – девять бумажек по тысяче и, складывая их по порядку по старой привычке, стал подниматься по каменной лестнице на Тропу философа. Одна из купюр оказалась склеена посередине скотчем. Склейка проходила через правую щеку Хиробуми Ито [65].

Митарай сидел на той же скамье. Неведомо откуда рядом с ним объявился тот же самый пес. Похоже, собаки его любили, считали своим, что ли... Надо ехать в Карасума, сказал я и, подталкивая вперед Митарай, зашагал по Тропе философа. Предстоял последний бой. Внутри у меня все горело.

Запихивая деньги в кошелек, я показал Митарай склеенную тысячу:

– Смотри, какую бумажку мне дали.

– Ого! Матовый скотч? Нет, – заметил Митарай. – Обычный. Тогда всё в порядке.

– Что – в порядке?

– С помощью матового скотча можно подделать десятку. С тысячной не получится, а десятку можно.

– А почему именно матовый?

– Потому что... Так просто не объяснишь. Были бы карандаш да бумага – другое дело. Ну это не совсем фальшивые деньги... Что-то вроде мошенничества... наверное...

Речь Митараи снова стала сбивчивой. Он глотал окончания слов. С ним иногда случалось такое. Симптом депрессии.

«Ну давай же, давай!» – подгонял я про себя Митараи, но, взглянув на него, почувствовал, как у меня по спине пробежал холодок. Никогда прежде я не видел у него такого лица. Налитые кровью глаза вдруг выпучились, излучая безумную энергию. Рот, напротив, был безвольно открыт.

На мгновение я совершенно растерялся, ничего не понимая. Меня охватило отчаяние. Митараи крепко, до дрожи в пальцах, сжал кулаки, протянул руки вперед и завыл во все горло:

– У-у-у!!!

Проходившая мимо пара застыла на месте и обернулась на нас. Собака тоже вопросительно взглянула на Митараи.

Я слышал от моего друга жалобы и ропот бесчисленное число раз, но до этого момента он никогда не давал мне повода сомневаться в его высочайших умственных способностях. Я уважал его за скрупулезность и точность. И эти же качества привели его к катастрофе. С отчаянием и грустью я наблюдал за тем, как мой лучший друг погружается в пучину безумия, как умирает его мозг.

– Что с тобой, Митараи?! Приди в себя! – заорал я, хотя этот вопрос не имел никакого смысла. Но разве я мог оставаться безучастным в такой ситуации? Дальнейшие мои действия были банальны – я схватил Митараи за плечи и стал трясти. А что еще можно было сделать?

Но всмотревшись в его лицо, я ощутил странное волнение и замер. Исхудавший, заросший щетиной Митараи, громогласно выкрикивавший что-то, напомнил мне отошавшего, изголодавшегося до полусмерти, но гордого льва, оглашавшего окрестности грозным рычанием.

Вдруг лев умолк и бросился бежать со всех ног. В сильнейшем припадке сумасшествия Митараи будто заявлял во весь голос, что не нуждается ни в чьей помощи. Я припустил за ним со всех ног, а в голове крутилось: «Ага! Наверное, кто-то свалился в речку. Может, ребенок... Вот он и кинулся спасать. Точно!» Хотя нет! Это мне хотелось, чтобы так было. И что странно: я же своими глазами видел, что в реку никто не падал.

Не пробежав и тридцати метров, Митараи резко остановился и бросился в обратную сторону, чуть не налетев на меня. Наблюдавшая эту сцену парочка сорвалась с места и пустилась наутек. Митараи понадобилось всего несколько секунд, чтобы догнать убежавших. Тут он остановился и, обхватив голову руками, уселся на корточки. Черный пес, наблюдавший за метаниями Митараи с

дистанции, благоразумно посчитал за лучшее ретироваться в безопасное место.

Что же все-таки с ним произошло, гадал я, нетвердой походкой направляясь к Митараи. Перепуганная парочка с осуждением смотрела на нас. Мой друг устроился на корточках на том самом месте, где несколько минут назад был, как собака. Что мне оставалось делать? Только ждать, что будет дальше.

Я подошел, Митараи поднял голову, и я увидел на его лице привычное озорное выражение.

– А-а, Кадзуми... Ты где был?

У меня точно камень с души свалился. Как мне полегчало – словами не передать.

«Я понял, что ты быстро бегаешь», – хотел сказать я, но он меня опередил:

– Какой же я идиот!

«Кто бы спорил», – подумал я.

– Болван! Тупица! Искал очки, а они-то на носу! Как можно быть таким кретином! Вот что надо было делать с самого начала! Заблудился в трех соснах. Хорошо еще, что никто не пострадал из-за моей дурости... Слава богу!

– Чего хорошего-то? Хорошо то, что я оказался рядом. А то эта парочка вызвала бы тебе «Скорую».

– Булавка! Одна маленькая булавочка, Кадзуми! Я отыскал ее. Отыскал наконец! Как я и думал! Достаточно выдернуть булавку, и бац! – все встало на свои места...

Все-таки я крутой парень, что ни говори. Но как можно было быть таким болваном? Если б я с самого начала делал что надо, все было бы понятно сразу после твоих объяснений. Это же проще простого! А я что делал? Чтобы добраться до поля с дайконом, принялся, как крот, рыть землю с противоположной стороны шарика.

Ну что скажешь, Кадзуми? Ты должен смеяться надо мной. Смейтесь все, ты тоже смейся. Разрешаю. Глупец! Шут гороховый! Как можно столько биться над этой простейшей задачей?! Она любому ребенку по силам. А теперь надо спешить! Который час?

– Что?

– Что значит «что»? Сколько сейчас времени? У тебя ведь часы на левой руке или как?

– Одиннадцать...

– Одиннадцать! Бог мой! Времени совсем не остается. Когда последний экспресс в Токио?

– В восемь двадцать девять, кажется... А что?

– Отлично! Вот на нем и поедem. А пока поезжай-ка ты в Нисикёгоку к Эмото и жди моего звонка. Времени совсем нет. Пока!

– Эй! погоди! Ты куда?

Быстро удалявшийся Митараи крикнул на ходу:

– Разве не понятно? На встречу с преступником!

Я смотрел ему вслед, разинув рот.

– Эй! Ты свихнулся? Ты же не знаешь, где преступник.

– Ничего, разберусь. Не беспокойся. К вечеру я его найду.

– К вечеру?! Ты вообще понимаешь, кого ищешь? Это же не зонтик какой-нибудь. А как же Сюсай Ёсида? Нам же надо его увидеть!

– Ёсида? Какой еще Ёсида? А-а! Это про которого ты рассказывал? Нет, он нам не нужен.

– Как же так?

– Зачем? Он же не преступник.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что я знаю, кто преступник.

– Постой! Как же...

Договорить я не успел – Митараи уже скрылся за углом.

Я чувствовал страшную усталость, хотя прошло всего часа два-три, как я нашел Митараи. За что судьба послала мне полусумасшедшего друга? Если это действительно судьба, значит, в прошлой жизни я сделал что-то очень плохое.

Теперь, оставшись один, я должен был принять важное решение. Что делать с Ёсидой? Митараи сказал, что ехать к нему незачем. Но насколько можно верить словам такого человека?

Простейшая задача, сказал он? Ничего себе простейшая! По силам любому ребенку? Любому ребенку ясно, что он сумасшедший.

Что же такое обнаружил Митараи? Если он в самом деле что-то обнаружил. Ведь что ни говори, а с ним случился настоящий припадок. Бегал, выл, кричал... Нормальный человек так себя не ведет.

Даже если ему удалось что-то разузнать, отыскать преступника до вечера совершенно невозможно. Люди сорок лет бились над этой загадкой, но так и не сумели ее разгадать. И вдруг за какие-то несколько часов преступник

находится. Как зонтик, позабытый в телефонной будке... Если это произойдет, я готов на руках пройти по всему Киото. Говорить такое может только тот, кто не в своем уме. Это можно утверждать с полной уверенностью. Не будете же вы отрицать, что у человека, сомневающегося в том, что почтовые ящики в Японии выкрашены в красный цвет, не все дома. Это вам каждый подтвердит.

Начнем с того, что Митарай знает об этом деле столько же, сколько и я. Не больше. Впрочем, нет! Гораздо меньше. Ведь ему ничего не известно ни о Сюсай Ёсиде, ни о Хатино Умэде. И несмотря на это, он заявляет, что знает, кто преступник...

Митарай сказал, чтобы я сидел у Эмото и ждал его звонка. Послушаю его – получится, что я поверил в его бред и готов сидеть и ждать, пока он найдет убийцу.

Поверить в это решительно невозможно. Но вдруг Митарай понадобится моя помощь? Вот ради этого надо, наверное, вернуться в квартиру Эмото.

Итак, сегодня последний день. Что делать, если Митарай в конце концов все-таки проколется? Разве я смогу справиться с этим делом, что-то изменить?

Митарай убежал, ничего толком не объяснив. Оно и понятно – времени не осталось совсем. И потом – его осенила какая-то мысль. Получается, мне надо тихо сидеть и дожидаться, когда он позвонит? Смотреть на небо и ни о чем не думать? А небо между тем заволочено плотными облаками. И в голове у меня тоже сплошной туман.

Существует ли хотя бы небольшая вероятность того, что Митарай удалось раскрыть дело, над которым мы бьемся? Когда с ним случился припадок и он заорал как резаный? Есть! Когда я показал ему склеенную тысячу. Может, здесь кроется подсказка?

Я быстро достал кошелек и посмотрел на купюру. С виду ничего особенного. Обыкновенный прозрачный скотч. Что из этого можно извлечь? Я перевернул купюру. Такой же скотч. Митарай на оборотную сторону даже не взглянул.

Что же он увидел на лицевой? Я внимательно рассмотрел ее, но ничего не обнаружил. С цветом всё в порядке... Хиробуми Ито что-то подсказал? Вряд ли. А может, дело в цифре? Тысяча... Нет, ничего в голову не приходит.

Попробуем еще раз. Купюра, то есть деньги. Какая-то связь с деньгами? Убийства связаны с деньгами? Но это и так ясно. Ничего нового.

Ага! Как он сказал?... Фальшивые деньги! Фальшивка, подделка... Подделка денег? Под видом «убийств по Зодиаку» скрывается преступление, связанное с изготовлением фальшивых денег? Ведь Хэйкити Умэдзава был художником. Или...

Но как связать эту версию со всем, что нам известно о деле семьи Умэдзава? До сих пор не было никаких признаков или намеков, что оно как-то связано с фальшивомонетничеством.

Хотя я не думаю, что между шумным спектаклем, который устроил Митарай, и словами «фальшивые деньги» совсем нет никакой связи. Это определенно намек на что-то. Но на что именно?

Еще Митараи сказал, что при подделке денег используют матовый скотч. Причем не для тысяч, а для десятитысячных. Почему? У десяток бумага, что ли, лучше?

Ну да! Как я сразу не догадался?! Какой смысл подделывать тысячи? Большой прибыли не получишь. То ли дело десятка. Навар в десять раз больше. Были бы стотысячные купюры, наверняка занялись бы ими. Это понятно.

Но какое отношение к этому делу может иметь скотч? И почему он должен быть матовым? Ведь фальшивые деньги печатают и скотч тут не нужен... Нет, определенно Митараи говорит загадками.

* * *

В конце концов я решил ехать к Эмото и дожидаться новостей там. Митараи обещал позвонить к вечеру. Если выяснится, что он провалился, мне останется лишь вскочить и мчаться к Ёсиде. Грань между безумием и гениальностью очень тонкая. И мне не хочется, чтобы она была размыта.

Антракт

От автора

Дорогой читатель!

Возможно, мне надо было обратиться к тебе раньше, но лучше поздно, чем никогда. Не дело автора вмешиваться в ход расследования, но я все-таки хочу сказать несколько слов.

Сейчас ты обладаешь всей необходимой информацией, чтобы раскрыть это запутанное дело. В твоих руках решающий ключ, который позволяет это сделать. Мне хотелось бы, чтобы наше повествование строилось на принципах справедливой игры и ты сам разгадал эту загадку.

Набравшись смелости, бросаю тебе вызов, читатель: отгадка у тебя перед носом. Найдешь ли ты ее?

Содзи Симада

Акт IV

Весенняя гроза

Сцена 1

Чайный домик

Я решил пока выбросить все из головы, потому что как только я начинал думать о деле Умэдзава, сразу появлялось желание немедленно мчаться к Ёсиде.

Пододвинув поближе телефон, я попробовал прилечь на пол, но никак не мог найти себе места. Хотя следовало радоваться, что мой друг в конце концов пришел в себя и снова полон сил и энергии.

Всю дорогу до квартиры Эмото я ломал голову над тем, как убить время до вечера, до звонка Митараи. Для обеда было еще рано, но я все-таки решил пообедать и старался растянуть трапезу как можно дольше. Однако долго ждать не пришлось. Не успел я как следует устроиться рядом с телефоном – и двадцати минут не прошло, – как раздался звонок. Вряд ли это Митараи, слишком рано, подумал я, но трубку снял:

– Алло! Эмото слушает.

– Кадзуми! Ты? – послышался насмешливый голос Митараи.

– Ты чего так рано? Забыл что-нибудь?

– Я сейчас в Арасияме.

– А-а! Неплохое местечко... Мне там понравилось. Уж больно хороша там твоя «любимая» сакура. Ну как голова? Работает?

– Как никогда! Слушай, ты знаешь мост Тогэцукё? В Арасияме? Как перейдешь его, тут же стоит телефонная будка. Храмик такой, маленький. Помнишь?

– Да, знаю.

– Я как раз из нее звоню. Напротив, через улицу, чайный домик. «Котогики» называется. Здесь такие сакурамоти[66] подают... М-м! Никакой сладкой начинки. Объедение! Давай приезжай сюда. Хочу, чтобы ты кое с кем повидался.

– О'кей. С кем же?

– Приезжай – увидишь.

В такие минуты у Митараи все равно ничего не выпутаешь. Бесполезно.

– Ты очень хотел бы встретиться с этим человеком. Думаю, ты меня не простишь, если я тебя не позову. Только торопись. Человек это известный, занятой. Может уйти, если не поспешишь.

– Уж не кинозвезда ли?

– Хм-м... Пожалуй, так и есть. Человек с большой буквы. И еще. Тут у нас тучи собираются, ветер поднялся... Того и гляди дождь пойдет. Привези зонтик, будь другом. У Эмото в прихожей должна быть пара клеенчатых зонтов. Белые такие, дешевые. Я их купил в прошлый приезд. Захвати, ладно? И быстро сюда, а то поздно будет!

Я вскочил и бросился в прихожую, где за ящиком для обуви обнаружил два зонтика – один действительно оказался белым, другой почему-то был черный, – и пустился бегом на станцию. Сегодня сплошная беготня, подумал я. Зато для здоровья полезно. Но почему Митараи, зная, что у нас каждая минута на счету, вдруг решил организовать мне встречу с кинозвездой, или кто он там еще? Или она... Конечно, если это известная актриса, я ничего против не имею, но какое это имеет отношение к делу?

Я сошел на станции Арасияма. Солнце еще стояло высоко, но небо из-за набегавших облаков потемнело, приобрело кремово-серый оттенок. Чувствовалось приближение сумерек, ветви деревьев шумели под сильными порывами ветра.

Когда я пробежал по мосту Тогэцукё, небо осветила вспышка. Я поднял голову: молния? Похоже, приближалась весенняя гроза.

* * *

В «Котогики» посетителей было мало, и я сразу увидел Митараи. Он сидел у окна за столиком, покрытым красной скатертью. Увидев меня, махнул рукой. Рядом с ним, спиной ко мне, сидела женщина в кимоно.

Держа в руках зонты, я подошел и сел возле Митараи. Через окно открывался вид на реку и мост. «Что бы вы хотели?» – услышал я позади голос официантки. «Конечно, сакурамоти», – ответил за меня Митараи и протянул ей несколько стоиеновых монет. Похоже, здесь брали деньги вперед.

Мы с женщиной оказались напротив друг друга, и я смог как следует рассмотреть ее, хотя она сидела, опустив глаза. У нее были изящные, благородные черты лица. В молодости ее наверняка можно было назвать красавицей. На вид лет сорок пять – пятьдесят. Пусть даже пятьдесят, все равно во время, когда произошли «убийства по Зодиаку», ей было от силы лет

десять. Не очень понятно, какую пользу она могла принести для нашего расследования. Что собирался у нее узнать Митарай?

Я заметил, что чашка чая и сакурамоти на столике перед женщиной оставались нетронутыми. Интересно, почему она не поднимает глаз, подумал я.

Я не мог понять, видел ее раньше или нет. Если она киноактриса, я должен был видеть ее по телевизору или в кино, но вспомнить не мог.

Присев за столик, я надеялся, что Митарай представит нас друг другу, но он этого сразу не сделал, и за столом повисло неловкое молчание. Я попробовал жестами дать понять Митарай, что надо как-то разрядить ситуацию, но тот лишь сказал: «Вот сейчас тебе принесут сакурамоти», – и снова умолк.

Неловкость развеяла официантка, которая почти сразу поставила передо мной поднос с маленькой тарелочкой и чашкой чая. Митарай тут же нарушил висевшую над столиком тишину:

– Это мой друг, Кадзуми Исиока. Мы вместе работаем.

Женщина мельком взглянула на меня, по ее лицу скользнула улыбка. Я долго не мог забыть эту странную улыбку. Впервые я видел, чтобы пятидесятилетняя женщина так улыбалась. Назвать эту улыбку застенчивой язык не поворачивался, слишком банально звучит. Так улыбаются девушки, которым еще не довелось столкнуться с ложью. В улыбке было не взрослое очарование, а нечто совсем другое.

Митарай медленно повернулся ко мне и произнес странные слова, прозвучавшие для меня как во сне:

– Разреши представить тебе уважаемую госпожу Тазко Судо. Преступницу в деле об «убийствах по Зодиаку».

* * *

На мгновение мне показалось, что я теряю сознание. Придя в себя, я понял, что мы сидим и молчим. Молчали долго-долго. Может быть, те самые сорок лет.

Вдруг эту похожую на вечность паузу пререзала яркая вспышка молнии, рассеявшая царивший в чайном домике полумрак. На миг стало светло, как в самый ясный день. И тут же тишину взорвал удар грома. Официантка охнула от неожиданности.

Потом, словно знак с небес, за окном хлынул ливень, мост и река исчезли за завесой струй и брызг. Капли дождя барабанили по крыше с такой силой, что разговаривать стало невозможно. Мы молчали.

Дождь принялся косо хлестать по окнам, в которые я видел мир, где, как в размытой картине тушью, силуэты людей спешили укрыться от обрушившихся на них потоков воды. Несколько человек, с шумом раздвинув двери, вбежали в чайный домик. До меня, словно из другого, далекого мира доносились их громкие голоса.

Из меня будто ушли силы, я чувствовал себя выжатым как лимон. Перед глазами, скручиваясь и рассыпаясь в прах, проплыл горящий лист бумаги.

Наверное, Митарай решил в очередной раз подшутить надо мной. Я уже привык к его бесцеремонным шуткам. Сердито покосившись в его сторону, я заметил, что сидевшая против меня женщина, судя по выражению ее лица, вовсе не склонна шутить.

«Что же это такое?» – подумал я, не в силах больше сдерживать охватившее меня возбуждение.

Таэко Судо? Никогда не слышал этого имени. Совершенно не известный нам человек.

Сейчас ей самое большее пятьдесят; значит, в 36-м было лет десять. Предположим, даже пятьдесят пять... Все равно, что может сделать такой ребенок? Как она могла в одиночку убить Хэйкити, Кадзуэ, а потом еще шесть девушек?

Что же, и письмо с угрозами в адрес Бундзиро Такэгоси – тоже ее рук дело? И девушек тоже она расчленила? И Азот из них слепила? Ни Ёсио, ни Ясукава, ни Аяко, ни Хэйкити, а все она? Одна-единственная?

Какие у нее могли быть мотивы? В каких отношениях она была с семейством Умэдзава? В материалах по этому делу Таэко Судо не упоминается. Где она скрывалась? И как все, не только мы с Митарай, умудрились упустить ее из виду?

Как ребенок смог заманить куда-то шесть взрослых женщин и отравить? И где она раздобыла яд?

Но есть вещи еще менее понятные. Если эта женщина и в самом деле сорок лет скрывала от всей Японии свои преступления, как Митарай отыскал ее за несколько часов? Что он мог успеть за это время? Добраться сюда, после того как мы расстались на Тропе философа, и пообедать?

Утром, когда я оказался на Тропе философа, тайна семьи Умэдзава оставалась тайной. Все было так же неясно, как в 36-м. И тут вдруг Митарай озарило. Что? Как? Почему?

Дождь продолжал лить как из ведра, небо то и дело пересекали молнии, воздух в помещении пропитался влагой. Мы трое сидели молча, словно каменные истуканы. Постепенно ливень стал стихать, струи уже не стучали по стеклу с прежним ожесточением.

Будто дождавшись этого момента, женщина вдруг заговорила:

– Я знала, что когда-нибудь это случится и кто-то меня найдет.

Против моих ожиданий, голос у нее оказался хриплый, надтреснутый и совершенно не вязался с ее внешностью. Судя по голосу, она могла быть старше, чем я подумал сначала.

– Странно, что это тянулось так долго. Сорок лет никто не мог разгадать загадку. Но у меня было предчувствие, что с ней справится кто-то из молодых, таких, как вы.

– Позвольте всего один вопрос, – как бы между прочим проговорил Митарай. – Почему все это время вы прожили там, где вас в любой момент могли разоблачить? Ведь можно было куда-нибудь уехать. С вашим умом было бы совсем нетрудно выучить иностранный язык. Жили бы спокойно за границей...

Желтовато-пепельный фон за окном не рассеивался, дождь моросил не переставая, время от времени в потемневшем небе сверкали молнии.

– Как сказать... Это трудно объяснить. Наверное, я решила ждать. Я была одинока, ведь мне так и не повстречался человек, о котором можно было сказать: «Это он! Тот самый!» Я верила: тот, кто придет ко мне, будет из той же породы, что и я... О, не подумайте! Я не в том смысле, что вы такой же злодей!

– Я понимаю вас, – Митарай кивнул с серьезным видом.

– Я так рада, что мы встретились...

– А уж как я рад – словами не передать.

– У вас выдающиеся способности. Вас ждет большое будущее.

– Благодарю. Хотел бы я знать, выпадет ли мне когда-нибудь дело более важное и интересное, чем ваше.

– Ну что вы! Не говорите так. Вряд ли я заслуживаю таких слов. Вы молоды, у вас еще все впереди. Не стоит слишком гордиться, что вы сумели разгадать мою пустяковую загадку.

– Об этом не беспокойтесь. Хотя я с вашей загадкой набил порядочно шишек. Особенно вначале, – отвечал Митарай. – Надо прощаться, пока у меня не закружилась голова от моего скромного успеха. Мне действительно очень жаль, но сегодня вечером мы возвращаемся в Токио, и завтра я сообщу о вас полиции. Так получилось, я обещал. Инспектору по фамилии Такэгоси, сыну Бундзиро Такэгоси, хорошо вам известному. Этот человек – полный дурак, обезьяна в пиджаке, но я ничего не могу сделать. Таковы обстоятельства. Будь они вам известны, вы бы меня поняли.

Если б не это, расставшись с вами, я бы вернулся в Токио к работе, которую забросил неделю назад. Но я хорошо знаю, что не получил бы от нее такого удовлетворения, как от встречи с вами.

С обезьяной я встречаюсь завтра. И, скорее всего, Такэгоси с компанией своих приятелей нагрянет сюда уже завтра вечером. У вас еще есть время уехать куда-нибудь. Никто вам не мешает.

– Вы не должны помогать преступнику скрыться, даже если срок давности преступления уже истек.

Митарай посмотрел в сторону и рассмеялся:

– Мне много чего довелось испытать, но за решеткой, к несчастью, я еще не бывал. Мне изредка приходится встречаться с людьми, совершившими преступления, но я не могу ничего рассказать им о месте, где они когда-нибудь окажутся.

– Вы молоды и потому бесстрашны. Я тоже была такой.

– А дождь все не кончается... Возьмите зонтик, а то промокнете. – Митарай протянул ей белый виниловый зонт.

– Но я не смогу вам его вернуть.

– Не беспокойтесь по пустякам.

Мы все втроем встали из-за стола. Таэко Судо открыла сумочку и сунула в нее левую руку. Между тем я сторал от любопытства – у меня было к ней столько вопросов! Но я так и не осмелился открыть рот, боясь нарушить атмосферу, окружавшую Митарай и эту женщину. Я чувствовал себя студентом, попавшим на лекцию по предмету, в котором ему еще не знакомы даже азы.

– Я не знаю, как вас отблагодарить. Вот, возьмите это.

С этими словами Таэко Судо протянула Митарай шелковое саше, украшенное сложным узором из красных и белых нитей. Замечательная вещица!

Митарай поблагодарил ее – сухо, что никак не вязалось с атмосферой расставания, – и, небрежно взяв подарок левой рукой, мельком взглянул на него.

Выйдя из чайного домика, мы с Митарай раскрыли черный зонт и зашагали к мосту. Женщина под белым зонтиком пошла в другую сторону. При расставании она поклонилась сначала Митарай, а потом мне. Я тоже поспешно отвесил ей неловкий поклон.

С трудом помещаясь под маленьким зонтиком, мы дошли до моста, и я обернулся. Как-то само получилось. Одновременно обернулась и Таэко Судо. Взглянула на меня и еще раз поклонилась. Мы поклонились в ответ.

Я смотрел вслед удалявшейся маленькой фигурке и не мог поверить, что эта женщина и есть та самая возмутительница спокойствия, перебаламутившая в свое время всю Японию. Она шла медленно, и никто из проходивших мимо не обращал на нее внимания.

Гроза кончилась, а вместе с ней ушел драматический момент, который мы только что пережили. По дороге на станцию я спросил Митарай:

– Ты мне расскажешь, как все вышло?

– Расскажу, конечно, если тебе интересно.

– А ты думаешь, нет?

– Ну что ты! Просто вдруг ты не захочешь признать, что твоим мозгам до моих далеко.

Я промолчал.

Сцена 2

Игральные кости

Когда мы вернулись в Нисикёгоку, Митараи позвонил в Токио. Из того, что я услышал, стало ясно, что он говорил с Иида-сан.

– Да... дело раскрыто. Да... конечно, известно. Преступник жив. Я сегодня встречался... Кто? Приходите завтра после обеда ко мне в офис. Как зовут вашего брата?... Фумихико? Никогда бы не сказал... Очень милое имя. Скажите ему, чтобы он тоже пришел. И пусть захватит записки отца. Передайте, что я настаиваю. Без них ничего рассказывать не буду. Да, завтра я целый день в офисе. Можно в любое время, только позвоните заранее... До свидания...

Митараи положил трубку и стал набирать другой номер. Видимо, решил позвонить Эмото.

Я взял на кухне швабру и принялся убирать комнату. Все-таки мы жили у Эмото целую неделю. Митараи, закончив разговор, так и остался сидеть посреди комнаты, погруженный в глубокую задумчивость, и даже не пошевелился, когда я возил около него шваброй.

Дождь продолжал моросить, и теперь можно было, не боясь, открыть окно.

* * *

На вокзале мы поднялись на платформу, держа в руках наш немудреный багаж. Эмото уже ждал нас с двумя коробочками с бэнто.

Дождь наконец прекратился.

– Это вам. В дороге пожуе. Приезжайте еще, – сказал Эмото.

– Спасибо. Ты нам так помог. Даже неудобно как-то, – проговорил я. – Теперь ждем тебя в Токио. Еще раз спасибо за все. Мне здесь очень понравилось.

– За что благодарить-то? Я же ничего не делал. Ко мне часто друзья приезжают, живут у меня... Квартира всегда в вашем распоряжении. Рад, что разобрались с этим делом.

– Я тоже, хотя пока ничего не знаю. Этот небритый гений не изволил пока доложить. – Я указал на Митараи.

– Ага! Значит, это секрет?

– Точно, – подтвердил мой друг.

– Гений не меняется, – вздохнул я. – Разбрасывает по комнатам вещи, а потом найти не может. Забывает. Когда у него проводят генеральную уборку, какого только баракла из разных углов не вытряхивают...

– Ну это обычное дело... Но все же лучше, чтобы он поскорее все рассказал, пока не забыл.

– Да уж, лучше поторопиться.

– Интересно, почему среди предсказателей попадается так много чудаков?

– Да потому, что этим делом в основном старичье занимается.

– Ты хочешь сказать, что, хоть он еще молодой...

– Ну что поделаешь? Жаль, конечно...

– Эй, молодцы! – прервал наш разговор Митараи. – Хватит болтать. Прощаемся. Сейчас поезд разлучит нас и умчит меня и Кадзуми за пятьсот лет отсюда. Мы облачимся в римские доспехи и снова усядемся на белых ослов!

– Ну вот! Он всегда так, – сказал я, обращаясь к Эмото.

– Тяжко тебе с ним, верно?

– Если он мне обо всем расскажет, я напишу тебе письмо. Длинное, со всеми подробностями.

– Буду ждать. Приезжай снова, не откладывай. Летом, когда фестиваль поминовения предков, у нас огни зажигают. Очень красиво.

* * *

Дело было сделано. Митарай, мечтавший поскорее добраться до своей кровати, настоял, чтобы мы не дожидались последнего поезда в Токио и уехали пораньше.

Состав тронулся с места, оставляя позади стоявшего на платформе и махавшего рукой Эмото, и, набрав скорость, рассекал поля, погружавшиеся в закатные сумерки. Я повернулся к Митарай:

– Может, хоть как-то намекнешь? Это ведь делу не повредит.

– Намекнуть?... Вот тебе намек – скотч.

– Ты это серьезно?

– Серьезнее быть не может. Скотч – это даже не намек, а ключ ко всему.

Я растерялся:

– Выходит, Тамио Ясукава, его дочь, Сюсай Ёсида и Хатино Умэда совершенно ни при чем?

– Ну я бы так не сказал. Просто они нам не нужны.

– Ты имеешь в виду, что у нас есть все необходимые данные, чтобы раскрыть это дело?

– Именно так. Больше ничего не требуется.

– Но подожди... эта Таэко Судо... Мы же не знаем ее адрес. Так ведь?

– Знаем.

– Откуда? Из данных, которые у нас есть?

– Да, из данных, которые есть.

– Но ты же, наверное, еще что-то узнал? Что-то, о чем мне неизвестно. Пока я ездил в Осаку и Нагоя.

– Ничего я не узнал. Полеживал на берегу Камогавы, и всё. У нас вся информация была на руках еще до того, как наш поезд прибыл на вокзал Киото. То есть мы могли поехать к Таэко Судо прямо с вокзала. А мы вместо этого стали тупить.

– Но кто такая эта Таэко Судо? Ее действительно так зовут?

– Скажешь тоже!

– Ну я о ней знаю? Знаю или нет?! Кто же она? Как ее звали тогда? Сорок лет назад... Скажи! Что ты тянешь? А как же Азот? Она ее сделала?

– Азот?... – с раздражением проговорил Митарай. – Она существует. Живет, действует. Она все это и сотворила.

Я подскочил на месте.

– Что?! Но как?!

– С помощью колдовства, понятное дело.

Мое возбуждение мгновенно испарилось.

– Так, да? Шутишь? Верно... такого не может быть... Но сегодня... Кто эта женщина? Кто она?!

Митарай, прищурившись, ухмыльнулся.

– Ты можешь объяснить?! Сколько можно, правда! Сердце сейчас разорвется!

– Да ладно тебе! Ты сам обдумай все хорошенько, а я пока посплю немного, – рассеянно проговорил мой друг, привалившись головой к окну.

– Эх! – вздохнул я. – Тебе-то хорошо, а мне?... Разве так делают? Ты не считаешь, что у тебя есть обязанности перед верным другом? Мы же с тобой в связке работали. Ты нашей дружбой дорожишь или нет, в конце концов?!

– Это уж чересчур! Ты что такое говоришь? Угрожаешь мне, что ли? Я же не говорил, что не буду тебе ничего объяснять. Так нельзя, честное слово. Я собираюсь все разложить по полочкам и уж потом подробно рассказать что и как. Это во-первых.

А во-вторых, я страшно устал. Душой и телом, как говорится. Дай хоть чуть-чуть передохнуть.

И еще. Если я тебе сейчас все расскажу, завтра придется повторять то же самое этому Фумихико. Кроме того, здесь нет доски – мне надо будет кое-что нарисовать, чтобы ты лучше понял. Поэтому давай перенесем это на завтра. В офисе я все расскажу. Ты что, один день потерпеть не можешь? Кончай на меня наседать и спи.

– Но я не хочу спать.

– Зато я хочу. Две ночи не спал. Мечтаю поскорее сбрить щетину. Колется. Только к стеклу прислонишься... Невозможно заснуть. Вот скажи: зачем мужикам щетина? Ладно... Вот тебе еще одна наводка. Сколько лет Судо-сан, как думаешь?

– Где-то под пятьдесят, наверное.

– Ну ты даешь! А еще художник называется! Шестьдесят шесть только что исполнилось.

– Шестьдесят шесть?! Получается, сорок лет назад ей было двадцать шесть?..

– Не сорок, а сорок три.

– Сорок три?... Тогда, значит, двадцать три... Все понятно! Она – одна из шести! Выходит, в ее яме было чье-то другое тело?!

Митарай зевнул во весь рот:

– На сегодня хватит. А ты пока подумай: легко было подобрать девушку того же возраста, да еще занимавшуюся балетом?

– Что?! Значит, я не прав?! Черт возьми! А как же тогда?.. Вот дьявол! Я сегодня точно не засну!

– Подумаешь, ночь не поспишь... Зато завтра все узнаешь. Наша дружба стоит одной бессонной ночи, как считаешь? – С этими словами Митарай удовлетворенно закрыл глаза.

– Тебе нравится наблюдать, как я мучаюсь?

– Да не особо. Просто я спать хочу.

Но прошло всего ничего, как Митарай открыл глаза, вынул из сумки саше – подарок Таэко Судо и, положив его на ладонь, принялся рассматривать.

Глядя в окно поезда, трудно было поверить, что несколько часов назад прокатилась гроза. Стустившиеся сумерки на медленно проплывавшей мимо линии горизонта прорезала багровая полоса заката.

Я возвращался мыслями к семи дням, которые мы провели в Киото. За неделю много всего произошло. Я вспоминал разговор с дочерью Тамио Ясукавы на берегу Ёдогавы, визит в Карасума, к Сюсай Ёсиде, Хатино Умэду в форме полицейского. И, наконец, последнее – встреча с Таэко Судо всего несколько часов назад, поверить в реальность которой так трудно. Меня не покидало ощущение, что все происшедшее сегодня на самом деле было очень давно.

– Значит, мои поездки в Осаку, в Мэйдзи-мура, все это бесполезно?

Я проиграл. Меня одолевала горечь поражения. А Митарай, поигрывая шелковым саше, заметил с отсутствующим видом:

– Ну я бы так не сказал.

– Почему ты так думаешь? – спросил я, воспрянув духом. Неужели все-таки мои изыскания пошли на пользу дела и навели Митарай на какую-то мысль?

– Ты хотя бы посмотрел Мэйдзи-мура. Теперь знаешь, что это такое.

Митарай перевернул саше и потряс. Ему на ладонь выпала пара игральных костей. Он помешал их пальцем.

– Она думала, что к ней явится кто-то молодой, вроде нас с тобой. Так она сказала?

Я кивнул.

– А это хорошо? Мы оправдали ее надежды?

– Что ты имеешь в виду?

– Да я так... ничего особенного.

Мой друг еще долго не выпускал кости из рук. А солнце тем временем медленно уплывало за горизонт.

– Представление окончено, – подвел черту Митарай.

Антракт

Еще раз от автора

Дорогой читатель!

Перед тем как продолжить повествование, хотел бы сказать, что Митарай отнюдь не преувеличивал, говоря, что до приезда в Киото у них с Исиокой была вся нужная информация, чтобы вычислить преступника. Поэтому я и предложил тебе заняться решением этой задачи, ведь у тебя были все карты на руках. Но с учетом сложности рассматриваемого дела я решил дать тебе еще одну подсказку. Подсказку прямее некуда – вывел на сцену преступника, вернее, преступницу. И все равно, как мне кажется, многие читатели пока до конца не понимают, что к чему. Впрочем, удивляться нечему – сорок лет вся Япония не могла найти разгадку! Теперь я предлагаю тебе ответить на два вопроса:

Кем на самом деле является Тазко Судо? Отмечу, что этот персонаж хорошо тебе известен.

Каким образом она исполнила свой преступный замысел?

Если ты найдешь ответы на эти вопросы, все станет понятно.

Содзи Симада

Акт V

Магия в тумане времени

Сцена 1

Невидимый убийца

Что же теперь будет с Тазко Судо? Я плохо разбираюсь в юридических вопросах, но, по словам Митарай, срок давности по таким преступлениям составляет пятнадцать лет. Так что судить и казнить ее не будут.

В Англии и США срок давности по преднамеренным убийствам не установлен. А для нацистских преступников, как я знаю, его вообще нет. Тазко Судо хоть и не нацистка, но в любом случае надеяться на спокойную жизнь ей не приходится.

* * *

Ранним пятничным утром 13 апреля я сошел с электрички на станции Цунасима. На улицах было еще тихо, хотя по вечерам этот район залит неоновыми огнями, которыми сияют отели с сомнительной репутацией.

Прошлую ночь я почти не спал, чего следовало ожидать. Все мои мысли были об этом деле; я едва не сломал себе голову, гадая о том, кем может быть на самом деле так неожиданно появившаяся на сцене Тазко Судо. В голове сплошной туман, еще гуще, чем когда я читал книгу об убийствах членов семьи Умэдзава. Тогда мне еще казалось, что я смогу докопаться до сути дела, а сейчас в голове вообще было пусто.

В дверях кафе, куда я раньше заглядывал несколько раз, показался хозяин и повесил табличку с надписью: «Открыто». Я зашел, выбрал что-то из меню и позавтракал. Впереди меня ожидал исторический день.

Когда я вошел в офис Митарай, тот еще спал. Не могу сказать, что это оказалось для меня неожиданностью. Начало дня не предвещало ничего исторического – мне предстояло в безделье провести на диване несколько часов.

Я вымыл чашки, оставленные в мойке, подготовил все к визиту посетителей, которых, по моему разумению, должно было явиться по меньшей мере двое. Сам Митарай ничего делать не стал бы; такой уж он человек. Я поставил пластинку, убавил звук, чтобы не разбудить Митарай, и растянулся на диване. Только задремал, как дверь спальни скрипнула и на пороге показался мой друг.

Митарай зевнул и почесал голову. Вид у него был свежий – судя по всему, накануне вечером он успел принять ванну; щетина исчезла.

– Ну как? Отдохнул? – спросил я.

– Более-менее. Что-то ты рано явился... Не спал, что ли, всю ночь?

– Сегодня же исторический день.

– Исторический? В каком смысле?

– Разве сегодня не будет открыта загадка, которой больше сорока лет? Сегодня твое торжество. Ты же откроешь людям правду. Разве нет?

– Перед кем? Перед этой обезьяной? Ничего исторического я в этом не вижу. Для меня исторический момент уже миновал. Сегодня будет уборка после пира. Но я должен рассказать обо всем тебе. Вот это действительно важно.

– И все же сегодняшняя встреча... она как бы официальная...

– Хорошо. Пусть будет официальная уборка.

– Называй как хочешь. В любом случае у тебя сегодня будет пара слушателей, не считая меня. И через них обо всем узнают сто миллионов.

Митарай издал сухой смешок:

– Захватывающая сцена. Надо бы мне еще зубы почистить...

В его словах и настроении не чувствовалось подъема, который, по идее, он должен был испытывать. Ведь близился незабываемый час торжества, которому мой друг был обязан самому себе. Или его угнетала мысль, что предстоит сообщить о Таэко Судо полицейскому?

– Что бы ты ни говорил, сегодня твой день. Ты – герой.

– Герой? Мне это вовсе не интересно. Дело раскрыто – и конец. Что тут еще можно сделать? Вот если б преступник оказался отморозком, грозившим новыми убийствами, все было бы по-другому. Я бы действовал совершенно иначе.

Вот ты художник. Написал картину, и что дальше? Если картина получилась хорошая – всё, работа окончена. А наклеить на нее ценник и впарить какому-нибудь богачу – задача торговца. Так ведь?.. Не хочу, чтобы мне на грудь вешали орден. Будет мешать при беге. Если картина в самом деле хорошая, она не нуждается в роскошной раме. Мне тошно от того, что приходится помогать этой обезьяне. Не будь на кону репутация его отца, я бы ему слова не сказал.

Мисако Иида позвонила почти сразу, как миновал полдень, и сообщила, что будет через час. Все это время Митарай с обреченным видом рисовал в блокноте какие-то схемы.

Наконец раздался стук в дверь.

– Да, входите! – живо отозвался мой друг и предложил вошедшим присесть. И тут же, сделав удивленное лицо, спросил: – А где же Фумихико-сан?

Действительно, вместо верзилы Такэгоси-младшего следом за его сестрой в комнату вошел его полный внешний антипод – невысокий, худой, узкий в плечах мужчина.

– Извините моего брата. Он наговорил вам всякого сторяча... Характер у него такой. Мне правда очень жаль. У брата сегодня неотложная работа, вместо него пришел мой муж. Он тоже служит в полиции. Я думаю, от такой замены беды не будет.

Муж Мисако Ииды поклонился нам по очереди и пристроился на стуле. Судя по всему, мы произвели на него неплохое впечатление. Вообще-то он больше походил на продавца в магазине кимоно, чем на полицейского.

Митарай был слегка разочарован тем, что Фумихико Такэгоси предпочел не встречаться с ним лицом к лицу, но быстро взял себя в руки.

– Вот как? – проговорил он. – Интересно, нашлась бы у него неотложная работа, если б мое расследование окончилось неудачей... Ну у большого человека всегда много дел. Исиока, дорогой! По-моему, ты собирался угостить нас кофе?

Я заторопился на кухню.

– Итак, мы собрались здесь сегодня, чтобы я сообщил вам о человеке, совершившем преступление, которое оставалось нераскрытым сорок три года, фигуранте дела об «убийствах по Зодиaku»... О, чуть не забыл! Вы принесли записки отца? Ага! Замечательно! Прошу передать их мне...

Могу с уверенностью сказать, что мысль о записках Бундзиро Такэгоси не оставляла Митарай ни на минуту. Когда Мисако Иида передала ему листки, он схватил их так крепко, что на руке вздулись жилы. Митарай словно хотел сказать: «Всё! Больше никто их не получит!» Именно ради записок Такэгоси он отдавался поискам преступника с таким пылом.

– Я назову вам преступника. Это женщина по имени Таэко Судо, владелица магазинчика, торгующего сумочками. Он находится в Киото, в районе Сагано, неподалеку от храма Сэйрёдзи. Называется «Мэгумия». В Сагано других магазинов с таким названием нет, так что найти его очень просто.

На этом мы можем закончить. При желании вы можете во всех подробностях узнать содержание этой истории у Таэко Судо... Что? Хотите, чтобы я рассказал? Хорошо. Но учтите: рассказ будет длинный. Сейчас Исиока-кун[67] принесет кофе, и мы начнем.

* * *

Крохотная аудитория с маленькой доской и парой лавок, где Митарай проводил свои астрологические семинары, не очень подходила для его блестящей лекции об «убийствах по Зодиaku». Она была достойна зала, вмещающего тысячу

человек. Но слушателей оказалось всего трое. Подавшись вперед и прихлебывая кофе, мы внимательно слушали пояснения Митарай.

– Мы имеем дело с очень простым случаем. Тазко Судо – разумеется, это не настоящее ее имя – одна отправила на тот свет семью Умэдзава. Вот, собственно, и всё.

Встает вопрос: как получилось, что такое простое преступление больше сорока лет оставалось нераскрытым? Объяснение такое – Тазко Судо смогла превратиться в невидимку. Как сказал присутствующий здесь господин Исиока, мы имеем дело с приемами иллюзиониста. Но иллюзионистом оказался не Хэйкити Умэдзава, как полагал Исиока-кун, а Тазко Судо.

Сорок лет Япония пребывала в заблуждении относительно того, кто совершил это преступление. И это вполне объяснимо, потому что человек, его совершивший, все это время скрывался благодаря астрологии или, если хотите, астрологической магии.

В этом и заключается суть дела. Предлагаю поговорить об этом позже, а пока, следуя по порядку, начнем с закрытой изнутри мастерской Хэйкити Умэдзавы и его убийства.

В мастерской на всех окнах стояли металлические решетки, через которые человек проникнуть никак не мог; в доме не было тайных дверей, и единственная дверь была заперта изнутри на задвижку и навесной замок. Кроме того, на улице выпал снег, какого в Токио не помнили лет тридцать, и человек, зашедший в мастерскую, не мог не оставить на нем следов.

Хэйкити, перед тем как его убили, принял снотворное. Подстриг бороду. (Или ему кто-то подстриг?) Не побрил, а именно подстриг, причем очень коротко. Почему он это сделал? И чем? Ножниц в мастерской не обнаружили.

Снаружи на снегу кто-то оставил две дорожки следов – женских и мужских. Причем мужские следы идут за женскими. Снег прекратился вечером в половине двенадцатого; предполагаемое время смерти Хэйкити – около полуночи, с возможным отклонением в час в ту и другую сторону. Еще мастерскую Хэйкити в это время вроде бы посещала натурщица, но найти ее так и не смогли.

Таким образом, приняв к сведению эти обстоятельства, зададим себе вопрос: какие возможны варианты?

Первый. Преступление произошло где-то сразу после одиннадцати. Убив Хэйкити, преступник тут же ушел. Снег не прекращался до половины двенадцатого и успел завалить его следы – и в мастерскую, и из мастерской. Следы, обнаруженные на снегу, принадлежали другим людям.

Второй. Хэйкити убила натурщица, которая была в женской обуви.

Третий. Его убил неизвестный в мужской обуви.

Четвертый. Эти двое действовали вместе.

Еще два варианта могли быть связаны с фальсификацией следов:

Пятый. Натурщица оставила два разных следа.

Шестой. Натурщица покинула мастерскую Хэйкити, еще когда шел снег. Этим воспользовался неизвестный в мужской обуви, заранее приготовивший женскую обувь и оставивший на снегу два следа.

Теперь о версии с кроватью, которую якобы подтянули к потолку, а потом уронили. Она совершенно неправдоподобна, поэтому я ее исключаю. Значит, у нас остается... Сколько? Да, шесть вариантов.

Загадка со следами, конечно, очень любопытна, но она относится к числу тех, ответ на которые трудно найти с помощью логики. Причин тому может быть несколько, но главное состоит в том, что сколько бы мы ни рассуждали об имеющихся вариантах, ни один из них никуда не ведет. Из-за этого, в частности, самые известные сыщики Японии сорок лет не могли раскрыть дело семьи Умэдзава. Они оказывались в тупике у самого входа в лабиринт.

Но с другой стороны, именно это обстоятельство и указывает на разгадку.

Разберем теперь по отдельности каждый из возможных вариантов.

Вариант первый выглядит достаточно правдоподобно, хотя, конечно, кое-что кажется странным.

После того как убийца покинул место преступления, там появились другие персонажи – обладатели женской и мужской обуви (хотя, возможно, это был один человек). Они были свидетелями, но почему-то не заявили о себе. Видимо, для этого у них были причины, но какие? Хоть бы анонимное письмо отправили в полицию – ведь оставленные ими следы могли принять за следы преступников. Так что эта версия маловероятна.

Вариант второй – убийство Хэйкити натурщицей в женской обуви – практически исключен. Если исходить из времени окончания снегопада, обладатель мужской обуви и обладательница женской должны были столкнуться лицом к лицу в мастерской Хэйкити. То есть натурщица убивала хозяина, а обладатель мужской обуви спокойно наблюдал за этим. Он даже не пытался ее остановить, а потом не стал сообщать об убийстве. Такое трудно представить.

Вариант третий – Хэйкити убил человек в мужской обуви – тоже теоретически возможен, но в этом случае свидетельницей убийства должна быть обладательница женской обуви. Конечно, такой вариант категорически не мог устроить убийцу. Поэтому он тоже вряд ли возможен.

Вариант четвертый – сговор этой пары – куда более вероятен, чем два предыдущих, но и здесь есть много вопросов. Стал бы Хэйкити принимать снотворное в присутствии посторонних, даже если у него с ними были дружеские отношения? Конечно, его могли заставить выпить таблетки, но какая была в этом необходимость? Разве что для внедрения версии о поднятой к потолку кровати...

Если Хэйкити убила эта пара, убийство Кадзуэ и так называемые «убийства Азот» вполне могли быть делом тех же рук. Но двоим труднее сохранить содеянное в тайне. Будь преступников двое, почерк убийств Кадзуэ и девушек Умэдзава был бы другим, да и Бундзиро Такэгоси не понадобился бы. Нет, все

ведет к тому, что преступник был один. И это человек с холодным умом и холодным сердцем.

Вариант пятый – убийство совершила натурщица, и она же намухлевала со следами. У этой версии тоже есть большое «но». Дело в том, что натурщица появилась в мастерской Хэйкити в два часа дня двадцать пятого февраля. В это время никто не знал, что в Токио скоро пойдет снег, не говоря уж о том, что всех ждет сильнейший снегопад за последние тридцать лет. Получается, что натурщица не могла заранее приготовить мужскую обувь и принести ее с собой.

В принципе, она могла позаимствовать обувь Хэйкити. У него было всего две пары. И обе пары оставались в мастерской до и после убийства. В любом случае, если натурщица воспользовалась обувью Хэйкити для фальсификации следов, вернуть ее на место было невозможно.

Как она могла оставить двойной след? Пройти в своей обуви от мастерской до задней калитки, вернуться обратно на цыпочках, нарочно делая большие, мужские шаги. Потом, надев обувь Хэйкити, пройти по приготовленным следам. Но так или иначе, после этого натурщица никак не могла вернуть обувь в мастерскую. Она оставила бы еще следы, а их не было.

И еще вопрос: если натурщица решила подделать следы, почему она оставила свои, хотя могла замаскировать их под мужские? Зачем ей понадобилось два следа? Одного мужского было бы достаточно. Скорее всего, натурщица хотела ввести следствие в заблуждение.

Полицию можно было направить по ложному пути по двум направлениям. Первое – версия с поднятой к потолку кроватью, второе – убийство Кадзуэ. Был сделан ошибочный вывод, что преступник – мужчина. Обнаружив на трупе Кадзуэ сперму Бундзиро Такэгоси, полиция, естественно, решила, что ее убил мужчина. Но чтобы привести следователей к такому заключению, не требовалось двух следов. Вполне хватило бы одного – мужского.

Вариант шестой – здесь, наоборот, преступление совершает мужчина-одиночка. Возможно, этот вариант покажется вам наиболее вероятным. Человек явился в мастерскую спустя какое-то время после того, как пошел снег. Принес с собой женскую обувь и вместе со своими следами оставил женские следы.

Однако здесь возникает тот же вопрос, что и в предыдущем варианте, только наоборот: разве недостаточно одних женских следов? Глядя на два следа, сыщики могли подумать, что женский принадлежит натурщице, а мужской оставил преступник. Кроме того, у Хэйкити не было среди мужчин друга настолько близкого, что он не постеснялся бы выпить снотворное в его присутствии. Все это, вместе взятое, заводит в тупик и эту версию.

Получается, что мы отбросили все шесть вариантов. Если еще раз рассмотреть их внимательно, можно со всей определенностью вычеркнуть варианты первый и четвертый. Второй и третий тоже исключаем. Рассуждая логически, приходим к выводу, что остаются два последних.

У шестого варианта, как я уже говорил, есть принципиальный изъян: зачем преступник рядом с женскими следами оставил мужские? Поэтому в конечном итоге остановимся на пятом варианте.

Почему поначалу мы его отклонили? По двум причинам: 1) натурщица не могла поставить на место обувь Хэйкити, которую использовала, чтобы изобразить на снегу мужские следы; 2) непонятно, зачем она оставила женские следы. Но при ближайшем рассмотрении эти причины превращаются в инструмент, приближающий нас к разгадке.

Итак, этой натурщицей была женщина, в присутствии которой Хэйкити не постеснялся выпить снотворное и которая имела возможность вернуть на место в мастерскую его ботинки, использовавшиеся ею для трюка со следами.

Кто же эта натурщица? Да, вы правы. Это Таэко Судо. Пока она позировала Хэйкити в мастерской, пошел снег, и навалило столько, что никто не ожидал. Времени подумать было достаточно, и у нее созрел план. Ей пришлось в голову попросить у Хэйкити его ботинки.

Изначально она задумала устроить ловушку для Масако и ее девушек, представив дело так, будто это они убили Хэйкити, подтянув кровать к потолку и обрушив ее вниз. С этой целью она провела тщательную подготовку – разбила стекло в окне на крыше, чтобы его заменили на новое, и так далее. Однако неожиданный снегопад спутал ей карты.

У Таэко наверняка уже был готов план убийства Кадзуэ, где виновником убийства она хотела выставить мужчину. И Таэко решила подстроить так, чтобы подозрения в убийстве Хэйкити тоже пали на мужчину. Орудием убийства, скорее всего, послужила сковорода, которой был нанесен удар, повлекший смертельную травму мозга. А инсценировано было так, будто Хэйкити получил эту травму от удара головой об пол. Реализации этого плана снег помешать не мог.

Убив Хэйкити, Таэко для маскировки сыпанула ему на голову пыль и сор с пола, а потом подстригла ножницами бороду. Возникает вопрос: зачем? Наверное, чтобы попытаться запутать полицию – ведь Таэко знала, что Хэйкити и его младший брат Ёсио очень похожи. Но тогда уж, наверное, лучше было бы вообще сбрить бороду. Так или иначе, она, конечно, рассчитывала, что пойдут разговоры, что Хэйкити остался жив, и надеялась трюком с бородой поддержать данную версию. Я списал бы такие действия на молодость и неопытность.

Вообще в отношении этого дела сложилось мнение, что преступник действовал хладнокровно и безупречно. Я считаю, что это не так. При внимательном рассмотрении можно заметить мелкие промахи. Лучший тому пример – история со следами.

Таэко Судо убила человека впервые, поэтому в голове у нее царил сумятица. Она слишком много думала о том, как бы замести следы. Отсюда и ошибки. Для чего понадобилось прокладывать две цепочки следов? Достаточно было мужских. Имея мужские следы, следователи направили бы усилия на поиск мужчины-убийцы и не стали бы отвлекаться на установление личности натурщицы. Кроме того, если бы полиция пришла к заключению, что в день убийства Хэйкити у него побывал мужчина, она уделила бы больше внимания версии с подвешенной кроватью, подозревая, что после его ухода Хэйкити могли убить женщины, сумевшие забраться на крышу. Но так как на снегу

остались не только мужские, но и женские следы, я с чистой совестью отверг версию с кроватью.

Да, остается еще большой вопрос: как Таэко ухитрилась поставить на место ботинки Хэйкити и запереть мастерскую изнутри? Предлагаю сейчас на этом не задерживаться. Дальше все станет понятно. Хотя, мне кажется, закрыть дверь на задвижку не так уж сложно. Помните, как было натоптано у бокового окна мастерской? Это легко можно сделать при помощи нитки или бечевки. Накинуть петлю на задвижку, потянуть, а потом смотать бечевку.

Перейдем к убийству Кадзуэ. С этим делом больших сложностей нет. Извините, перечисление всех деталей очень утомляет, поэтому начну с конца, то есть с вывода.

Итак, Кадзуэ привела в свой дом Бундзиро Такэгоси в семь тридцать, а ушел он без десяти девять. Предполагаемое время смерти Кадзуэ – между семью и девятью часами. Странно, правда? Ничего странного. Когда Такэгоси переступил порог дома Кадзуэ, она уже была мертва и лежала в соседней комнате. Стоило ему отодвинуть раздвижную дверь, и он увидел бы ту же картину, что зафиксировала полиция при осмотре места преступления.

Бундзиро Такэгоси соблазнила не Кадзуэ, а Таэко Судо. Причина простая – шантаж заставил Такэгоси взять на себя «утилизацию» тел убитых девушек. И еще, Таэко была нужна сперма, чтобы представить убийство Кадзуэ как дело рук мужчины.

После убийства Хэйкити Таэко проложила по снегу мужские следы, поэтому, думала она, даже если Масако и ее дочерей признают непричастными к смерти художника, ей самой разоблачение не грозит, потому что виновным в убийствах Хэйкити и Кадзуэ будут считать неизвестного мужчину.

После секса с Бундзиро Такэгоси она вымазала влагалище мертвой Кадзуэ, лежавшей за стенкой, его семенем, чтобы навести следствие на мысль, что насильник и убийца совершил половой акт с трупом. Этот факт дает понять глубину озлобления, которое переполняло сердце этой женщины. Бундзиро Такэгоси вступил в интимную связь с живым человеком, а ему (пусть анонимно) приписали соитие с трупом.

– Однако, – прервал я Митарай, – если Таэко Судо хотела представить оба убийства делом рук какого-то мужчины, может, тогда не надо было инсценировать ограбление?

– Ты не прав. Не будь ограбления, полиция связала бы это преступление с убийством Хэйкити и могла обратить более пристальное внимание на дом Кадзуэ и в конечном итоге обнаружить в кладовой тела убитых девушек. Вот чего она боялась.

Однако, даже инсценировав ограбление, Таэко не могла быть уверена, что полиция не займется домом Кадзуэ всерьез. Ведь это было не простое ограбление, а ограбление с убийством.

Риск, что полиция может наткнуться на тела в кладовой, был слишком велик, поэтому надо было изо всех сил подгонять Такэгоси. Ей еще повезло, что район Каминогэ в те времена больше напоминал деревню, хотя и входил в

столичную префектуру. Местная полиция работала вяло, особо не напрягаясь. Сейчас задуманная Таэко Судо комбинация не прошла бы – уровень следствия уже другой, его не проведешь.

И газетная печать стала более четкая. Увидев в газете фотографию Кадзуэ, Бундзиро могло показаться, что произошла путаница. Но уверенно сказать, что на фото не та девушка, что затащила его в постель, он не мог. Фотография была очень маленькая, да еще подретушированная, и девушка на ней совсем молоденькая.

Идем дальше. Зачем преступница вытерла кровь со стеклянной вазы, которой убила Кадзуэ? Почему она хотела, чтобы Бундзиро увидел чистую вазу? Таэко поставила вазу туда, где та обязательно бросилась бы в глаза Бундзиро, чтобы отпечататься в его памяти, и чтобы он не подумал, что убийство Кадзуэ произошло до того, как он вошел в дом.

Следующий вопрос. Кадзуэ убили, когда та сидела, повернувшись лицом к зеркалу. Это автоматически подтверждает, что Кадзуэ и Таэко были в достаточно близких отношениях. Чтобы скрыть этот факт, Таэко тщательно стерла брызги крови с зеркала и оттащила тело Кадзуэ в другую комнату. Здесь, конечно, она допустила прокол. Если уж разделяться с Кадзуэ, имело смысл сделать это не перед зеркалом и не таскать труп по всему дому.

С другой стороны, Таэко знала, что легче всего застать женщину врасплох, именно когда она разглядывает себя в зеркале. Может, вид любующейся на себя Кадзуэ и побудил Таэко нанести смертельный удар... Но это все мои догадки, я же не женщина, мне трудно судить о таких вещах.

Что толкнуло Таэко на убийство? Мне видятся две возможные причины. Во-первых, озлобление против Кадзуэ. Данный мотив присутствовал и в остальных убийствах. Предлагаю поговорить об этом позже. Во-вторых, убийство Кадзуэ стало актом подготовки последующих «убийств Азот».

Девушки Умэдзава были убиты в доме Кадзуэ. В этом нет сомнений. Место самое подходящее. Они собрались там все вместе, и Таэко отравила их, сложила в одном месте и расчленила. А дальше...

Митарай сделал паузу, и мы наконец смогли перевести дух.

– Теперь переходим к «убийствам Азот». Убийца сорок лет дурачила публику, как это делает в цирке фокусник, демонстрирующий зрителям с двух сторон белый носовой платок. Когда в самом начале мне в общих чертах рассказали об этом деле, я интуитивно почувствовал: что-то в нем есть.

И вот вчера я разгадал эту загадку. Это произошло, когда я вспомнил одно очень похожее заковыристое дельце. А дальше пошло-поехало, и через два часа я уже стоял перед убийцей. В принципе все очень просто. Настолько просто, что никому не приходило в голову, что можно использовать такой прием.

Что же это за дельце? Думаю, люди, имеющие отношение к полиции, о нем помнят. Узнав о нем подробнее, вы сразу поймете, какой трюк был использован в «деле Азот».

Речь идет о махинациях с десяти тысячными купюрами. События разворачивались в основном в Кансае года три-четыре назад. Я узнал о них из новостей. Зашел в какую-то забегаловку перекусить, сидел и смотрел телевизор. Это было уже довольно давно, поэтому я точно не помню, что говорил ведущий, но суть его слов примерно такова:

«Сегодня в таком-то городе, в таком-то районе изъяли необычную десяти тысячную купюру. У нее была вырезана центральная часть. В результате банкнота стала короче обычной, и две ее половины были склеены матовым скотчем».

На экране телевизора появилась фотография двух купюр – поддельной и настоящей, – чтобы зрители могли собственными глазами увидеть разницу.

«Такие купюры, – продолжал ведущий, – уже встречались раньше в районе Кансай. В Канто фальшивка обнаружена впервые. Еще одно ее отличие – номера в левой и правой частях купюр не совпадают».

Сидевшие за соседним столиком студенты тут же принялись обсуждать, как можно получить лишнюю купюру, отрезая от других по полосочке. По телевизору не стали рассказывать, как это можно сделать, – видно, побоялись, что у них будут неприятности, если кто-то возьмет на вооружение этот метод.

Я мало что понял, слушая разговор студентов, но, придя домой, подумал хорошенько и разобрался, как это делается. На словах объяснить трудно, понятнее будет на схеме. Иида-сан, разумеется, все это знает, а вот Исиока-сан и Мисако-сан – вряд ли. Я объясню...

С этими словами Митарай подошел к доске и начертил на ней много прямоугольников, которые должны были изображать денежные купюры.

– Перед вами двадцать купюр. Конечно, можно попробовать обойтись и десятью, но в таком случае риск слишком велик – купюра получится намного короче настоящей. Безопаснее всего, конечно, иметь тридцать купюр, но тогда прибыль будет невелика. Достаточно где-то пятнадцать-двадцать. Теперь на каждой купюре проведем линию, – говорил Митарай, разлиновывая прямоугольники на доске, – и разрежем их ножницами по этим линиям. Начиная с первой линии, расстояние каждой следующей от левого края постепенно увеличивается. На последней купюре линия проходит почти у самого правого края. Поработав ножницами, мы получаем двадцать купюр, разрезанных на сорок частей.

Пометим каждую часть. При этом Л будет обозначать левую сторону купюры, а П – правую. Получим 1Л, 1П, 2Л, 2П и так далее. Отсюда и начинаются чудеса – или мошенничество, как вам больше нравится.

Купюры разрезаны таким образом, чтобы у каждой следующей левая сторона становилась все шире, пока от правой стороны не останется лишь узкая полоска. Откладываем в сторону часть 1П из купюры № 1, которая стала

чуть-чуть короче из-за того, что от нее отрезали полоску 1Л. Затем берем часть 1Л и матовым скотчем соединяем ее с частью 2П – правой частью купюры № 2. Берем полоску 2Л – левую часть купюры № 2 и соединяем с 3П – правой частью купюры № 3. Прodelываем то же самое с остальными купюрами. В конце мы соединяем части 19Л и 20П, и у нас остается чуть укороченная (как часть 1П) часть 20Л. Как видите, в результате мы имеем двадцать одну купюру! Странно, правда? Что для этого нужно? Двадцать десятков, ножницы и скотч. Полчаса работы – и десятка чистой прибыли. Забавно, не так ли?

Первая и последняя купюры получатся обрезанными с одной стороны, но если сложить вдвое, никто внимания не обратит. В детстве, помню, я часто видел порванные купюры, склеенные папиросной бумагой.

А теперь – главное. Мы пользуемся этими деньгами, они у нас перед глазами. Двадцать одна десятка. Но на самом деле их двадцать.

Вы понимаете, что я хочу сказать? Вот эта схема и послужила мне ключом к разгадке. Два дела – «убийства Азот» и махинации с десятками – разделяет тридцать с лишним лет, но суть у них одна и та же.

Мы считали, что жертвами убийцы стали шесть девушек, и нисколько не сомневались в этом. А на самом деле только казалось, что их шесть. Это не так. Трупов было всего пять!

Сцена 2

Исчезнувшее звено

Я ахнул.

Так это была иллюзия! Мираж!

Вот оно что! Азот – это башня из тумана!

Супруги Иида тоже застыли от изумления.

«Мираж! Видение!» – кричало все во мне.

В глаза будто ударил пучок яркого белого света, и тут же все заволгло темной пеленой. По спине побежали мурашки.

– Конечно, труп не купюра, скотчем не склеишь, – продолжал Митарай, не обращая внимания на наше замешательство. – Для этого нужен прочный клей. Роль матового скотча сыграл призрак Азот. Эта иллюзия оказалась настолько невероятной и сильнодействующей, что возможность манипуляций с телами никому не приходила в голову. Все думали, что недостающие части тел использовались для создания Азот.

Что? Да, вы правы. Никто и не собирался этим заниматься. Никакой Азот не существовало и быть не могло. Вот и всё. Чего я буду дальше утомлять вас своими рассказами? В остальном вы сами разберётесь, без моей помощи. Так что...

– Подожди! А что же дальше?! – невольно вырвалось у меня.

Сидя напротив Митараи, мы буквально задохнулись от охватившего нас возбуждения. Казалось, сердце вот-вот выскочит из груди. Сам же Митараи всем своим видом показывал, что общение с нами ему порядком наскучило.

А я тем временем думал о законах перспективы. Эти два слова пульсировали в голове, стучали в висках. Сорок лет люди пребывали в заблуждении, рисуя себе образ никогда не существовавшей идеальной женщины, столь же таинственной, как создание гения эпохи Возрождения, оставившего нам не разгаданную до сих пор улыбку.

Преступница мастерски использовала законы перспективы, чтобы нарисовать образ Азот, к которому был прикован мой взор, до тех пор пока все линии этой картины не исчезли, будто растворившись в воздухе. Обман и иллюзии, окружавшие Азот, с головокружительной быстротой превратились в точку и развеялись как туман.

Я словно оказался в густом лесу среди деревьев, напоминающих по форме вопросительные знаки. Они гнулись под могучими порывами ветра, яростно шумевшего в ушах.

Так кто же все-таки убийца?!

Зачем понадобилось закапывать трупы на разную глубину?

Тела были похоронены в разных местах, далеко друг от друга. Имеет ли это какое-то отношение к астрологии?

По какому признаку выбирались эти места? Почему именно Аомори, Нара и так далее?

Что означает точка 138°48' восточной долготы?

Одни тела были обнаружены раньше, другие – позже. Какое это имеет значение?

Какие мотивы были у убийцы?

Где скрывалась преступница все это время?

Наконец, что такое записки Хэйкити? Является ли он их автором? И если не он их написал, то кто?

– Видишь, как тебе все стало интересно, – проговорил Митараи. – А ведь обычно ты меня совсем не слушаешь, даже когда я говорю куда более серьезные вещи.

От моей сегодняшней лекции может сложиться впечатление, что я преклоняюсь перед человеком, совершившим эти преступления. Но преступник есть преступник. Преступления – его работа, а я всего лишь рассказываю, как мне удалось их раскрыть. Если б преступником был я, тоже полагался бы на себя. В таких делах нельзя доверять другим. Так вы хотите, чтобы я продолжал?

Инспектор Иида кивнул, я, естественно, тоже, а Мисако открыла глаза так широко, что, казалось, они того и гляди выскочат из орбит, и отчаянно затрясла головой в знак согласия.

Митарай то ли в шутку, то ли всерьез тяжело вздохнул:

– Ну что поделаешь, поехали дальше... Вот здесь я изобразил, в каком порядке были обнаружены тела.

С этими словами он передал нам заранее приготовленные листочки.

– На рисунке показано, когда были найдены девушки, – продолжал Митарай. – Преступница постаралась устроить так, чтобы их нашли именно в таком порядке, вносящем путаницу в реальную картину. Я предлагаю изменить порядок, исходя из отсутствующих частей тел – голова, грудь, живот и так далее. То есть сначала Токико, по гороскопу Овен, потом Юкико (Рак), Рэйко (Дева)...

Не прерывая своего рассказа, Митарай стер с доски прямоугольники. Вместо них появился новый рисунок с женскими фигурами.

– Тела номер четыре, пять и шесть – Юкико, Нобуё и Рэйко – обнаружили спустя почти год после убийства. Они уже порядком разложились, опознать их по лицам было невозможно. Как можно было установить, кому принадлежало то или иное тело? Остальные тела пролежали два-три месяца, их можно было опознать по лицу, по голове, по одежде. А заключения по скелетизированным останкам, можно полагать, были вынесены на основании записок, которые остались после смерти Хэйкити.

Теперь обозначим тела по именам и, соединив их по диагонали стрелками, определим, кому какая часть тела принадлежала в действительности.

Как видите, каждое тело, за исключением первого, состоит из частей двух разных тел. В каждом случае сочетание этих частей было идентифицировано (теперь мы видим, что ошибочно) как одно тело. То есть использован тот же прием, что при махинациях с денежными купюрами. Взгляните на еще один

рисунок. Убийцей были расчленены пять тел. Нижняя часть одного тела была похоронена с верхней частью следующего. В результате получилось как будто шесть тел.

Здесь есть один неясный момент. Узнав, что убийство девушек Умэдзава – дело рук женщины, многие подумают, что одной ей было не под силу совершить такое. Ведь до сегодняшнего дня мы считали, что ей понадобилось распиливать тела десять раз – четыре тела по два раза и два тела по разу. Затем надо было каким-то образом соединить эти останки. С такой тяжелой работой мог справиться разве что мужчина. Да и времени бы сколько потребовалось...

Но теперь, когда мы знаем, как обстояли дела на самом деле, понятно, что преступница потратила не так уж и много усилий. Тел было пять, поэтому ей пришлось поработать пилой лишь пять раз, а развозил и закапывал трупы другой человек. Еще, конечно, надо было повозиться с одеждой, но это уже вполне посильная задача.

Перейдем к местам, выбранным для захоронения убитых. Если б девушек обнаружили всех в одном месте, никакие легенды об Азот не помогли бы. Следователи сразу обо всем догадались бы. Поломав голову над тем, как этого избежать, Таэко решила похоронить тела подальше друг от друга. Вот почему они оказались разбросаны по стране. Ни в какие магические смыслы она всерьез не верила.

Итак, вы, наверное, поняли, что преступление совершила одна из шести девушек. С телом еще можно вводить всех в заблуждение, но только не с головой и не с лицом. У кого из найденных трупов не было головы? У Токико. Значит, она и есть преступница.

Митарай замолчал. Его слушатели будто лишились дара речи. Прошло какое-то время, прежде чем я решился открыть рот.

– Выходит, Таэко Судо на самом деле...

– Токико Умэдзава.

В комнате снова повисла тишина. Мы были в шоке и не могли проронить ни слова.

– Ну что же? Есть еще вопросы?

Из слушателей Митарай хорошо знал его только я. Инспектор Иида вообще видел моего друга впервые и заметно тушевался. Так что роль задавать вопросы ложилась на меня.

– Э-э... вот тела, начиная с четвертого... Я имею в виду Юкико, Нобуё и Рэйко... Их все закопали на большую глубину. А почему? За этим стоял какой-то расчет?

– Конечно, – отвечал Митарай. – В этом и весь смысл. Если закопать тело поглубже, его, скорее всего, быстро не найдут. Очень умный замысел. Был расчет на то, что первые три тела обнаружат весной. Так и случилось. Трупы в наступившей жаре хранить не стали и отправили в крематорий. Япония – не Европа; у нас мертвецов не в землю кладут, а сжигают.

В результате, когда нашли остальные тела, первых трех уже не было, и полиция не имела возможности провести сравнительные исследования. В противном случае, имея перед собой все шесть тел, следователи могли сопоставить разрезы и, обратив внимание на несовместимость, заподозрить неладное.

Токико подстроила так, чтобы первым нашли тело Томоко. Это было совершенно безопасно, поскольку тело действительно принадлежало Томоко, хотя у него и отсутствовали ноги. Требовалось, чтобы ее нашли самой первой.

У тела якобы Токико, которое на самом деле принадлежало Юкико, отсутствовала голова. Токико боялась, что его найдут слишком рано. Обезглавленное тело привлекло бы повышенное внимание следствия. Поэтому было сделано все, чтобы первой обнаружили Томоко, – ее даже не присыпали землей.

Наиболее подходящим вариантом было бы, если б тела обнаружили в таком порядке: сначала Томоко, за ней – Акико и Юкико, а потом, значительно позже, – Нобуё, Рэйко и Токико. В таком случае последние три тела к моменту обнаружения уже находились бы в последней стадии разложения и частично скелетизировались. И ничего понять было бы невозможно, даже если б тела, обнаруженные ранее, были сохранены. Иными словами, тела были разделены на две группы. К тому времени, когда должны были найти тела второй группы, ранее обнаруженные наверняка уже кремировали бы и следователи никогда не догадались бы, что тела собраны из разных частей. Именно поэтому было решено захоронить вторую группу – Нобуё, Рэйко и Токико – поглубже.

Да, я понимаю, что вы хотите сказать. Почему же тогда тело, которое идентифицировали как Токико, лежало неглубоко, в то время как могила Юкико оказалась глубже? Токико и Юкико, которые изначально были в разных группах, как бы поменялись местами. Почему? Потому что преступница не была до конца уверена, все ли сделано для того, чтобы тело без головы приняли за труп Токико. Да, у Юкико, как и у Токико, из-за занятий балетом деформировались пальцы и ногти на ногах, однако одного этого было недостаточно. Оставалась опасность, что из-за отсутствия у тела головы у следствия могут возникнуть сомнения при идентификации. И в ход пошло еще одно фальшивое доказательство. Родимое пятно.

Помните записки Хэйкити? В них сказано, что у Токико то ли на бедре, то ли еще где-то было родимое пятно. На самом-то деле родимое пятно было у Юкико. Токико это знала и использовала. Она вытравивала себе такое же пятно и, вероятно, показала его матери, чтобы та позднее могла опознать тело. Тело Токико-Юкико специально не закапывали глубоко, чтобы его нашли пораньше и отличительные признаки – родимое пятно и деформированные ступни – еще не подверглись разложению.

Было еще одно обстоятельство, которое необходимо учитывать. Масако, мать Юкико, естественно, знала, что у ее дочери есть родимое пятно. Поэтому для убийцы было важно, чтобы Масако не увидела труп Токико, а тело Юкико ей могли предъявить уже тогда, когда оно уже порядком разложилось. Таковы причины, почему в конце концов для Юкико была вырыта глубокая яма.

Но к тому времени, когда были обнаружены Нобуё, Рэйко и Юкико, Масако уже арестовали по подозрению в убийстве, и, конечно, ее психическое состояние оставляло желать лучшего. Поэтому даже если б она и заметила что-то странное, полиция вряд ли прислушалась бы к ее словам. И вообще маловероятно, чтобы человеку, находящемуся под арестом, стали показывать труп, разложившийся до такой степени, что даже близкие родственники не могли его опознать. Юкико кремировали, и мать, очевидно, так ее и не увидела.

Другое дело – Аяко, жена Ёсио Умэдзавы. Рэйко и Нобуё были ее дочерьми, и Токико знала, что Аяко немедленно поедет куда угодно, если ей предложат их опознать, и осмотрит их тела очень тщательно. Матери – одержимые существа. И если Аяко заметит что-то подозрительное, она непременно сообщит об этом полиции. Из этого следовало, что части тел, которые должны быть идентифицированы как дочери Аяко, надо закопать как можно глубже, чтобы разложение максимально затруднило их опознание.

Я бы сказал, что главную угрозу для Токико в реализации ее плана представляла не полиция, а матери убитых, потому что материнское чутье может оказаться очень сильным.

Для Токико было важно, чтобы первое тело, у которого отсутствовали ноги, обнаружили вскоре после исчезновения девушек. Полицию надо было навести на мысль, что убийства девушек как-то связаны с планом Хэйкити, касающимся создания Азот. Если б все тела закопали глубоко, полиция могла и через десять лет их не найти или найти только часть. За это время все важные свидетельства – и родимое пятно, и деформация стоп и ногтей – были бы уничтожены. Токико смогла почувствовать себя спокойно только после того, как обнаружили все шесть тел. Ведь на нее могло пасть подозрение, если б ее труп не удалось найти. Все время, пока продолжались поиски, ей приходилось скрываться, и она очень не хотела, чтобы это растянулось надолго.

– Ну и дела... – протянул я со вздохом. – Но как же так? Ведь тела состояли из частей разных людей... А как же группы крови? С этим-то полицию как обманешь?

– По случайному совпадению, у всех оказалась группа А. Тем более удивительно, если принять во внимание, что все они родились под разными созвездиями. Это обстоятельство и подтолкнуло Токико к тому, что она совершила.

В принципе, ты прав. Сегодня такая комбинация ни за что не прошла бы. Что касается определения группы крови, Иида-сан как специалист не даст соврать: кроме общепринятой системы АВО, существуют и другие – MN, Q, Rh и так далее. Используя эти системы, можно классифицировать порядка тысячи групп крови.

Одной кровью дело не ограничивается. Есть и другие методы идентификации биологического материала. В случае с трупом, разделенным на части, сейчас была бы проведена тщательная экспертиза, начиная с хромосомного анализа и исследования костной ткани. И обман сразу раскрылся бы.

– А если полицейский участок где-нибудь в деревне? Там возможна подобная экспертиза?

– В Японии нет такого места, даже в самых глухих уголках, откуда максимум за три-четыре часа нельзя было бы добраться до населенного пункта, где есть большая больница или госпиталь. А если и есть такое место, то все равно судебный медик всегда в пределах досягаемости. В наше время не ограничиваются лишь исследованием по системе ABO.

Хотя надо сказать, что MN, Q и прочие системы были разработаны только после войны. Иида-сан, вы не знаете, когда их внедрили в полиции?... Ага! Уже порядочно после войны? Значит, в тридцать шестом году использовалась только ABO.

– А хромосомы выделяют из крови?

– Хромосомы содержатся в клетках – следовательно, в крови, слюне, сперме, коже, костях. Поэтому даже если труп сторел или превратился в скелет, науку все равно не обманешь. В тридцать шестом это еще можно было сделать, сейчас – нет. Если только истолочь кости в порошок. Тогда невозможно определить ни группу крови, ни хромосомы, ни структуру костной ткани. Трудные времена настали для преступников...

– Пока вроде все понятно. Ничего удивительного, что ты зарычал на весь Киото, когда до тебя дошло, как было дело. Но как ты узнал, что Таэко Судо, точнее, Токико, живет в Киото? Как нашел ее адрес?

– Ха! Это просто. Надо лишь подумать, каков мог быть ее мотив.

– Но я не понимаю. Почему она это сделала?

– А ты возьми свою книжку. Ту, что мне давал. «Семейство Умэдзава и убийства по Зодиаку». Там есть что-то вроде семейного дерева. Схема. Мы видим, что Токико была единственной дочерью Таэ, бывшей жены Хэйкити. Среди всех членов этого большого семейства Таэ оказалась самой несчастливой. И я думаю, что Токико задумала отомстить за мать.

Дальше я буду излагать уже свои предположения. Хэйкити был человеком увлекающимся. Познакомившись с легкой и веселой Масако, он отказался от наскучившей первой жены, как ребенок бросает надоевшую игрушку. Конечно, Токико считала Масако и ее дочерей врагами. Она жила с ними вместе, но все время как-то сторонилась их.

Токико была связана с Рэйко, Нобуё и Юкико, но связана через отца, который заставил страдать ее мать. Когда Умэдзава собирались вместе, Токико чувствовала себя чужой в этой компании. Чувство одиночества и обиды с каждым днем становилось все сильнее, перерастая в желание расправиться с людьми, ее окружавшими.

Вчера я не стал расспрашивать Токико об этом. Если б я задал ей вопрос, как у нее созрел этот план, боюсь, ответ занял бы слишком много времени.

В общем, Токико, конечно, хотела отомстить и за себя, но еще больше за мать, которую отец сделал несчастной.

После того как разорились ее родители, Таэ пришлось многое пережить. Черная полоса, казалось, кончилась, когда она сошлась с Хэйкити, богачом по ее меркам, но его увела Масако. Сейчас женщины стали сильнее, лучше разбираются в жизни. Такую, как Масако, они и близко к своему дому не подпустили бы. Но Таэ, воспитанная в старых традициях, была скромна и послушна и ничего сделать не смогла. И с деньгами у нее вечно были проблемы. Токико думала, что, реализовав задуманный план, обеспечит мать хотя бы материально.

Поняв, что двигало Токико, я тут же сообразил, где она могла поселиться. Таэ мечтала открыть магазинчик в Сагано. С этим местечком в Киото были связаны самые теплые в ее жизни воспоминания. Но ничего не вышло – Таэ умерла в Хоя, так и не исполнив своей мечты. Неудивительно, что Токико пожелала это сделать за нее. Раз уж мотивом преступления послужили сочувствие и любовь к матери, логично было искать Токико именно в Сагано.

Я оказался прав. Токико укрылась в Сагано и прожила там все эти годы. Я подумал, что название магазинчика, который она открыла, так или иначе должно быть связано с Таэ. Заглянул в полицейскую будку и спросил, нет ли в округе лавочки, где торгуют сумками. Мне сказали, что такая лавочка есть и называется «Мэгумия». А свое имя Токико сменила на Таэко.

– А записки Хэйкити Умэдзавы? Кто их все-таки написал?

– Токико, разумеется.

– Ты думаешь, натурщицей, которая позировала Хэйкити двадцать пятого февраля, тоже была Токико?

– Конечно.

– Родная дочь – натурщица... А как же закрытая изнутри комната?

– Ну тут все просто. Вы помните, что пока Токико позировала, в городе пошел снег. Это навело ее на мысль устроить фокус со следами. Об этом я уже говорил.

Хэйкити во всем доверял дочери и выпил при ней снотворное. Видимо, Токико притворилась, что уже собирается уходить.

И тут она нанесла ему смертельный удар. Он его, конечно, не ожидал. Токико сдвинула кровать, чтобы казалось, будто ее поднимали на веревках к потолку, а потом уронили, засунула под кровать ноги Хэйкити – полиция должна была подумать, что он свалился с кровати, когда ее тянули вверх, и она упала на него. Остригла бороду. Потом вышла из мастерской, надев туфли и прихватив ботинки Хэйкити. Подошла к окну, под которым оставила много следов, сделала петлю на бечевке или струне и, накинув на засов, задвинула его. Замок снаружи она, конечно, навесить не смогла.

В туфлях Токико дошла до калитки, аккуратно ступая большими шагами, вернулась к двери мастерской, переобулась в ботинки Хэйкити и осторожно, по своим шагам, вышла на улицу.

Идти было некуда. Поехать к матери в Хоя она не могла – автобусы и электрички, скорее всего, уже не ходили. О такси не могло быть и речи – водитель впоследствии мог ее опознать. Наверное, Токико пришлось дожидаться утра на улице. А ведь после сильнейшего за тридцать лет снегопада наверняка было холодно. Орудие убийства она где-то выбросила.

Наутро Токико вернулась в дом Умэдзава. У нее должен был иметься пакет или сумка, куда она спрятала ботинки отца.

Приготовив завтрак, она, как обычно, понесла его в мастерскую. Остановившись у окна, заглянула в комнату, закричала и бросилась за помощью. Перед этим швырнула в окно ботинки Хэйкити. Прибежала Масако с дочерьми и племянницами мужа; стали ломать дверь. Войдя в мастерскую, вряд ли кто обратил внимание на то, что обувь в беспорядке.

Поднялся шум и крик, и в этой суматохе Токико вполне могла тайком повесить на дверь замок. Конечно, кто-то мог заметить, что замок отсутствовал, если б перед тем, как ломать дверь, прибежавшие из главного дома женщины заглянули в окно. Но Токико их к окну не подпустила, сказав, что они могут затоптать следы и уничтожить важное доказательство.

– Понятно, – сказал я. – Потому-то, когда Токико допрашивала полиция, она и сказала, что дверь была заперта на замок изнутри.

– Совершенно верно.

– И ее мать солгала, сказав, что дочь ночевала у нее. Так у Токико появилось алиби.

– Именно так и было.

– А потом Токико убила в Каминогэ Кадзуэ и заманила в ловушку Бундзиро Такэгоси?

– Да, и это самое нехорошее во всей этой истории. Одно дело – Умэдзава; тут, как говорится, личные счеты. И совсем другое – втянуть совершенно не причастного человека. За что Такэгоси полжизни мучился? Сейчас, хоть и с опозданием, у нас есть возможность чуть-чуть облегчить его страдания. Исиока-кун! Принеси, пожалуйста, из той комнаты канистру. Там должен остаться керосин после зимы.

Канистра оказалась легкой – керосин плескался на дне. Митарай ждал возле мойки. Положив туда записки Бундзиро Такэгоси, он плеснул на них керосину.

– Мисако-сан! У вас есть спички или зажигалка?... А-а, очень хорошо. Дайте, пожалуйста. Что? У тебя тоже есть? – обратился ко мне Митарай. – Оставь в кармане. Воспользуемся спичками Ииды-сан. Так будет лучше.

Чиркнув спичкой, он бросил ее в мойку. Записи Бундзиро Такэгоси тут же охватило пламя.

Мы стояли вчетвером возле мойки и смотрели на маленький костер. Митараи помешал палочкой исчезающие в огне бумаги, их обгоревшие съезжившиеся остатки закружились в воздухе.

– Ну вот и всё, – услышали мы шепот Мисако Ииды.

Сцена 3

Основная конструкция

Дело раскрыто, но у меня по-прежнему оставалась куча вопросов. Я был настолько поражен услышанным, что не мог сосредоточиться и вывалить на Митараи свои сомнения, однако, оставшись один, когда сумятица в голове наконец улеглась, я смог четко сформулировать для себя неясные моменты.

Самый главный вопрос: где и как двадцатидвухлетняя девушка достала мышьяк и другие химические вещества? Предположим, ртуть можно собрать, перебив побольше градусников, но азотнокислородное серебро и олово есть только в химических лабораториях.

Непонятно, как и где Токико скрывалась сорок с лишним лет. В конечном итоге Митараи отыскал ее в Сагано. И что, она сменила имя и начала там новую жизнь, не чувствуя опасности? Как говорил мне Сюсай Ёсида, человек, которого считают умершим, не может долго жить тайком, не привлекая ничьего внимания.

Еще одно обстоятельство: в мастерскую Хэйкити случайно могла заглянуть одна из девушек, когда Токико позировала отцу. Такая опасность существовала, и пренебрегать ею было нельзя.

Хэйкити не хотел, чтобы Масако, дочерям и племянницам стало известно, для чего к нему ходит Токико, поэтому он закрывал окна, занавешивал их шторами. То есть держал отношения с дочерью в секрете.

Встает вопрос: кто придумал план уничтожения семьи Умэдзава? Токико? Таэ? А может, они вместе?

Если это так, становится понятно, почему Таэ с легкостью пошла на лжесвидетельство, создав таким образом алиби Токико, и не заметила ничего необычного, когда ей представили на опознание тело дочери, на самом деле принадлежавшее Юкико. Такая версия представляется весьма вероятной.

Наконец, откуда Сюсай Ёсида узнал, что Хэйкити был левша? На этот вопрос ответ нашелся быстро. Я позвонил Ёсиде и получил ожидаемый ответ – ему об этом рассказал Тамио Ясукава.

* * *

Иида-сан вместе с мужем покинули обитель Митараи, чтобы донести до людей удивительную правду о деле семьи Умэдзава, а мой друг вернулся к своей обычной беспорядочной жизни. Я поспешил домой, но никак не мог прийти в себя и не представлял, как жить дальше после того, что произошло.

Последнюю точку в деле об «убийствах по Зодиaku», которое тянулось с 36-го по 79-й год, поставило еще одно происшествие.

На следующее утро после того, как Митараи открыл нам глаза, я с душевным трепетом развернул газету, ожидая увидеть крупный заголовок типа: «Дело семейства Умэдзава раскрыто спустя сорок лет». Но нашел совсем не то, что думал.

На четвертой полосе в углу была напечатана заметка о самоубийстве Таэко Судо. Не знаю, как для Митараи, а для меня это сообщение не явилось неожиданностью. Я не исключал подобный конец этой истории, и тем не менее новость потрясла меня.

В заметке говорилось, что тело Таэко Судо обнаружили вечером в пятницу 13-го в задней комнате магазина «Мэгумия» представители полиции, получившие информацию от инспектора по фамилии Иида. Смерть наступила от отравления соединениями мышьяка, теми же самыми, от которых погибли жертвы «убийств Азот». Парой строк ниже автор заметки добавил, что самоубийство, возможно, имеет отношение к групповому убийству членов семьи Умэдзава, которое произошло еще до войны.

Таэко Судо оставила предсмертную записку, в которой просила прощения у двух работавших у нее женщин. По крайней мере, так было написано в газете. К записке прилагались деньги, предназначенные работницам, оставшимся без места. Я обвел заметку карандашом и вышел из дома. Надо срочно поговорить обо всем с Митараи.

Заметка натолкнула меня на мысль. Таэко Судо отравилась мышьяком – наверное, тем же самым, которым убила своих сестер и который сорок лет носила при себе. Я начал понимать, как одинока она была все эти годы. Но почему Таэко решила умереть, не сказав никому ни слова?

Дойдя до станции, я понял, что утром мне принесли, видимо, самый ранний выпуск газеты. Остановившись у газетного киоска, сразу заметил набранный крупными иероглифами заголовок: «Дело об “убийствах по Зодиaku” раскрыто. Преступницей оказалась женщина». Газеты расхватывали, как горячие пирожки. Лежавшая перед продавцом стопка таяла на глазах. Протиснувшись к прилавку, я тоже успел схватить этот номер.

К моему разочарованию, в газете ничего не говорилось о том, как убийца поступила с телами своих жертв. Просто вкратце повторялось, что произошло в 1936 году, и подчеркивалось, что дело было раскрыто «благодаря неустанным усилиям полиции», продолжавшимся сорок с лишним лет. И, конечно, ни слова о Митарай.

Мой друг, как обычно, еще спал. Я влетел в спальню, растолкал его и сообщил, что Таэко Судо умерла. Сев в кровати, он широко открыл глаза и сказал только:

– Вот оно как...

Рука Митарай бегала по подушке; я думал, он еще что-то скажет, и не ошибся.

– Не хочешь сварить кофе?

* * *

Прихлебывая из чашки, мой друг погрузился в газету. Покончив со статьей, он бросил газету на стол и усмехнулся:

– Значит, благодаря неустанным усилиям полиции?... Отпрыску Такэгоси-младшего и его компании понадобилось бы еще лет сто таких усилий, прежде чем они додумались бы до чего-то путного. Сколько ботинок за это время износили бы! Целый обувной магазин.

«Сейчас самое время вывалить на него мои сомнения», – подумал я и начал с вопроса, где Токико достала химикаты.

– Понятия не имею. Зачем ты у меня спрашиваешь?

– Но ты же говорил с ней в Арасияме.

– Мы почти не говорили.

– Но почему?! Ведь ты же столько сил потратил на ее поиски...

– Начни я ее расспрашивать – обязательно пошли бы эмоции. Жалость, сочувствие... И моим неустанным усилиям настал бы конец. Когда я ее увидел, у меня вовсе не было чувства, что ее поиски меня измотали. Детали мне неинтересны.

«Врешь! – подумал я. – А кто чуть не свихнулся в Киото?»

Митарай всегда старался показать, что все просто и дается ему с легкостью, как всем настоящим гениям.

– Мне нечего было у нее спрашивать. Ключевые, самые важные вещи я уяснил. А вдаваться в подробности не видел смысла.

– Объясни хотя бы, где она могла достать химикаты.

– Ну ты даешь! Тоже решил меня доставать неустанными усилиями? Химия, широта и долгота – все это фон, декорация. Первокласно исполненная декорация. У Токико был настоящий талант: она так точно и реалистично выстроила свою бутафорию, что мы, увлеченно разглядывая ее, забывали смотреть на само здание. А ведь все дело в конструкции. Вот что меня больше всего интересует. В конструкции здания невозможно разобраться, если лишь любоваться декоративными элементами. Возьмем эти самые химикаты. Они нужны тебе позарез; жизнь, можно сказать, от них зависит. Что ты сделаешь? Нарядишься, к примеру, уборщиком и пролезешь в какую-нибудь лабораторию.. Это все неважно.

– Ладно. Давай о другом. Могли Таэ и Токико вместе спланировать убийства? Или все задумала Таэ, а Токико лишь осуществила ее замысел? Может такое быть?

– Думаю, нет.

– То есть Токико все сделала сама?

– Думаю, да.

– Я, конечно, не исключаю, что так и было, но почему ты в этом уверен?

– Хм-м... Доказательств у меня нет. Просто я так считаю, и всё.

– Не очень убедительно, скажу я тебе. Доказательств нет; тогда из чего ты исходишь, когда так говоришь?

– Тут логикой ничего не объяснишь. Это вопрос женских эмоций. Можно лишь гадать.

Если преступления задумала Таэ, зачем Токико было менять имя на Таэко и открывать в Сагано магазин? Какая необходимость переезжать туда, зная, что ее могут там найти? В конце концов так и произошло, и Токико умерла. Выглядит так, будто она сознательно шла к самоубийству.

Вопрос второй – деньги. Если Таэ и Токико состояли в стоворе, из денег, полученных Таэ по наследству, половина должна была исчезнуть со счета. Но насколько нам известно (хотя я лично не проверял, поэтому не могу утверждать на сто процентов), никаких операций с этими деньгами Таэ не проводила.

Если Таэ была вовлечена в этот план и получила деньги, когда все кончилось, она, наверное, сразу перебралась бы в Сагано и исполнила мечту насчет магазина. Но не сделала этого, хотя деньги у нее были. Это, конечно, расстроило Токико, которая не испытывала полного удовлетворения от реализации своего плана. Поэтому она решила сама переехать в Сагано и открыть там магазин, о котором мать мечтала всю жизнь. И сделала это, несмотря на риск быть разоблаченной.

– Вот как... – проговорил я уныло.

– Впрочем, это все мои догадки, логического обоснования им нет. Можно возражать, с пылом доказывая, что все происходило совсем не так. Однако Токико умерла, и как было на самом деле, мы никогда не узнаем.

– Жаль... Такой шанс выпадает раз в жизни.

– Ну и ладно.

– А как ты думаешь, могла Токико написать тебе письмо перед смертью? Может, придет через два-три дня, а? – спросил я с надеждой.

– Такого быть не может. Я не назвал ей адрес, даже не представился. Не хотел портить исторический момент. Фамилия у меня больно неподходящая[68].

– Ну-у при чем здесь это... – протянул я, хотя фамилия у моего друга в самом деле не очень. Я даже сочувствовал ему немного.

– А Тазко, точнее, Токико, не говорила, куда она скрылась после?

– Говорила, так, вскользь.

– И куда же?

– На материк уехала.

– В Маньчжурию?... Вот, значит, как... Это как из Англии раньше преступники бежали в Америку?

– Токико рассказала, что, оказавшись опять в Японии, куда ее репатриировали после войны, она ехала в поезде и смотрела в окно. После необъятных просторов материкового Китая здесь ей казалось тесно, будто до всего можно дотянуться рукой, а горы прямо-таки были готовы запрыгнуть в окно. Япония – маленькая страна. Очень поэтичный образ, скажи? Произвел на меня сильное впечатление.

– Угу...

– Вот были времена! А сейчас? Сколько японцев живет-живет да так и умирает, ни разу не увидев горизонта!

– Конечно, у нас масштабы не те... Однако Токико совершила чудовищное, дерзкое преступление. Как могла девушка в двадцать три года решиться на такое?

Митарай сидел, устремив взгляд в пустоту.

– Да... Что за женщина! Одна дурачила всю Японию целых сорок лет. Я таких прежде не встречал. Снимаю перед ней шляпу.

– Еще бы... Но все же как ты сумел?... Подсказку дала склеенная тысяча, я понимаю. Но было же и еще что-то! Иначе как ты разобрался во всех этих

фокусах? Я рассказал тебе все, что знал об этом деле, но этого совершенно недостаточно, чтобы раскрыть комбинацию с трупами.

– Ты строил свои объяснения исходя из того, что Азот якобы действительно была создана. Сопоставив все факты, я пришел к выводу, что ни у кого из имевших отношение к этому делу лиц не было возможностей заниматься чем-то подобным. Для этого требовалось много времени и особое место, скрытое от посторонних глаз. Впрочем, не так уж важно, существовала Азот или нет. Ключом здесь служат записки Хэйкити. А в них можно найти немало странного, что навело меня на подозрения.

– Что же, например?

– Да много всякого... Начнем с самого главного, где концы с концами не сходятся. Записки, указывает их автор, не предназначены для постороннего глаза. Они как бы часть Азот, и вместе с ней должны быть помещены в самый центр Японии. И в то же время пишет, что если Азот принесет ему деньги, он хочет, чтобы они достались Таэ. Автор явно писал это с расчетом на то, что записки кто-то прочтет.

Во-вторых, убийце, конечно, следовало забрать записки своей жертвы с собой, но почему-то это не было сделано. Они требовались, чтобы обработать Бундзиро Такэгоси и дать ему указания насчет захоронения тел девушек. Чтобы не забыть важные детали, следовало скопировать записки или хотя бы сделать выписки.

Конечно, нельзя полностью исключать того, что убийца мог заранее ознакомиться с содержанием записок и запомнить все, что нужно. Но в любом случае лучше иметь нужную информацию под рукой. Тем не менее записки остались в столе, из чего следует, что Хэйкити вряд ли был их автором.

Еще одна нестыковка: в записках говорится, что на Азот можно заработать капитал. Это тоже странно. Объявлять целью создания Азот спасение великой Японской империи – и думать о прибыли? Да еще писать, что она пойдет Таэ... Одного этого достаточно, чтобы заметить, что тут что-то не так. Уже в этом виден замысел убийцы.

Есть и другие подозрительные моменты. Вот, к примеру... Ты говорил, что Хэйкити был заядлый курильщик. А в записках, по-моему, говорится, что он почти не ходил в питейные заведения, потому что на него плохо действовал табачный дым. Это Токико про себя написала.

Теперь о музыке. Автору записок нравились «Остров Капри» и «Орхидея в лунном свете», хиты тридцать четвертого и тридцать пятого годов. Я интересовался музыкой тридцатых и хорошо в ней разбираюсь. Классные вещи, ничего не скажешь. Была еще одна вещица – «Крутись, крутись!» Карлоса Гарделя... Ну да ладно. Тридцать пятый – это за год до убийства Хэйкити. Мы знаем, что он уединился в мастерской, в основном жил там. Где он мог слышать эти мелодии, как сумел их так запомнить, что даже написал о них в записках? В мастерской у него не было ни радио, ни патефона. А вот Токико, конечно, слышала эти мелодии. Например, дома. Ведь Масако очень любила музыку.

– Да, пожалуй...

Рассуждения Митарай звучали убедительно. Как я не обратил внимания на все это раньше? Я ждал, когда он заговорит о смерти Таэко Судо, и, не дождавшись, решил задать ему вопрос:

– Я все о самоубийстве думаю... Почему она ушла, ничего никому не сказав? Понимаю, что она наделала много шума, перебаламутила всю страну – и все же почему-то даже не попыталась объясниться...

– Объясниться? Какой ответ тебе хотелось бы услышать? Ты же видишь, что пишут в газетах. Поняла, что ее преступление раскрыто, вот и решила покончить с собой. В этом вся причина. Когда способный парень, сдав вступительные экзамены, вдруг решается на самоубийство, что пишут? Что он сломался на экзаменах, что был такой большой конкурс, столько желающих поступить... Все просто и ясно. Чушь! Ерунда! Всё на потребу толпы. А на самом деле, совершая над собой насилие, люди пытаются избавиться от ощущения безысходности и неполноценности, сопровождающего их в серой и тусклой жизни, которую они ведут. Человек жил-жил, а потом решил подвести черту. Таких случаев сколько угодно. Как это объяснить тому, кто жаждет объяснений? Да и нужно ли что-то объяснять? Она выбрала смерть – и точка. Ты хотел знать причину? Теперь ты ее знаешь, верно?

Мне нечего было возразить.

Сцена 4

Стук в дверь

Больше о смерти Таэко Судо Митарай говорить не захотел. Но у меня осталось чувство, что ему известно нечто такое, чего не знает больше никто.

Я понятия не имел, что именно ему известно. Но, как я ни пытался что-то у него выведать, ничего не получилось. Он лениво усмехнулся и посоветовал как следует подумать об игральных костях, которые ему подарила Таэко Судо: «Тогда все поймешь».

Дело об «убийствах по Зодиаксу» напоминало мне игру сугороку[69], в которую в детстве я много раз играл на Новый год. Для нас с Митарай были подготовлены разные ловушки – подвешенная к потолку кровать; 138°48' восточной долготы; цифры 4, 6, 3; наконец Азот, – и мы по очереди бросали кости, как Ядзи и Кита[70], переходя от радости к унынию и наоборот. По пути к финишу я сбился с дороги, в одиночку отправившись в Мэйдзи-мура.

Плохих воспоминаний от участия в этом деле у меня не осталось. Я побывал в разных местах, встретился со многими интересными людьми. Единственное неприятное исключение, пожалуй, – инспектор Такэгоси. По иронии судьбы

самое хорошее впечатление у меня осталось от преступницы. Какой же урок я должен извлечь из всего этого?

Как и следовало ожидать, сообщение о том, что дело об «убийствах по Зодиаку» раскрыто, привело общественность в сильное возбуждение. Все только и говорили об этом. Газеты резвились целую неделю, еженедельники вышли со специальными приложениями. Несколько программ посвятило этой теме телевидение. Показали даже инспектора Ииду, державшегося перед камерой очень скромно. Зрители получили возможность познакомиться и с Такэгоси-младшим, хотя это вряд ли доставило им большое удовольствие.

Наиболее смелые издательства, из числа тех, что в свое время осчастливили читателя теориями о людоедстве и похищающих людей инопланетянах, желая выжать последние барыши из этого дела, с поразительной быстротой вывалили на публику целую серию новых опусов.

Инспектор Иида получил повышение в знак признания его заслуг, а Митараи удостоился лишь открытки от Мисако с банальным выражением благодарности.

Из всего обилия печатных материалов не нашлось ни одной страницы, где, хотя бы под микроскопом, можно было разглядеть фамилию моего друга. Его полностью проигнорировали, обошли со всех сторон. Я был возмущен таким предательством.

Но во всем этом обмане была и хорошая сторона. Имя Митараи осталось незасвеченным, дело посчитали раскрытым благодаря «неустанным усилиям» полиции, поэтому о Бундзиро Такэгоси и его записях общественность так ничего и не узнала.

Я был очень рад этому, чувствуя свою причастность к поискам разгадки. Ощущения Митараи, наверное, были еще острее, потому что он сделал больше. И все же мне было обидно за друга, к которому отнеслись с таким пренебрежением.

Однако того, похоже, это совершенно не задевало. Митараи не обращал никакого внимания на поднявшуюся вокруг дела семьи Умэдзава шумиху, сидел и тихонько что-то напевал себе под нос.

– Неужели тебе не обидно? – спросил я его и услышал беззаботный ответ:

– Из-за чего?

– Ну как же?! Кто раскрыл дело? Не ты ли? И что? О тебе даже никто не вспоминает! Делают вид, что тебя нет! Если б тебя показали по телевизору, о тебе узнало бы столько людей... Ты бы мог на этом заработать. Я знаю, что ты о таких вещах не думаешь. Но когда у тебя есть имя, легче живется. И твоей работе это не мешает. Нашел бы получше местечко, перебрался туда со своим офисом, купил диван поприличнее...

– И тогда вместо того, чтобы работать головой, мне придется иметь дело со слабоумными чудаками, которые будут набиваться в мой офис, как селедки в бочку. Всякий раз, когда я буду приходить туда, мне придется разыскивать тебя в этой толпе, крича: «Исиока, где ты?» Может быть, ты еще не понял,

но мне нравится моя нынешняя жизнь. По крайней мере, сегодня мне никто не пудрит мозги.

Как я живу сейчас? На завтра работы не намечается – сплю сколько хочу. Могу расслабиться, читать в пижаме газету. Трачу время только на то, что мне интересно, выхожу из дома, когда есть работа, которая меня устраивает. Не нравится мне кто-то – так и говорю. Белое – белое, черное – черное, и я могу сказать об этом любому. Это мое достояние. Мне такая жизнь очень нравится, хотя, по выражению некоторых блюстителей порядка, я люмпен, и никто не захочет иметь со мной дела. А станет скучно, одиноко – у меня всегда есть ты.

В груди у меня вдруг потеплело. «Вот как он обо мне думает! Я должен что-то сделать в знак нашей дружбы». Улыбаясь в душе, я попытался быть серьезным:

– Знаешь что? Я собираюсь написать обо всем, что было, и отнести что получится в издательство. Книгу хочу написать. Только ты не удивляйся.

Митарай скорчил физиономию, как человек, столкнувшийся темной ночью на узкой дорожке с женой, которая сбежала от него давным-давно. Видно было, что он совсем не расположен говорить на эту тему.

– Брось шутить! Сейчас не время!

– Я не знаю, понравится издателям или нет, но многим это будет интересно. Уверен.

– Я все готов от тебя вытерпеть, – серьезно проговорил Митарай, – но только не это. Не надо ничего писать.

– Но почему?

– Я тебе уже объяснял. Есть и другие причины.

– Какие? Скажи.

– Мне не хочется.

Если я что-то напишу, первым, кто это прочитает, будет Эмото. Он так помог нам в Киото... А последним – Митарай. У меня по работе есть много знакомых в издательствах. Всегда могу дать им почитать свой опус.

– Ты представить не можешь, с каким трепетом я всякий раз жду вопроса: «А какими иероглифами пишется ваша фамилия?..» – по-стариковски завалившись на диван, слабым голосом проговорил Митарай. – Ты и меня собираешься вставить в свою книжку?

– А как же! Ведь таких уникамов, как ты, больше нет. Кульминационная фигура.

– Тогда уж придумай мне более подходящую фамилию. Цукикагэхоси...[71] Или что-нибудь в этом роде.

– Нет проблем. Такую хитрость я могу себе позволить, – рассмеялся я.

– Магия астролога...

Однако скоро выяснилось, что это дело для нас еще не закончено. Впереди было еще одно событие, которого мы не ожидали.

Таэко Судо все-таки оставила Митараи прощальное послание. Мы узнали об этом, когда получили копию ее письма спустя полгода из рук... кого бы вы думали? Инспектора Такэгоси!

Как-то в октябре, после обеда, в дверь офиса Митараи кто-то робко постучал. «Войдите!» – отозвался мой друг, не поднимаясь с места, но посетитель, похоже, его не услышал. Митараи сидел далеко от двери и пробурчал свое «войдите!» в пол. После паузы снова раздался стук, неуверенный, словно за дверью стояла женщина, не решавшаяся войти.

– Открыто же! – повысил голос Митараи.

Дверь медленно отворилась и на пороге возникла уже знакомая нам крупная фигура.

– О! Сколько лет, сколько зим! – Митараи вскочил со стула, будто увидел старого друга, с которым расстался лет десять назад. – Какой редкий гость! Исиока-кун, налей нам чайку, пожалуйста.

– Спасибо, не беспокойтесь. Я вас не задержу. – С этими словами мужчина извлек из портфеля большой конверт и протянул его Митараи. – Вот, хотел вам передать... Извините, что так затянули... Правда, это копия... оригинал вам отдать не можем, это важное документальное свидетельство. И вы знаете... понадобилось время, чтобы понять, кому оно предназначено...

Мы никак не могли взять в голову, о чем он толкует.

– Ну вот, передал... – завершил инспектор Такэгоси и повернулся через плечо, показав нам широкую спину.

– Уже уходите? Как же так? Может, поговорим? Столько всего накопилось...

Митараи не скрывал сарказма, но Такэгоси-младший никак не реагировал на его колкости. Он уже вышел в общий коридор и потянул было за ручку, чтобы закрыть за собой дверь, но в последний момент остановился, снова распахнул дверь и сделал шаг в прихожую.

– Я должен это сказать, – пробормотал он, глядя нам под ноги, и, выжимая из себя каждое слово, продолжил: – Я вам очень благодарен. Думаю, и отец тоже. От его имени хочу поблагодарить вас. Спасибо. Я тогда наговорил вам всякого... Извините. Я пошел.

Такэгоси-младший быстро, но аккуратно, без стука, закрыл за собой дверь. За все время он ни разу не взглянул нам в глаза.

– Хм-м... Может, он не такой уж плохой парень, – криво усмехнулся Митараи.

– Пожалуй, – ответил я. – Думаю, он многому у тебя научился.

– Да уж, – согласился мой друг. – По крайней мере, теперь знает, что надо в дверь стучаться.

В конверте, переданном инспектором, оказалось письмо Таэко Судо. Я хочу закончить эту историю, прояснив все оставшиеся детали. Для этого приведу ее письмо целиком.

Эпилог

Голос Азот

Пятница, 13 апреля 1979 г.

Молодому человеку, с которым мы повстречались в Арасияме

Я ждала Вас очень долго. Наверное, это звучит странно, но я не знаю, как выразиться по-другому.

Я вообще стала чудная и прекрасно это понимаю. Естественное состояние для женщины, совершившей такое злодеяние, – и все же в охватившей меня тревоге много непонятного.

С тех пор как я переехала в любимый матерью Киото, мне чуть ли не каждую ночь снился ужасный человек, мужчина. Он возникал словно ниоткуда, начинал ругать меня на чем свет стоит, хватал за руку и волок через улицу в тюрьму. И я поневоле возвращалась в те времена. Ужасное чувство доводило меня до дрожи в коленях. Но, несмотря ни на что, я ждала этой встречи.

В реальности передо мной предстал совсем молодой человек, очень приятный. Он не задал ни одного вопроса о том деле, за что я ему глубоко признательна. Я взялась за перо только за тем, чтобы выразить этому человеку свою благодарность.

Благодаря Вашему такту правда об этом деле, взбудоражившем общество, могла бы остаться неизвестной. Но в своей жизни я не сделала ничего хорошего, поэтому хочу объяснить, как все произошло, и принести покаяние.

* * *

Жизнь в доме Умэдзава в компании мачехи Масако и ее дочек стала для меня сущим адом. Несмотря на тяжесть совершенных мною преступлений, я никогда по-настоящему не раскаивалась в содеянном. Я была согласна жить где угодно, как угодно тяжело, лишь бы не в их доме. В общем, так и получилось, и вот я дожила до сегодняшнего дня. Хватило наглости.

Мне исполнился всего год, когда отец бросил маму. Она очень хотела, чтобы я осталась с ней, умоляла со слезами, но отец не позволил, сказал: «Куда тебе с таким здоровьем!» Но если у мамы было плохое здоровье, как он посмел бросить ее, запихать в табачную лавку?

Меня воспитывала мачеха. Как же мне от нее доставалось! Я много пишу о мачехе, слишком оправдываюсь, но ведь она мне никогда ничего не покупала, жалела даже мелочь на карманные расходы. Все – игрушки, одежда – было использованное и ношеное, достававшееся мне от Томоко и Акико.

С Юкико мы вместе ходили в школу. Я была на класс старше и всегда заливалась краской, когда люди говорили, что мы сестры. Юкико щеголяла в новенькой, с иголки, одежде; мне же приходилось донашивать обноски. Я не хотела быть хуже Юкико и так взялась за учебу, что обошла ее по всем предметам. Чего только не придумывали мои родственницы, чтобы помешать мне заниматься!

Я и сейчас толком не могу понять, почему мачеха не отправила меня к маме в Хоя. Может, боялась слухов, которые пошли бы по соседям, или не хотела лишиться бесплатной уборщицы.. С малых лет на мне лежало много обязанностей по дому, и всякий раз, когда я просила отпустить меня жить к маме, получала отказ. Причины находились всегда. Ни соседи (с которыми Умэдзава не сближались), ни мои школьные подруги ничего не замечали. Никто и понятия не имел, что творилось за забором, отгораживавшим наш дом от окружающего мира.

Каждый раз, когда я собиралась в Хоя или возвращалась оттуда, Масако с дочками делали мне всякие гадости. Но я упорно продолжала ездить к маме.

И дело не только в том, что я хотела ее навещать. Еще одна причина, почему мне надо было вырываться из дома, заключалась в том, что я нашла себе работу. На доход от табачной лавки прожить было невозможно, и мама нуждалась в помощи. Она в самом деле не отличалась крепким здоровьем, и что бы мы делали, если б она заболела? Значит, требовались какие-то накопления на врачей.

Кроме того, мне самой тоже были нужны деньги. Мачеха не тратила на меня ни иены – и в то же время, чтобы уколоть меня побольнее, показывала всем, что на родных дочек ей ничего не жалко.

Мне во что бы то ни стало надо было найти работу. Не могла же я тянуть из мамы последние гроши.

Мама прекрасно представляла мое положение. Поэтому, когда кто-то из Умэдзава, желая проследить за мной, звонил ей и спрашивал про меня, она всегда отвечала, что я у нее. Разведай Масако, что я устроилась на работу, просто не знаю, что было бы.

В те времена на работу, даже в бар, женщин принимали только с рекомендациями. На мое счастье, один знакомый подыскал мне место в университетской клинике, куда я ходила раз в неделю. Не хочу называть имени этого человека и клинику, куда он меня определил, чтобы не причинять неудобств ему и его семейству. Кстати, в этой самой клинике я впервые увидела, как производится вскрытие.

Работа в больнице сделала меня нигилисткой. Я поняла, что жизнь скоротечна и мало что стоит, что все мы привязаны к бренному телу. Жить или не жить, быть счастливым или несчастным – все это связано с людской волей, стремлениями человека.

Я стала размышлять о смерти, о самоубийстве. Вспоминая то время, понимаю, что серьезных причин для таких раздумий у меня тогда не было. Не знаю, как сейчас, но в те годы многих девушек привлекала мысль о самоубийстве. Идея уйти из жизни, сохранив себя в чистоте, превратилась чуть ли не в религию.

В университетском городке располагалось отделение фармакологии и естественных наук. Как-то раз я заглянула туда, и коллега показал мне склянку с мышьяковой кислотой, после чего я и решила покончить с собой. Незаметно отлила немного яда во флакон из-под духов и отправилась к маме. Я застала ее дома. Она сидела, согнувшись, возле хибати[72] в лучах солнечного света, и показалась мне такой маленькой...

В тот день я собиралась попрощаться с ней навсегда. Увидев меня, мама протянула мне бумажный пакет. В нем оказались пирожки со сладкой начинкой. Знала, что я приду, и купила.

Мы принялись за пирожки. Я жевала и думала, что не могу сейчас умереть и оставить маму одну. Я много ломала голову над вопросом: для чего человек появляется на свет? Моя жизнь была лишена удовольствий, а следовательно, и смысла. Хотя у мамы ситуация была еще хуже.

* * *

Когда бы я к ней ни приходила, всегда заставляла на одном и том же месте. Опустив плечи, она сидела у входа в табачную лавку, одинокая и печальная. Изо дня в день одна и та же картина, одна и та же поза. И однажды меня обожгла мысль: а ведь она так и умрет перед дверью своей лавчонки! Разве это жизнь? Чем больше я думала о несчастной маминной участи, тем яснее понимала, что никогда не прощу семейство Умэдзава.

Во мне зрела злость и ненависть к этим людям, переросшие в конце концов в желание расправиться с ними. Никаких других причин для убийства у меня не было. Это желание копилось медленно, по капле, из года в год.

Мачеха любила все показное, поэтому в их доме постоянно звучали музыка и смех. У меня холодела спина, когда я слышала это напускное веселье и представляла, как мама сидит там, в Хоя, одна, на пороге табачной лавки...

На убийство меня толкнул один случай. Однажды в гости к Умэдзава заявила Кадзуэ. Пришла, села в гостиной и тут же стала ныть, что ей подсунули кривой стул. (Она вообще целыми днями на все жаловалась.) Тогда мачеха вытащила откуда-то маленький тканевый мешочек и бросила его дочери со словами: «Вот, подложи под ножку. Шататься не будет». Это было саше из коллекции, которую любовно собирала мама. Видно, обронила его, когда собирала вещи перед тем, как покинуть дом Умэдзава.

Этот случай переполнил чашу моего терпения. Я уже поставила на себе крест. И если уж умирать, то почему сначала не отомстить и не принести маме хоть немного счастья?

Я вовсе не была уверена в себе, в своих силах. Думаю, именно это самое чувство неуверенности и навело меня на мысль, как и что я должна делать. План рождался как бы сам собой, словно во сне, постепенно обретая очертания. В это время я и познакомилась с господином Такэгоси.

Я искренне раскаиваюсь, что втянула его в это дело. Сколько раз я собиралась открыться ему, рассказать обо всем... Но в итоге решила, что явкой с повинной станет мое самоубийство.

Целый год я по капле собирала яд в отделении фармакологии, а в конце 1935 года бросила работу, никому ничего не сказав. Не думаю, что кто-то захотел меня разыскивать, да если б и попробовали, все равно ничего не добились бы – при устройстве в клинику я назвалась чужим именем и придумала адрес. Пропажи мышьяка тоже не должны были заметить, ведь я украла совсем немного. На работу я обязательно надевала очки, меняла прическу. Боялась случайно столкнуться с кем-нибудь из родственниц. Но мне повезло.

Что сказать про отца? К нему у меня не было ненависти. Можно сказать, что это был человек своекорыстный, думающий только о себе.

Я ударила отца деревянным ящичком, который подобрала в клинике. В такой таре к нам привозили пузырьки с лекарствами. Сработанные на совесть, без зазоров между досками, ящички, которые за ненадобностью выбрасывали, были необычайно прочными. Я приделала к ящичку ручку, положила в него тяжелую металлическую пластину и залила ее смешанным с соломой гипсом, который тоже позаимствовала в университете. Солому добавила для прочности – слышала от кого-то, что так лучше. Ручку постаралась приладить покрепче, но от удара она все-таки сломалась.

Это был самый тяжелый момент. Конечно, отец был прожженный эгоист, но он не издевался надо мной, как его новая супруга. За несколько дней до убийства я сказала, что готова позировать ему без одежды, пообещав, что это останется между нами. Он страшно обрадовался. Прямо как малое дитя. Вообще, в нем было что-то ребячье.

Когда я ему позировала, начался снегопад. Я никогда не видела столько снега. До сих пор вспоминаю, как сидела в мастерской, а снег все валил и валил... Я с трепетом думала: «Уж не велит ли мне само небо остановиться?»

Меня одолевали сомнения. «Сегодня не годится, лучше завтра». Увидев, как отец выпил снотворное, я уже почти решила отложить задуманное, тем более что снег нарушил мой план.

Но откладывать было нельзя. Картина, для которой я позировала, была уже почти готова. На следующий день отец собирался закончить лицо, которое пока оставалось лишь набросано на полотне, и тогда станет ясно, кто ему позировал.

Кроме того, на следующий день, 26 февраля, в среду, у меня были занятия в балетной студии, и я обещала маме, что обязательно приду.

И все-таки я решилась и ударила отца по голове. Но удар получился недостаточно сильным, отец упал и стал корчиться от боли. Тогда я схватила несколько листов плотной бумаги, намочила и, прижав к его лицу, держала обеими руками, пока он не задохнулся. Я долго не могла понять, почему полиция посчитала, что отец умер от удара по голове, а не от удушья.

Теперь что касается бороды. Все недоумевали, почему преступник воспользовался ножницами, а не бритвой. Я приготовила бритву и только начала ножницами, а потом хотела сбрить что останется. Но вдруг у отца из носа и рта потекла кровь, я страшно испугалась и бросила ножницы. Как ни старалась быть аккуратной, часть состриженных волосков упала на пол.

После этого я вышла из мастерской, прихватив отцовские ботинки. Поставила их вместе со своей сумкой на крыльцо, куда не нападал снег, и подошла к боковому окну. Через окно с помощью шнурка задвинула щеколду в комнате, прошла в своих туфлях до калитки и выглянула на улицу. Я очень нервничала, поэтому тут же закрыла дверь и повернула обратно. Сделала на носках, как на пуантах, несколько шагов и наступила на новый след подошвой. Как и следовало ожидать, посредине следа осталось небольшое углубление. «Повезло, что я его заметила, иначе...» – с дрожью подумала я.

Надо было замаскировать эти углубления. Сумка осталась у двери, поэтому я собрала побольше снега и быстро вернулась к крыльцу, ступая на носках. Взяла сумку, положила туда снег, но его оказалось явно недостаточно. Тогда я нагребла еще снега с плит, которыми вымостили подход к мастерской, стараясь делать это аккуратно, почти ласково, чтобы не было заметно, и тоже напихала в сумку. Потом надела отцовские ботинки и пошла в них по следу, проложенному на носках, перед каждым шагом закладывая снегом оставленные моими ногами углубления.

Выйдя из калитки на улицу, я вытряхнула из сумки остатки снега и запихала в нее ботинки. Мне повезло – утром был еще небольшой снегопад, прикрывший места, где я собирала снег. Не будь этого, полиция могла заметить, что кто-то там копался, и это навело бы их на подозрения.

Стараясь не попадаться никому на глаза, я направилась к лесу неподалеку от нашего дома, в местечке Комадзава. Пока я шла, мимо проехало несколько автомобилей. Прохожие, к счастью, мне не встретились – все-таки было уже очень поздно.

В лесу у меня было любимое место. В низинке, заросшей бурьяном и колючей травой, протекал ручеек. Трава больно кололась, но лучшего места, чтобы спрятаться от чужих глаз, в округе я не знала. Я решила покончить с собой именно здесь, если мой план провалится.

Я заранее выкопала там яму, закрыв ее досками и замаскировав землей и травой. Бросила туда ящик – орудие убийства, бритву, пучки волос от его бороды. Восстановила маскировку, устроилась на корточках и стала ждать утра. Разгуливать по лесу не решилась, боясь на кого-нибудь наткнуться.

Было жутко холодно; я думала, что не переживу ночи. В голову лезли сомнения, мучили раскаяние и тревога. Я никак не могла решить, ждать ли окончания снегопада и куда идти. Домой? Слишком большой риск. Могла по пути встретить кого-то. А свидетели мне были не нужны. Я сказала мачехе, что останусь ночевать в Хоя. Даже если Масако позвонит туда маме, та все равно скажет, что я у нее.

Записки от имени отца написала я. Они остались в мастерской. Меня одолевали сомнения, правильно ли я все написала. Может, не надо было гордиться такой дикий план, а просто взять и отравить всех?

Больше всего меня угнетало одно – если полиция меня арестует, мама хлебнет горя по полной, наслушается о себе всякого из-за дочери-маньячки. Нельзя этого допустить, лучше умереть. Я решила открыться маме как-нибудь позже, хорошенько все обдумав. А вот для мачехи смерть будет слишком легким наказанием.

Насчет почерка, которым написаны «записки Хэйкити», я не беспокоилась. Дело в том, что лет с двадцати отец почти ничего не писал – ни писем друзьям, ни открыток, ничего. Образцов его почерка не осталось, и сравнить записки было не с чем.

Почерк отца я видела только один раз – несколько слов, оставленных им в молодые годы, когда он жил в Европе, в альбоме для рисования на одном из набросков. Его почерк оказался очень похож на мой. Помню, я тогда подумала: вот что значит отец и дочь, даже почерк одинаковый.

Для верности я еще подкорректировала свой почерк, взяв за образец письмо одного нашего знакомого – мужчины средних лет; специально писала мягким карандашом для рисования, чуть небрежно, не выписывая каждый иероглиф.

В голову лезли разные мысли. Как нарочно, об отце вспоминалось только хорошее, как он был добр ко мне. Я боялась, что чувство вины и раскаяния сведет меня с ума. Если подумать, я была единственным человеком, кому отец доверял. Поэтому так много и рассказывал о себе. Кроме меня и госпожи Томита из «Медици», ему не с кем было поделиться. Это и дало мне возможность писать от его имени, так чтобы все поверили, что автор записок – Хэйкити Умэдзава. Отец верил мне, а я его убила...

Как же долго тянутся зимние ночи! Время до рассвета ползло черепашим шагом. Я теряла сознание от холода. Это было ужасно.

На рассвете я пришла в ужас от другой мысли. Вдруг кто-то из Умэдзава обнаружит мертвого отца до того, как я окажусь дома? Тогда я не смогу

поставить на место отцовские ботинки. А Масако и ее дочери наверняка знали, что в мастерской должны быть две пары обуви. Если кто-то из них заметит, что одна пара куда-то делась, мне будет плохо. Скорее домой! Но если я появлюсь там слишком рано, до того времени, когда надо нести отцу завтрак, это может вызвать подозрения. Идти прямо к мастерской, чтобы определить на место ботинки, тоже нельзя – там останутся мои следы, и как их потом объяснишь? Не зная, на что решиться, я не находила себе места.

Появлялись все новые причины для тревоги. Я начала сомневаться: надо ли вообще нести в мастерскую эти ботинки? Они промокли от снега. Вдруг полиции придет в голову сравнить их со следами на улице?

После долгих колебаний я все-таки решила попробовать вернуть обувь на место. Если б обнаружилось ее отсутствие, вышло бы еще хуже. На мое счастье, полиция не додумалась до того, что мужские следы на снегу оставили ботинки отца, а ведь стоило примерить их к следам, и я оказалась бы на волосок от гибели. Мне повезло, что утром выпало еще немного снега и следы стали уже не такими четкими.

Тем не менее полиция была настроена очень серьезно. Я поставила все на карту, подготовилась ко всему, а вот у мачехиных дочек случилась настоящая истерика. Но у меня не было к ним ни грамма жалости; наоборот, их слезы принесли мне облегчение.

Ночь под снегом не прошла бесследно – я подхватила простуду. Во время беседы со следователями меня колотил озноб, а они, видимо, приняли его за признак потрясения, который перенесла девушка, узнавшая об убийстве отца. Это тоже сыграло мне на руку.

Мама твердо заявила полиции, что день, когда был убит отец, я провела у нее. Она подумала, раз я до нее не доехала и не ночевала дома, значит, задержалась на работе. Может, там что-то произошло. Больше всего мама боялась, как бы Умэдзава не узнали про мою работу.

Вот таким святым человеком была моя мама.

* * *

Теперь о Кадзуэ. Я побывала у нее дома всего два раза. Ходила на разведку. Больше было нельзя – Кадзуэ наверняка разболтала бы мачехе, что я к ней зачастила.

Такое же кимоно, как у Кадзуэ, я не могла себе позволить, поэтому пришлось снять его с убитой и переодеться. Поджидая Такэгоси-сан на улице в намеченном месте, я увидела на воротнике кимоно кровавое пятно и поспешно перешла туда, где было не так светло.

Я ужасно боялась, внутри меня все дрожало. Ведь мне предстояло осуществить жестокий план, в общем-то, непосильный для молоденькой девушки. Страх и напряжение охватывали меня с не меньшей силой, чем во время убийства отца.

Помню, как кружилась голова, когда я мерила шагами темный переулок и думала о том, что будет, если человек, которого я поджидала, скрываясь от других людей, вдруг именно сегодня задержится на работе. Ведь я убила Кадзуэ, специально подгадав время.

Но это еще не так страшно. А вот если он именно сегодня освободился пораньше и уже прошел по этому переулку? Ноги мои подогнулись, и я чуть было не рухнула на мостовую.

Напряжение не отпускало, и когда мы с Такэгоси-сан вошли в дом Кадзуэ, я тут же уловила острый неприятный запах крови, однако Такэгоси-сан ничего не почувствовал. Помня о пятне на воротнике, я тут же попросила его не включать свет.

Следствие установило, что смерть Кадзуэ наступила между семью и девятью часами вечера. Я узнала об этом потом. Я действительно убила Кадзуэ в начале восьмого, но полиция, очевидно, посчитала, что убийство произошло позднее, потому что это было не простое убийство, а с ограблением. А ограбления обычно происходят, когда на улице уже стемнело.

Кстати, Такэгоси-сан был у меня не первый.

* * *

После похорон Кадзуэ я специально испачкала несколько сидухек в ее доме, выстирала с них чехлы и повесила в одной из комнат сушиться. Еще я оставила в доме кое-какой беспорядок, чтобы был предлог всем заехать туда по пути из Яхико.

К тому времени я уже потеряла страх перед убийством, это даже стало для меня чем-то вроде игры. Идея путешествия в Яхико всемером, которая раньше вызвала бы у меня содрогание, теперь казалась весьма привлекательной.

На этот раз, в отличие от убийств отца и Кадзуэ, все прошло гладко, точно по задуманному. Стоило мне только заикнуться о том, что неплохо было бы побывать в Яхико, о котором писал отец (полиция лишь в общих чертах познакомила нас с содержанием его записок, ничего не сказав об Азот), как мачеха тут же согласилась. А на источниках в Ивамуро я лишь намекнула Юкико и остальным, как здорово остаться здесь еще на денек, и Масако сразу заявила, что хочет поехать в Аидзувакамацу, навестить родителей.

Мачеха очень переживала о том, что о ней скажут люди, и ей не хотелось показываться в родных местах со всем своим выводком, разжигая нездоровый интерес соседей к фамилии Умэдзава. Я это хорошо знала. Знала и то, что в Аидзувакамацу она ни разу не выйдет на улицу, чтобы не встретить кого-

нибудь из знакомых. Меня волновало лишь одно – мачеха перед отъездом сказала, чтобы я возвращалась домой с дочерьми Аяко, а ее дочери ехали отдельно. Но для меня было важно, чтобы мы возвращались все вместе, и я сделала для этого все возможное.

В итоге мы поехали на одном поезде, разделившись на две группы: в одной – Томоко, Акико и Юкико, в другой – я с Нобуё и Рэйко. Вшестером мы нигде не засветились.

Я предложила всем вместе заехать по пути в дом Кадзуэ, чтобы закончить уборку, однако Томоко и Акико стали отказываться. Говорили: мы устали, без нас, мол, обойдешься. Нашли предлог. При том, что Кадзуэ была их родственницей, а я к ней никакого отношения не имела.

Такие номера были в обычае у этих девиц. Я потеряла им счет. Мы вместе ходили в балетную студию (у Томоко и Юкико танцевальные па выходили на удивление коряво). Если у меня что-то хорошо получалось, они быстро выбегали из зала. Когда я бывала в Хоя, мачеха нередко проводила занятия без меня.

В поезде я принялась всех уговаривать поехать к Кадзуэ вместе. Говорила, что боюсь одна, что напою их там соком. Уговоры подействовали.

Мы вошли в дом Кадзуэ 31 марта, в начале пятого. Я сразу пошла на кухню готовить сок, там налила в него мышьяка. Все пятеро выпили – и тут же отдали Богу душу. Приходилось делать все в спешке, пока не село солнце. Потом пришлось бы включить свет, и соседи впоследствии могли сообщить полиции, что в тот день видели кого-то в доме.

Я узнала, что против мышьяка есть антидот, и хотела заранее принять его, на случай если мне предложат тоже выпить сока, но не смогла достать. Все обошлось – никому из пятерых моих «сестер» не пришло в голову даже заглянуть на кухню, чтобы помочь или хотя бы посмотреть, чем я там занимаюсь.

Я стащила тела в ванную комнату и вернулась в Мэгуро, в дом Умэдзава. Надо было подложить в комнату мачехи веревку с крюком и склянку с мышьяковой кислотой. Да и где мне было ночевать?

На следующий день, вернувшись в дом Кадзуэ, при свете луны я занялась разделкой тел. К тому времени они уже застыли.

Конечно, оставлять на ночь тела в ванной было опасно. Но другого места, где их можно расчленить, не нашлось. Спрятать где-то тела, а на следующий день тащить их обратно в ванную мне было не по силам, поэтому я решила рискнуть. Если тела обнаружат, думала я, моему плану конец. Тогда я выпью яду где-нибудь возле дома Кадзуэ, и у полиции будут основания считать, что все шесть девушек стали жертвами одного отравителя. Я решила так из-за мамы. И вывод следствия будет такой: преступник собирался расчленить тела своих жертв и слепить из них Азот, но ему не повезло – тела обнаружили до того, как он исполнил свой замысел.

К счастью или несчастью, тела не нашли. Поработав пилой, я из пяти тел сделала шесть, завернула каждое в заранее приготовленную промасленную

бумагу, сложила их в крошечной кладовой и накрыла одеялами. В день похорон Кадзуэ я тщательно прибралась там и протерла все тряпкой, чтобы к телам не прилипли соломинки или частички земли, по которым можно было что-то определить.

Совершенно случайно выяснилось, что у всех представительниц молодого поколения семьи Умэдзава, включая меня, одна и та же группа крови – группа А. Я узнала об этом, когда мы все вместе сдавали кровь на донорском пункте.

Передо мной встала проблема: куда девать дорожные сумки? Хоть и небольшие, но их шесть штук. Я не могла требовать от Такэгоси-сан, чтобы он взял их и похоронил вместе с трупами. Вместо этого набила сумки камнями и утопила в реке. От пилы избавилась таким же способом.

Письмо для Такэгоси-сан было написано заранее. Переночевав после убийства в доме Умэдзава, рано утром 1 апреля я вышла из дома и опустила его в почтовый ящик где-то в центре. И уже потом поехала заниматься телами. Действовать приходилось быстро, до того как начнется процесс разложения. И Такэгоси-сан нужно было время, чтобы сделать свое дело.

У меня не было на боку родимого пятна, как у Юкико. Мачеха об этом не знала, ей вообще не было до меня никакого дела, но мама-то знала. Надо было что-то придумать. Я взяла железную палку и со всей силы ударила себя по боку, потом сказала маме, что у меня появилось родимое пятно. Она страшно удивилась и даже пробовала стереть след от удара. Хорошо, мне не пришлось в голову нарисовать пятно гримировочным карандашом. Когда маме представили на опознание тело Юкико, она по пятну приняла его за мое.

Выполнив свой план, я сменила прическу и одежду и переехала сначала в Кавасаки[73], а потом в Асакуса. Кочевала по дешевым пансионатам, подрабатывала где можно, иногда с ночлегом. И все время думала о том, что причинила маме страдания.

В клинике я проработала довольно долго, кое-что удалось скопить, так что на какое-то время на жизнь хватило бы. Но оставаться в Японии было опасно, меня могли вычислить и арестовать. Мне повезло, что в те времена Япония владела заморскими колониями. Я решила уехать на материк, переждать там, пока улягутся страсти вокруг дела Умэдзава.

Конечно, я очень переживала за маму, но, даже оставшись в Японии, я все равно еще долго не могла бы с ней увидеться. Кроме того, моя мама – человек, органически неспособный лгать. Бесчеловечно посвящать ее в мою тайну, взваливать на нее столь тяжкое бремя. Если бы она не сохранила тайну, для нее это было бы еще большим несчастьем, чем для меня. Поэтому я решила не рассказывать ей ни о чем.

Судьба благоволила мне – события развивались по намеченному мной плану. Работая в одной гостинице, я познакомилась с женщиной, которая вместе с жившими в деревне братьями собиралась переехать в Маньчжурию. Я уговорила ее взять меня с собой. Так я оказалась на материке.

Вопреки тому, что говорили тогда в Японии, Маньчжурия оказалась далеко не раем. Земли там в самом деле очень много, но зимой по ночам температура опускалась до минус сорока.

Сначала я работала в поле, но скоро переехала в Бэйань, есть такой город. Женщине в одиночку выжить там очень трудно. Чего только мне не пришлось пережить! Писать об этом подробно не буду, скажу лишь, что мама была права, когда отказалась в молодости переселяться в Маньчжурию. Думаю, все мои страдания на той земле были Божьей карой за то, что я совершила.

* * *

После войны я вернулась в Японию, долго жила на Кюсю. Шли годы, а дело об убийствах в семье Умэдзава продолжало интересоваться многих. Я прочитала где-то, что маме по наследству перешла крупная сумма, и очень обрадовалась, потому что она получила возможность перебраться наконец в Киото и открыть магазин, о котором так мечтала.

Я думала, что мама исполнила свою мечту, и в 1963 году, не утерпев, приехала в Сагано, где надеялась ее увидеть. За два дня обошла и объехала все окрестности, но ни мамы, ни магазинчика так и не нашла. Оттуда я отправилась в Токио.

Столица изменилась до неузнаваемости. Улицы заполнили автомобили, по городу проложили скоростные автомагистрали; повсюду бросались в глаза баннеры, возвещающие о приближении Олимпийских игр.

В первую очередь я поехала в Мэгуро, чтобы издали взглянуть на место, где жили Умэдзава. За оградой между деревьями возвышался новый красивый дом на несколько квартир. Оттуда я направилась в Комадзава, посмотреть, что стало с моим лесом. Как я слышала, там устроили поле для гольфа. Цела ли низинка, ручей, место, где я спрятала ящик, которым убила отца?

Увиденное поразило меня. От леса и ручья не осталось и следа. Вместо них во все стороны простиралось ровное поле. По нему, натужно гудя, ползали бульдозеры и самосвалы, месившие красную глину, которая встречается в районе Канто повсеместно. Лишь кое-где торчали пучки той самой жесткой травы-колючки.

Я прошла по дороге и увидела большие цементные трубы, куда, наверное, и загнали бедный ручей. А где был мой тайник, даже приблизительно определить не сумела.

Люди на стройплощадке рассказали, что на этом месте сооружаются олимпийские объекты – стадион и спортивный парк.

День выдался жаркий, я раскрыла зонтик, чтобы защититься от палящих солнечных лучей, по лбу стекал пот. Тени от сновавших по площадке полуголых рабочих густели; все вокруг было совсем не таким, как в ту ночь,

когда я сидела здесь на снегу и дрожала от холода. Куда подевался призрачный свет нарождавшегося зимнего дня?..

* * *

Из Комадзава я отправилась в Хоя. К тому времени уже стало ясно, что мама, скорее всего, так никуда и не поехала. Ей тогда уже исполнилось семьдесят пять. Наследство она получила, когда ей было далеко за шестьдесят. Какой уж тут Киото, какой магазин! Что она могла сделать одна? Как только мне пришла в голову такая глупость!

Всю дорогу до маминой лавки у меня дрожали колени. «Еще несколько шагов вон до того угла, и я увижу лавку, увижу маму... Она, как обычно, сидит сейчас у порога», – стучало в голове.

Я повернула за угол – и никого не увидела. Мамин домик стоял на месте, но сильно постарел и обветшал. Зато все остальные магазинчики и лавки в округе обзавелись красивыми дверями и окнами из стекла и алюминиевыми жалюзи. Улочку было не узнать. На этом блестящем фоне раздвижная дверь маминой лавки с потемневшими от времени деревянными перегородками производила жалкое впечатление и сразу бросалась в глаза.

Сигарет в витрине не было – похоже, торговля уже давно прекратилась. Я отодвинула дверь и переступила порог. На мой голос появилась женщина средних лет, видимо, соседка. Я назвалась родственницей, вернувшейся из Маньчжурии. Женщина впустила меня в дом и ушла.

Мама лежала во внутренней комнате. Одряхлевший, совершенно больной человек. Я села рядом. Наконец-то мы вместе!

Зрение у мамы совсем ослабло, она почти ничего не видела и, конечно, меня не узнала. «Спасибо вам. Вы так добры ко мне», – проговорила она.

Слезы полились у меня по щекам. В этот момент я впервые пожалела о том, что совершила это страшное преступление. У меня не получилось сделать маму хоть немного счастливее, как-то изменить ее жизнь к лучшему. Я совершила ошибку.

Я осталась ухаживать за мамой. Мне очень хотелось, чтобы она узнала меня. На четвертый или пятый день это наконец произошло. «О! Токико! Это ты!» – проговорила мама радостно и заплакала. Хотя, конечно, она вряд ли могла оценить ситуацию как здоровый человек. Но мне это и не требовалось. Достаточно того, что она поняла: перед нею Токико.

Приближались Олимпийские игры, до них оставалось меньше года. Я решила купить маме цветной телевизор, они только поступили в продажу. Но порадовать ее не получилось – мама мало что понимала из происходящего.

Цветные телевизоры были тогда в диковинку, поэтому соседи со всей округи нередко собирались у нас посмотреть это чудо. Мама умерла в долгожданный день открытия Олимпиады, глядя на экран телевизора, где реактивные самолеты рисовали в небе пять олимпийских колец.

Я осталась в большом долгу перед мамой и, чтобы хоть чуть-чуть расплатиться с ней, открыла за нее магазинчик в Сагано. Желание исполнить ее мечту – единственное, что еще удерживало меня на этом свете.

Раскаяния, в общепринятом смысле слова, я не испытывала. Я выполнила то, что задумала. Какой смысл делать что-то, если потом собираешься каяться? Надеюсь, вы меня поймете.

Провести остаток жизни в Киото в довольстве и уюте, занимаясь вместе с двумя молоденькими девушками своим магазином, было бы чересчур хорошо, хотя и приятно, конечно. И я решила сыграть, сделать ставку. Вы как астролог должны меня понять.

Я родилась в Токио утром 21 марта 1913 года, в 9.41. В первом доме гороскопа у меня Плутон, мрачная планета, символ смерти и реинкарнации. Моя склонность к странным, эксцентричным делам и поступкам, должно быть, объясняется влиянием этой планеты.

В каком-то смысле я – человек, родившийся под счастливой звездой. В моем гороскопе большой счастливый треугольник – Венера, Юпитер, Луна. Возможно, именно в этом причина того, что все мои планы были успешно реализованы.

Однако пятый дом, связанный с любовью, семьей и детьми, в моем гороскопе пуст. То же самое в одиннадцатом доме, отвечающем за дружбу и желания. Поэтому я не нашла ни друзей, ни настоящей любви, ни детей.

За всю жизнь у меня было единственное желание. Меня абсолютно не интересовали ни деньги, ни недвижимое имущество, ни положение и почет. Мне был нужен мужчина. Я решила: встречу такого – отдамся ему целиком, душой и телом.

Я поселилась в Сагано и жила там безвылазно в ожидании этого человека. Поставила на то, что он докопается до истины и отыщет меня. Сейчас это звучит странно, но в то время, несмотря на расположение планет, закрывшее для меня любовь, я верила, что с достижением среднего возраста моя судьба естественным образом переменится. Раз уж я родилась под счастливой звездой, надо целиком довериться року, и тогда произойдет что-то необыкновенное, замечательное. Кто бы ни был этот человек, он должен быть весьма неглуп, иначе ему не разгадать моей тайны, а значит, я смогу полюбить его. Пусть даже у него семья, дети. Это не имеет значения. Ему будет известно мое главное слабое место, и мне останется лишь во всем повиноваться ему. Я поверила, что так предписано мне судьбой. Какая глупость!

Время шло, я старела, но никто не появлялся. Даже если такой человек все-таки вдруг возникнет, он уже наверняка будет много моложе меня, решила я. Мой план оказался чересчур совершенным, я поставила на кон слишком много, и ставка моя была бита. Что могло быть для меня большим наказанием?

* * *

Хочу заверить: я не питаю к Вам недобрых чувств. Встретившись с Вами, я поняла, что мое поражение оказалось не таким уж страшным. Я бросила кости, и выпали не те очки. Только и всего.

Игра закончилась неудачно, надо подводить итог. В восьмом доме моего гороскопа – счастливый Юпитер, управляющий смертью и наследством. Мне не составит большого труда покинуть этот мир.

С молитвой о Вашем здравии я ставлю последнюю точку. Да сопутствует Вам удача и успех.

13 апреля, пятница

Токико

* * *

notes

1

Цельс – римский философ второй половины II в. Помимо критики христианства известен трактатами о магии и чародействе.

2

Мк. 9:17-18.

3

Феномен «глобус истерикус» (ощущение спазма, комка в горле) в Средние века считался признаком одержимости, проявлением внутреннего зла.

4

Геката – древнегреческая богиня тьмы, всего таинственного, магии и колдовства.

5

Под этим именем автор, видимо, имеет в виду легендарного алхимика XI в. Джона Гарланда Англичанина, писавшего под разными псевдонимами.

6

Трактат III в. «Философские мнения и обличение на все ереси», рассматривающий, в частности, предания древней магии и астрологии как источник антихристианских ересей.

7

Пригород Токио.

8

Ок. 2000 кв. м.

9

В этом доме ныне расположен музей известного французского художника-символиста Г. Моро (1826-1898).

10

«Вы японка?» (япон.)

11

«Каштаны, каштаны, жареные каштаны!» (фр.)

12

Художник, созданный фантазией автора, видимо, навеянной творчеством французского художника-новатора Ива Кляйна (1928-1962).

13

Цикл – устаревшее наименование единицы измерения частоты периодических процессов, которая с 1960 г. измеряется в герцах.

14

Химико – правительница одного из первых японских раннегосударственных образований, страны Яматай, жившая в II-III вв. н. э.

15

Мононобэ и Сога – древнейшие японские фамилии. Роду Мононобэ традиция приписывает божественное происхождение.

16

Японское название Курильских островов, южную часть которых Япония считает своей территорией.

17

Асакуса – район Токио.

18

Экономический район в северо-восточной части о. Хонсю.

19

Город в префектуре Фукусима, относящейся к району Тохоку.

20

Город в префектуре Аомори, входящей в экономический район Тохоку.

21

Пригород Иокогамы.

22

Префектура и город на северо-востоке о. Хонсю в экономическом районе Тохоку.

23

Фешенебельный район Токио.

24

Район Токио, где сосредоточено много кинотеатров и других увеселительных заведений.

25

Остров в Японском море у побережья преф. Ниигата.

26

Район Токио.

27

Центральный район о. Хонсю, наиболее урбанизированный и экономически развитый район Японии.

28

Первый в Японии туннель, проложенный под дном моря между островами Хонсю и Кюсю.

29

Нагаока - город в преф. Ниигата.

30

В феврале-марте 1945 г. на этом тихоокеанском острове шли ожесточенные бои между войсками Японской империи и США.

31

Эпоха в истории Японии (710–794), знаменующая развитие процесса централизации государства, начатого под влиянием Китая в середине VII в.

32

Мэйдзи Исин (реставрация Мэйдзи) – комплекс событий и социально-экономических преобразований во второй половине 60-х гг. XIX в., в результате которых была ликвидирована феодально-клановая система правления, опиравшаяся на военное правительство – бакуфу, находившееся на протяжении более чем двух с половиной веков в Эдо (ныне Токио).

33

Исторический географический район вдоль юго-восточного побережья о. Хонсю, по которому пролегла знаменитая дорога, соединявшая старую императорскую столицу Японии – Киото с новой «восточной столицей» – Токио.

34

Сидзуока – город и административный центр одноименной префектуры.

В японской историографии принят термин «Тайхэйё сэнсо» («Война на Тихом океане»), которым обозначаются боевые действия сил императорской Японии против США на Тихоокеанском театре военных действий Второй мировой войны.

Речь идет о пяти сражениях между самурайскими кланами Такэда и Уэсуги, состоявшихся в 1553–1564 гг., в «эпоху воюющих провинций», когда в Японии целый век не утихали междоусобные войны.

Район в центре Токио, расположенный недалеко от императорского дворца и парламента.

Сумма очень скромная, если учесть, что в 1939 г. был установлен курс 4,2675 иены за один американский доллар. Впрочем, покупательная способность японской, равно как американской валюты в тот период была несопоставимо выше нынешней.

Центр подготовки агентуры для проведения спецопераций, созданный японской императорской армией в Токио в 1938 г.

40

Громкое уголовное дело, фигуранткой которого стала жительница Токио Сада Абэ, зверски убившая своего любовника в мае 1936 г. Этот случай был положен в основу сюжета нескольких художественных фильмов, снятых в Японии в разные годы, в том числе нашумевшей ленты режиссера Нагиса Осима «Империя чувств» (или «Коррида любви»), которая на Каннском международном кинофестивале была названа «первым великим эротическим фильмом».

41

Саданори Симояма – первый президент государственной корпорации японских железных дорог, исчез утром 5 июля 1949 г. по дороге на работу. Его тело было обнаружено в Токио на следующий день на железнодорожных путях. Симояму сбил поезд, однако полиции так и не удалось установить с точностью, покончил он с собой или был убит.

42

26 января 1948 г. сотрудники одного из токийских отделений банка «Тэйгин» были отравлены неизвестным, который представился эпидемиологом и под видом лекарства дал им яд. Через несколько месяцев по подозрению в совершении этого преступления, жертвами которого стали 13 человек, был арестован художник Садамити Хирасава. Несмотря на недостаточность улик, суд приговорил его к смертной казни. В ожидании ее Хирасава провел 32 года в заключении и умер в тюремной камере в мае 1987 г.

43

XVIII летние Олимпийские игры проходили в Токио 10-24 октября 1964 г.

44

Осаму Дадзай (1909-1948) – один из самых известных японских писателей первой половины XX в.

45

Популярный в Китае и Японии образ зайца, который живет на Луне и толчет в ступе травы для эликсира бессмертия и рис для лепешек моти – традиционного новогоднего кушанья японцев.

46

«Кориэн» в переводе с японского означает «сад в деревне ароматов».

47

Имеется в виду так называемый Кансай-бэн – диалект, на котором говорят жители района Кансай, где находится Осака.

48

Ученица гейши.

49

Буддийский храмовый комплекс, основанный в VIII в., одна из главных достопримечательностей Киото.

50

Крупнейшая в Японии сеть магазинов, торгующих книгами и писчебумажными принадлежностями.

51

Город на о. Хоккайдо.

52

Англ. Fiber Reinforced Plastic.

53

Мэйдзи-мура – музей под открытым небом, посвященный периоду Мэйдзи в истории Японии (1868–1912). Главной достопримечательностью музея являются исторические здания, перевезенные туда из разных городов Японии.

54

Гэта – тип японских традиционных сандалий на деревянной подошве.

55

Футон – спальный матрас, расстилаемый для сна на полу и убираемый утром в шкаф.

56

Огай Мори (1862–1922), Сосэки Нацумэ (1867–1916) – классики японской литературы.

57

«Ваш покорный слуга кот» – сатирическая повесть, повествование в которой ведется от имени домашнего кота.

58

Один из первых маяков, построенных в 1870 г. в Токио, в районе Синагава, французским инженером Франсуа Леонсеем Верни.

59

Рохан Кодэ (1867–1947) – японский писатель.

60

Марэсукэ Ноги (1849–1912) – японский генерал, командующий 3-й армией в Русско-японской войне 1904–1905 гг.

Император Мэйдзи (1852–1912) – правитель Японии с 1867 г. За время его правления Япония прошла путь от изолированной, технически отсталой страны до одной из сильнейших мировых держав.

61

Административный центр преф. Кагава на о. Сикоку.

62

Тропа философа – одно из самых популярных мест любования сакурой в Киото. Названа так в честь японского философа Китаро Нисида (1870–1915), любившего по ней прогуливаться.

63

В переводе – «Серебряный павильон». Буддийский храм, построенный в 1483 г., одна из главных достопримечательностей Киото.

64

Купюры достоинством 10 000 иен.

65

Хиробуми Ито (1841–1909) – японский политический деятель, первый премьер-министр Японии. Изображен на купюрах в 1000 иен.

66

Колобки из рисовой муки, завернутые в соленые листья вишни.

67

Кун – именной суффикс в японском языке, использующийся (в отличие от более формального – «сан») при обращении к людям равного социального положения, чаще всего к друзьям, коллегам, одноклассникам.

68

Два последних иероглифа в фамилии Митараи означают «туалет».

69

Старинная настольная игра-ходилка, которая пришла в Японию из Китая в VII–VIII вв.

70

Ядзи (Ядзиробэй) и Кита (Китахати) – герои плутовского иллюстрированного романа «На своих двоих по Токайдо», автором которого является японский писатель Дзиппэнся Икку (1765–1831).

71

В буквальном переводе с японского – «звезда лунного света».

72

Традиционная переносная печь-жаровня, используемая в основном для обогрева помещения.

73

Город в соседней с Токио префектуре Канагава.